Редакционная коллегия

Подписано к печати 12/XI 1942 г.
Об'ем 6½ п. л. П. л. 46.800 уч.-авт. зн. и 51.500 печ. зн.
ВФ 4485. Заказ № 480. Тираж 400.

Типография ХОЗО НКВД Арм. ССР, ул. Ленина, № 67.

Большевистская печать—оружие правды[1]

Ежегодно, в день 5 мая, советский народ производит смотр своей печати. В этот день тридцать лет назад, в 1912 году, вышел в свет первый номер большевистской „Правды", созданной Лениным и Сталиным.

Большевистская печать—„самое острое и самое сильное оружие нашей партии" (Сталин). Боевым оружием огромной силы и действенности, грозным для врагов, является печать в наше время, в годину великой отечественной войны. Она неустанно, изо дня в день раз'ясняет народу высокие, благородные задачи справедливой, освободительной войны, которую наша родина ведет против коварного и вероломного врага. Она поддерживает, развивает, организует тот патриотический порыв, который владеет нашим народом и на фронте, и в тылу. Она знакомит советских людей с героическими подвигами защитников родины. Она служит живой связью между советским фронтом и советским тылом. Большевистское печатное слово проникает через линию фронта. Его слышат наши братья, томящиеся под немецко-фашистским игом во временно захваченных врагом районах Советского Союза. Большевистское печатное слово несет советским людям, попавшим под ярмо фашизма, весть об освобождении, вливает в них новые силы для борьбы против ненавистного врага.

Большевистская печать—это печать единого боевого лагеря, каким стала наша страна. Печать содействует сплочению всех сил советского народа, она цементирует ленинско-сталинскую дружбу народов СССР, она крепит морально-политическое единство советского общества.

Большие, ответственные задачи возложены на советскую, большевистскую печать, и она выполняет эти задачи, может выполнить их, потому что высоко держит непобедимое знамя Ленина—Сталина. Она изо дня в день мобилизует советских людей на выполнение исторических указаний товарища Сталина, являющихся ключом к победе над немецко-фашистскими захватчиками. Призыв товарища Сталина к фронту—неустанно громить врага, настойчиво учиться военному делу, изучить в совершенстве свое оружие, призыв товарища Сталина к советским патриотам в тылу—работать всюду так, чтобы фронт получал с каждым днем все больше вооружения, боеприпасов, продовольствия,—через печать доходят до сердца и сознания десятков миллионов людей.

---

[1] Передовая „Правды" от 5 мая 1942 г., № 125 (8896).

Наша печать служит народу и только народу. Советский народ верит своей печати, и в этом ее сила. Правдивость, принципиальность, непримиримое отношение к врагам народа—неот'емлемые черты большевистской печати.

Правдой победила большевистская печать своих врагов в 1912—1914 гг., когда небольшая по формату „Правда", выходившая на рабочие гроши, боролась с целой армией больших буржуазных газет, сеявших *ложь о рабочем классе, о революции, о большевиках.* В ясных, простых, кратких статьях Ленина и Сталина каждая строчка не говорила, а стреляла, и от этого рассеивался отравленный туман буржуазной лжи.

Правдой победила большевистская нелегальная печать в период мировой войны 1914—1918 гг., когда царское правительство закрыло „Правду" и заточило в тюрьмы большевистских рабочих депутатов Государственной думы. Большевистское слово проникло в окопы мировой войны, и солдаты узнали в большевиках истинных защитников народа.

Правдой победила большевистская печать в 1917 году, когда остервенелые слуги буржуазии, не умея противопоставить большевистскому ленинско-сталинскому слову свое слово, прибегли к грубому насилию, разгромили типографию „Правды", разорвали на улице рабочего Воинова за то, что он распространял „Правду".

Правдой победила большевистская печать в годы гражданской войны, когда она поднимала трудящиеся массы на отечественную войну против иностранных интервентов и их белогвардейских холопов.

Правде безраздельно служит наша печать в дни великой отечественной войны против гитлеровской Германии. Наша святая правда—в защите нашей родины, в нашей жгучей ненависти к врагу, в нашей пламенной любви к родной Красной Армии, в нашей решимости разгромить немецко-фашистских оккупантов и очистить землю нашу от гитлеровской погани.

Под сенью Сталинской Конституции СССР, обеспечившей советскому народу свободу печати, выросла широко разветвленная сеть большевистских газет и журналов. Выходят издания на национальных языках народов, у которых до социалистической революции не было своего печатного слова.

В условиях войны сильно выросла сеть военной печати, гигантски поднялось ее значение. В семье советских газет военная печать выполняет особо почетные и особо ответственные задачи. Она агитирует и зовет советских воинов на бой с врагом, она служит трибуной передового опыта, она популяризирует подвиги беспримерного героизма и самоотверженности, она помогает овладеть военным искусством. Фронтовые газеты, армейские газеты отдельных соединений и частей творят огромное дело. Честь и слава нашей военной печати!

Военные корреспонденты большевистской печати с честью выполняют на фронте свой патриотический долг. Они делят с бойцами

и командирами трудности и невзгоды войны, смело глядя опасности в лицо. Война за родину мобилизовала наших лучших писателей, поэтов, художников. Патриотические стихи и статьи, очерки и рассказы знакомят страну с подвигами героев, с замечательными летчиками, танкистами, артиллеристами, стрелками, кавалеристами, острая сатира разит врага, воспитывает ненависть и презрение к нему.

Партия Ленина—Сталина вырастила боевые кадры советских журналистов, беззаветно преданных народу. Они воспитываются на непревзойденных образцах большевистской публицистики—на произведениях наших великих учителей Ленина и Сталина, которые учат высокой идейности и принципиальности, непоколебимой вере в наше дело, умению разобраться в самой сложной и ответственной обстановке.

Большевистская газета делается руками самых широких масс трудящихся, которые несут на ее страницы свой опыт, свои наблюдения, свои предложения.

Советская печать завоевала себе видное и почетное место в мировой печати. К голосу наших газет прислушивается мир. Взоры всех свободолюбивых народов обращены к Советскому Союзу. Прогрессивное человечество с восхищением относится к героической борьбе народов советской страны за свою свободу, честь и независимость. Перед голосом большевистской правды бессильна фашистская ложь. На советской печати лежит благородная задача—разоблачать гитлеровских бандитов, выдающих себя за „националистов", за „социалистов", за поборников „культуры". Советская печать показывает, что на деле фашисты являются от'явленными империалистами, цепными псами немецких плутократов, злейшими врагами европейской культуры, а немецкая армия—слепое орудие, призванное проливать свою и чужую кровь ради обогащения немецких плутократов, армия средневекового мракобесия, призванная разрушить европейскую культуру ради насаждения рабовладельческой „культуры" немецких банкиров и баронов.

Голос советской печати, несущей миру ясные, простые и сильные слова товарища Сталина, слышен далеко за советскими рубежами. Ему откликаются многочисленные нелегальные газеты и листовки, выходящие всюду в оккупированных странах, появляющиеся в глубоком подполье в гитлеровской Германии. В День печати мы шлем пламенный братский привет героическим работникам свободного и честного слова, которые готовы итти на плаху под топор фашистских палачей и продолжают творить свое дело в условиях самого жестокого и варварского террора. Французский народ никогда не забудет одного из лучших своих сынов, блестящего журналиста Габриэля Пери, редактора коммунистической газеты „Юманите". Он был расстрелян как заложник немецко-фашистскими мерзавцами, угнетающими Францию.

Советская печать служит правому делу. Как и весь советский

народ, она воодушевлена одной и единой мыслью—разгромить врага. Пусть же громче звучит большевистское слово, призывая советский народ на борьбу и на труд, чтобы без промаха разили советские воины фашистско-немецкую нечисть, чтобы больше производилось оружия для фронта, чтобы еще ярче горел в сердцах советских людей патриотический огонь ненависти к врагу и любви к родине!

ՏԵՂԵԿԱԴԻՐ ՍՍՌՄ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱՅԻ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՖԻԼԻԱԼԻ
ИЗВЕСТИЯ АРМЯНСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР
BULLETIN of the ARMENIAN BRANCH of the ACADEMY of SCIENCES of the USSR

№ 5 (19), 1942

Мария Петросян

Тридцатилетний путь „Правды"

Исполнилось тридцать лет со дня выхода первого номера массовой ежедневной большевистской газеты „Правда", идейными вдохновителями и организаторами которой были Ленин и Сталин.

Тридцать лет этот доблестный орган большевиков ведет свою неустанную борьбу за дело рабочего класса, за торжество коммунизма. В течение всей своей жизни со своих незапятнанных страниц „Правда" несет в гущу народных масс правду большевиков, правду рабочего класса, организуя народные массы для борьбы и победы.

„Правда" возникла в мае 1912 года. Это было время, когда после мрачных годов столыпинской реакции начался новый под'ем рабочего движения. Ленские расстрелы потрясли всю страну и вызвали бурную демонстрацию рабочего класса, который, казалось, был окончательно задавлен и деморализован поражением революции 1905 года и столыпинскими виселицами.

К активной политической жизни проснулись миллионы рабочих и крестьян. Перед партией большевиков стала грандиозная задача—охватить идейно и организационно эти массы и, ломая сопротивление меньшевиков и троцкистов, сопротивление отзовистов и прочих антимарксистских течений, повести массы по революционному пути. Осуществлению этой задачи должна была содействовать вновь созданная массовая, ежедневная, легальная газета „Правда".

„Правда",—пишет товарищ Сталин,—родилась в волнах революционного под'ема в знаменитые „ленские дни". Появление на свет массовой рабочей газеты—„Правды" в эти именно дни знаменовало собой: 1) ликвидацию периода общей усталости в стране после Столыпинской „тишь да гладь", 2) мощное пробуждение русского рабочего класса к новой, второй после 1905 года, революции и 3) начало завоевания широких масс рабочего класса на сторону большевиков. „Правда" 1912 года—это закладка фундамента для победы большевизма в 1917 году"[1].

Следует помнить, что если в период возникновения „Правды" революционное подполье целиком находилось в руках большевиков, то в легальных организациях—печать, больничные кассы, кассы страхования, профессиональные об'единения—подвизались меньшевики. Нужно

[1] Сталин. „Правда", № 98, 5. V. 1922 г.

было изгнать этих людей из массовых рабочих организаций. Без этого большевики не сумели бы повести за собой массы и сама большевистская партия, не осуществив этой задачи, могла замкнуться в себе, переродиться в секту.

„В центре этой борьбы за партийность,—как указывает товарищ Сталин,—за создание массовой рабочей партии стояла „Правда". Она была не просто газетой, подводящей итог успехам большевиков в деле завоевания легальных рабочих организаций,—она была вместе с тем организующим центром, сплачивающим эти организации вокруг подпольных очагов партии и направляющим рабочее движение к одной определенной цели"[1].

***

„Правда" стала выходить после Пражской конференции, в период, когда большевики окончательно порвали свои, существовавшие до этого формальные связи с меньшевиками и из политической группы оформились в самостоятельную Российскую социал-демократическую рабочую партию (большевиков). Пражская конференция, как отмечается в Кратком курсе истории ВКП (б), положила начало партии нового типа, партии ленинизма, большевистской партии.

Как боевой орган партии нового типа, „Правда" сама с первых же дней своего существования была газетой нового типа. В условиях жестокой царской цензуры она, в отличие от всей социал-демократической прессы оппортунистического толка, сумела стать газетой, стоящей на платформе последовательно-революционного марксизма.

В отличие от лживой оппортунистической прессы, для которой ложь являлась единственным средством прикрытия оппортунизма, средством обмана масс, „Правда" была газетой, которая полностью оправдывала свое название, она говорила подлинную правду массам. Она могла говорить правду, ибо была газетой пролетариата, газетой класса, идеалы, стремление и учение которого отражали ход исторической правды, ход об'ективного исторического развития действительности.

Характеризуя марксизм, Ленин говорил, что это учение всесильно, ибо оно истинно. То же самое можно сказать о „Правде". Она оказалась мощным орудием, за ней шли сотни тысяч людей, а впоследствии миллионы, ее удары были неотразимы, ибо она была истинной, ибо, от первой до последней,— строчки газеты были отражением и выражением исторической правды, правды рабочего класса.

В отличие от газет реформистского лагеря -этих шарманок, воспевавших классовый мир и классовое сотрудничество, „Правда" хотела быть и сумела стать набатным колоколом пролетарской революции.

„Правда" продолжала традиции ленинской „Искры". Она была

[1] Сталин. К десятилетию „Правды". „Правда", № 98, 5. V, 1922 года.

революционно-действенной газетой. Она не занималась пассивно-созерцательным отражением действительности, а активно боролась за изменение этой действительности, памятуя один из основных принципов марксистско-ленинского мировоззрения, что дело не только в об'яснении бытия, но в его революционном преобразовании.

Историческое отличие эпохи „Правды" от периода „Искры" с особенной остротой выдвигало перед газетой задачи помощи и руководства *практическими боями рабочего класса.* Ибо в период, когда выходила „Искра", только еще шел процесс собирания разрозненных социал-демократических кружков, подготовки идейного и организационного сплочения партии. „Правда" стала выходить в период „новой полосы" в развитии революционного рабочего движения, в период практических боев рабочего класса за свое политическое и экономическое господство, и перед ней, как центральным органом большевиков, стояли задачи *сплочения вокруг партии сил революции, организации их на штурм капитализма.* Эту свою задачу „Правда" с честью выполнила.

В отличие от социал-демократических газет партий II-го Интернационала, „Правда", как большевистская газета, вела решительную борьбу против разлагающего влияния на рабочий класс как русского, так и международного оппортунизма. „Правда" всегда помнила и руководствовалась ленинским указанием о том, что рабочая газета должна очищать сознание пролетариата от враждебных теорий, от буржуазно-идеалистической примеси, что она должна помочь рабочему классу овладеть социалистической идеологией.

„Правда" всегда руководствовалась марксистско-ленинским принципом партийности теории. Она последовательно отстаивала на своих страницах одно учение—марксистско-ленинское учение. Принципиальный враг философского и политического эклектизма, „Правда" не предоставляла своих страниц для выражения чуждых взглядов, чуждых мнений. Она хотела быть и сумела стать органом большевизма.

Как орган партии нового типа, непримиримого к оппортунизму, ко всем врагам революции, „Правда" на своих партийных страницах вела беспощадную борьбу со всеми уклонами от генеральной линии партии, со всеми перерожденцами. Она помогала партии выявлять и очищать ряды партии от чуждых элементов, от врагов большевизма.

„Правда" была газетой нового типа не только своим революционным содержанием, но и тем, что она стояла в самой гуще рабочей массы, организовывала ее на борьбу.

В одной из первых статей в „Искре"—„С чего начать" Ленин указывал, что газета это—коллективный пропагандист, агитатор, организатор. Такой была „Правда" со дня своего рождения.

В отличие от газет оппортунистического лагеря, которые стряпались, как правило, руками газетных бюрократов, „Правда" была подлинно рабочей газетой. Ее создавали сотни рабочих-революционеров.

„Правда“ сразу же поставила перед собой задачу выращивания литераторов из среды самих рабочих и вовлечения их в руководство газеты, задачу привлечения к участию в газете широкой массы рабочих. „Мы бы желали...—писала „Правда“в первом же номере,—чтобы рабочие не ограничивались одним сочувствием, а принимали активное участие в деле ведения нашей газеты. Пусть не говорят рабочие, что писательство для них „непривычная“ работа: рабочие-литераторы не падают готовыми с неба, они вырабатываются лишь исподволь, в ходе литературной работы. Нужно только смелее браться за дело: раз—два споткнешься, а там и научишься писать“[1].

Условия и материальная база, определившие выход „Правды“, еще раз показывают подлинно-массовый рабочий характер газеты. „Правда“ стала выходить на трудовые копейки,которые отдавали из своего мизерного заработка рабочие. Она была основана на пятаки, собранные маленькими заводскими и фабричными организациями рабочих. Посылая свою лепту в фонд создаваемой газеты, группа петербургских табачников писала в редакцию еженедельной большевистской газеты „Звезда“: „Газета нам необходима, как свет и воздух, в которой мы будем черпать силы для борьбы за лучшую долю“.

„Правда“ с самого начала была именно такой газетой. Как газета нового типа, „Правда“ была кровно связана с массами. Из единства и связи с массами она черпала свою силу, свой размах.

„Правда“ пользовалась широкой популярностью среди рабочих, среди трудящихся. О любви, которую питали рабочие к своей газете, могут свидетельствовать следующие факты: в середине 1913 г. за издание „Правды“ высказалось 2500 рабочих групп, в то время как за издававшуюся меньшевистскую газету „Луч“ высказалось только 540 групп. Ко второй годовщине „Правды“ группа рабочих Брянского завода писала в редакцию газеты: „Шлем сердечный привет дорогой защитнице—газете „Путь правды“, и в день второй годовщины мы душевно присоединяемся к великому празднику печати всего российского пролетариата марксистского направления. Зная, как много бедствий и угнетений переносит наша рабочая газета на своем тернистом пути, мы приносим ей посильную помощь в борьбе за неурезанные лозунги и желаем ей твердо и неуклонно итти по тому же пути...

Собрано в железный фонд шесть рублей 95 копеек.

Группа сознательных рабочих—12 человек“[2].

Другое поздравление было выражено в следующей форме:

Привет тебе, рабочая газета,
Привет и всем твоим сынам!...
Ты—яркий луч желанного рассвета,
Ты—светлый луч, дающий силу нам[3]...

---

[1] „Правда“, № 1, 22. IV (5 V). 1912 г.

[2] „Путь правды“, 26. IV. 1914 г.

[3] Там же.

Приведем еще одно характерное письмо. В марте 1913 года мальчики портняжной мастерской „Менга“ писали в „Правду“: „Читая газету „Правда“ и газету „Копейка,“ находим между ними большую разницу. Читая газету „Копейка“, мы ею только развращаемся, в ней нет учения к жизни. А читая нашу рабочую „Правду“, мы в ней видим жизнь, учение к борьбе и признание человеческого достоинства“[1].

О популярности газеты может свидетельствовать и такой факт: в то время как „Правда“ расходилась в среднем по 40 тысяч экземпляров в день, тираж меньшевистской газеты не превышал 15—16 тысяч.

Растущая популярность газеты все больше озлобляла реакционные круги. „Правде“ приходилось претерпевать постоянные гонения со стороны царских властей. Она была вынуждена прибегать к эзоповскому языку, чтобы суметь довести свои мысли до рабочей массы. Она была вынуждена прибегать к всевозможным ухищрениям, чтобы спасать тиражи номеров. Задолго до выхода газеты активисты „Правды“ дежурили у типографии, чтобы доставить „Правду“ рабочим до ее очередной конфискации. Один из старейших работников газеты, вспоминая мытарства „Правды“, писал: „При выпуске газеты из типографии несколько экземпляров полагалось обязательно снести в цензурный комитет для просмотра. Но в то время как шли в цензурный комитет за разрешением на выпуск, мы грузили на извозчиков кипы газет. Пока цензура просматривала первый номер, мы успевали увозить газеты на заводы.

Однажды пришел околоточный надзиратель конфисковать выпуск, но ни одного номера уже не было: „Вы хоть нам несколько номеров оставляйте для конфискации“,—сказал околоточный“[2].

Восемь раз „Правда“ была вынуждена менять свое название. После каждого запрещения она выходила под новым названием. Так, после первого запрещения в июле 1913 года „Правда“ стала выходить под названием „Северная правда“, затем „Правда труда“, „За правду“, „Пролетарская правда“, „Путь правды“, „Трудовая правда“.

*
* *

Первый период деятельности „Правды“ (1912—1914 гг.) был заполнен ожесточенной борьбой за революционную программу и тактику большевизма, борьбой против оппортунизма, против подмены нелегальной партии открытой „столыпинской рабочей партией“. „Правда“ повела атаку против прямых ликвидаторов типа Дана, Аксельрода и Потресова, против двурушника—центриста Троцкого, а также против „ультралевых“, так называемых отзовистов (Богданова, Покровского и др.), являющихся ликвидаторами лишь наизнанку.

---

[1] „Правда“, № 54, 6 (19). III. 1913 г.

[2] „Правда“, № 122, 5. V. 1937 г.

В ряде ленинских статей „Правда" вскрыла перед рабочими подлинное лицо ликвидаторов, как агентуры либеральной буржуазии в партии, она разоблачила гнусную историю августовского блока. Ленинской статьей „Распад „августовского" блока" „Правда" показала, что этот блок был прикрытием ликвидаторов, что Троцкий под прикрытием лживых фраз о единстве стремился запутать несознательных рабочих. В статье „Разоблачение „августовской" фикции" „Правда" вскрыла необходимость решительной борьбы с ликвидаторами. Она писала—„Единство марксистских рабочих России *возможно* только *против* ликвидаторов".

„Правда" провела огромную работу по освобождению рабочих из-под влияния чуждой, антимарксистской идеологии. В борьбе против антипартийных течений она вооружала пролетариат марксистским мировоззрением, марксистской идеологией.

В борьбе за победу большевизма „Правда" выполняла роль не только пропагандиста и агитатора, но и организатора. Говоря об этом значении „Правды", товарищ Сталин писал к десятилетнему юбилею „Правды": „Именно в такую газету превратилась „Правда" в период борьбы с ликвидаторами за сохранение подполья и завоевание легальных рабочих организаций. Если верно то положение, что без победы над ликвидаторами не было бы у нас той партии, сильной своей сплоченностью и непобедимой своей преданностью пролетариату, которая организовала Октябрь 1917 года,—то столь же верно и то, что упорная и самоотверженная работа старой „Правды" в значительной мере подготовила и ускорила эту победу над ликвидаторами. В этом смысле старая „Правда" была несомненно предвестницей будущих славных побед русского пролетариата"[1].

Борьбу против ликвидаторства как справа, так и слева, в частности против ликвидаторской газеты „Луч", „Правда" вместе с большевистской партией развернула вокруг трех выдвинутых Пражской конференцией лозунгов избирательной кампании в IV Думу,—лозунгов, входящих органической частью в программу буржуазно-демократической революции—демократическая республика, восьмичасовый рабочий день, конфискация всей помещичьей земли.

Позиция „Правды" в этом вопросе, как и во всех других, абсолютно совпадала с позицией официального органа ЦК РСДРП—заграничного „Социал-Демократа". Разница заключалась лишь в официальном прикрытии в „Правде" тех лозунгов, которые в „Социал-Демократе" ставились прямо и открыто. Так, борясь вместе с „Социал-Демократом" за названные основные лозунги избирательной кампании, „Правда", прибегая к цензурной маскировке, именует их „неурезанными лозунгами", иногда „тремя китами".

Так же, как и „Социал-Демократ", „Правда" на своих страницах ведет пропаганду за свержение царизма, но делает это в „подцен-

[1] Сталин. „К десятилетию „Правды", „Правда", № 98, 5. V. 1922 года.

зурной" форме, путем условных наименований, скрытый смысл которых массы скоро научились понимать. Так, в статье „Маевка революционного пролетариата", напечатанной в № 30 „Социал-Демократа", Ленин, подводя итог революционным настроениям масс, свидетельствующим о нарастании новой революции, писал: „Политический кризис общенационального масштаба в России налицо и притом это—кризис такой, который касается именно *основ* государственного устройства, а вовсе не каких-либо частностей его, касается *фундамента* здания, а не той или иной пристройки, ни того или иного этажа" (Ленин, т. XVI, стр. 487).

Ту же самую оценку соотношения классовых сил в России Ленин дает и в „Правде". В статье „Жизнь учит" Ленин, показывая наступление нового момента в развитии революционного рабочего движения, пишет: „Наступила *новая эпоха*. В этом не может теперь быть никакого сомнения. Начало 1913 года—лучшая тому порука. От отдельных *частных* вопросов рабочая *масса* идет к постановке *общего* вопроса. Внимание самых широких масс сосредоточивается уже не на отдельных только нестроениях нашей русской жизни. Вопрос ставится о *всей совокупности* этих нестроений, в целом, речь идет не о реформах, а о реформе"[1]. Несмотря на осторожность в формулировках, сознательное избегание страшных для царской цензуры революционных слов, рабочие понимали революционное содержание и призыв ленинской статьи.

Благодаря своей широкой связи с рабочими и трудящимися массами „Правда" в рассматриваемый период помогла партии отвоевать у меньшевиков легальные организации—печать, страховые кассы, профсоюзы, изгнать из легальных организаций рабочего класса ликвидаторов и подчинить эти организации большевистскому влиянию.

„Правда" сыграла огромную роль в деле подготовки и организации избирательной кампании в IV Государственную Думу. Она помещала выборные воззвания нашей партии к рабочим, списки кандидатов в выборщики и в члены Думы, мобилизующие рабочий класс статьи Ленина и Сталина. В „Правде" был изложен исторический сталинский „Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату", сыгравший громадную роль в избирательной борьбе, сплотивший вокруг партии подавляющее большинство петербургского пролетариата.

„Мы бы хотели, чтобы с высоты думской трибуны громко раздавались голоса членов социал-демократической фракции о конечной цели пролетариата, о полных и неурезанных требованиях пятого года, о русском рабочем классе, как вожде народного движения, о крестьянстве, как наиболее надежном союзнике рабочего класса, о либеральной буржуазии, как изменнице „народной свободы",—говорилось в „Наказе".

[1] Ленин. „Правда", № 15 (219) 1—II (19—1) 1913 г.

Мы бы хотели, чтобы в своей работе на почве вышеупомянутых лозунгов социал-демократическая фракция IV Думы была единой и сплоченной.

Чтобы она черпала свою силу в постоянном общении с широкими массами.

Чтобы она шла нога в ногу с политической организацией рабочего класса в России"[1].

Огромна роль „Правды" как трибуны для депутатов, как органа теснейшей связи большевистской шестерки депутатов Думы с широчайшими массами.

Из номера в номер „Правда" пропагандировала один из важнейших принципов большевизма—идею гегемонии пролетариата в грядущей революции, идею союза рабочего класса с крестьянством.

В своем отделе „Крестьянская жизнь" „Правда" систематически освещала жизнь трудового крестьянства, стонавшего под игом тунеядцев. Известной статьей Ленина „Крупное помещичье и мелкое крестьянское землевладение в России" „Правда" наглядно показывала трудовому крестьянству вопиющую несправедливость распределения земли между помещиками и крестьянами, что „корень крестьянской нищеты и голодовок лежит в крупном помещичьем землевладении, в пережитках крепостничества, от которых крестьянство может избавиться лишь через революцию, руководимую рабочим классом"[2].

В вопросе о крестьянстве, как и во всех других, „Правда" не только пропагандировала большевистские идеи, но и боролась за их осуществление. В корреспонденциях из различных губерний—Псковской, Уфимской, Самарской она освещала борьбу революционного крестьянства, сплачивая и организовывая остальных. „Через рабочих, связанных с деревней, „Правда" проникала в деревню, пробуждая к революционной борьбе передовых крестьян"[3].

Существование „Правды", ее связь с массами, ее революционная сила и мощь все больше и больше пугали царское правительство. И 8 июля 1914 г., в момент, когда революционный под'ем питерских пролетариев достиг высшей точки, когда рабочие стали воздвигать на улицах столицы баррикады, когда стало явным приближение революционной грозы, царское самодержавие закрыло „Правду" без права выхода под другим названием.

В дальнейшем, на протяжении всего периода империалистической войны большевистская партия лишена была возможности выпускать в России периодические органы печати. Но царскому правительству не удалось заставить замолчать голос большевистской правды. Партия стала выпускать подпольные прокламации, которые мобилизовывали рабочих и крестьян против империалистической войны, подымали народ на революционную борьбу против царизма, на завоева-

[1] „Социал-Демократ", № 28—29. 18 (5) XI. 1912 г.

[2] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 147, изд. 1940 г.

[3] Там же.

ние власти. Эти большевистские прокламации были продолжением „Правды".

Так закончился первый этап деятельности большевистской „Правды".

***

„Правда" вновь вернулась к жизни и к борьбе в грозовые дни февральской революции, когда народные массы поднялись на бой против ненавистного царского деспотизма.

В 1917 году, как и в период 1912—1914 гг., „Правда" была одним из важнейших средств большевистской ориентации всех местных организаций нашей партии, одним из средств об'единения миллионных масс вокруг лозунгов партии. „Правда" была одним из основных орудий, штурмующих капиталистический строй и подготавливающих его свержение, ведущих массы на вооруженное восстание.

Под руководством Ленина и Сталина „Правда" стала острейшим оружием борьбы со всеми врагами партии и коммунизма, оружием разоблачения контрреволюционной природы меньшевиков, эсеров и других врагов рабочего класса, оружием борьбы с международным оппортунизмом.

ПА-3738 4846

1917 год был годом продолжения империалистической войны. Охваченная патриотическим угаром, социал-демократическая пресса не переставала кричать вслед за буржуазной прессой об отечестве, о защите родины, о национальности, о продолжении войны до победного конца.

Большевистская „Правда" с первого же номера вскрывает перед массами грабительский характер империалистической войны, она разоблачает лживость социал-демократических фраз о защите отечества в период, когда власть находится в руках эксплоататоров, она вскрывает предательство международной социал-демократии, ее пресмыкательство перед буржуазией.

Во втором номере газеты „Правда" печатает манифест против войны второй социалистической международной Циммервальдской конференции, вслед за этим она публикует подписанный Лениным проект резолюции: „Всемирная война и задачи социал-демократии", зовущий „рабочие массы к революционной борьбе с капиталистическими правительствами за завоевание политической власти"[1]. „Правда" мобилизует рабочий класс, армию и трудящиеся массы вокруг лозунгов большевистской партии—превращение империалистической войны в войну гражданскую, поражение в войне своих империалистических правительств, организацию III Интернационала.

В статьях Ленина и Сталина о войне „Правда", подвергая критике абстрактный пацифизм, вскрывает перед пролетариатом прак-

[1] „Всемирная война и задачи социал-демократии". „Правда", № 3, 8. (21) III. 1917 г.

тические действия, вытекающие из лозунга „Долой войну", она показывает, что единственный способ выхода из империалистической войны—это переход власти к революционному классу, к пролетариату.

„Правда" ведет упорную борьбу за высвобождение масс из-под влияния мелкобуржуазных партий меньшевиков, за завоевание широких народных масс, она беспощадно разоблачает меньшевистскую политику в вопросе об отношении к империалистической войне.

В огромном количестве блестящих по своей политической четкости и ясности передовых „Правда" под руководством Ленина и Сталина систематически вскрывает перед массами подлинное лицо Временного правительства, возглавляемого предателями—меньшевиками и эсерами. Таковы передовые—„Классовое сотрудничество с капиталом или классовая борьба против капитала?"[1], „Куда привели революцию эсеры и меньшевики" и многие другие.

„На деле они, именно они,—пишет „Правда" о меньшевиках и эсерах,—вручили судьбу народа контрреволюционной буржуазии, кадетам, именно они отошли в сторону от революции к продолжению империалистической войны, в сторону от демократии, к „уступкам" кадетам и в вопросе о власти (возьмите хоть „утверждение" сверху выборных местным населением властей) и в вопросе о земле (отказ и меньшевиков, и эсеров от *их* собственной программы: поддержка революционных выступлений крестьян *вплоть до конфискации* помещичьих земель), и в вопросе национальном (защита кадетского антидемократизма в отношении к Украине и Финляндии).

... Меньшевики и эсеры *повели массы* к подчинению политике контрреволюционных буржуа"[2].

В этих статьях, как и во многих других, голос большевистской „Правды" звучит обвинительным актом предательским мелкобуржуазным партиям эсеров и меньшевиков, грозным призывом к борьбе с буржуазией и ее меньшевистско-эсеровскими агентами.

„Правда" упорно, шаг за шагом помогает партии осуществить основную стратегическую задачу периода от марта до октября 1917 г. —изолировать мелкобуржуазную демократию (меньшевиков и эсеров), старающихся овладеть трудовыми массами крестьянства и кончить революцию путем соглашения с империализмом. „Правда" об'единяет массы вокруг лозунгов большевистской партии: „Вся власть советам", „Мира, хлеба, земли и свободы", „Долой десять министров-капиталистов".

„Правда" помогает партии мобилизовать широчайшие слои рабочих и солдат на борьбу против Временного правительства. Исторические статьи Ленина и Сталина „О советах рабочих и солдатских депутатов", „Письма издалека" и другие важнейшие программные документы большевизма вскрывают перед рабочим классом движущие

[1] „Правда", № 50, 19. (6.) V. 1917 г.
[2] „ № 88, 5. (22. VI). VII. 1917 г.

силы социалистической революции, обосновывают необходимость союза пролетариата с беднейшим крестьянством, необходимость нейтрализации крестьянства и мелкой буржуазии, необходимость перехода от первого этапа революции ко второму.

7 апреля „Правда“ печатает исторические Апрельские тезисы Ленина. Призывом к дальнейшему развитию революции звучат со страниц „Правды“ знаменитые ленинские слова: „Своеобразие текущего момента в России состоит в *переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата,—*ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства“[1].

„Правда“ не только занимается пропагандой и агитацией большевистских лозунгов. Она устанавливает тесные связи с сотнями тысяч пролетариев, с сотнями тысяч солдат, этих крестьянских сынов в солдатской одежде. Она сама выступает как организатор пролетарских масс и беднейшего крестьянства на борьбу за перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, за установление диктатуры пролетариата.

Под ленинско-сталинским руководством редакция „Правды“ становится центром идейно-политической и организационной работы партии. Некоторые важные заседания ЦК происходят в редакции „Правды“. Большевистская „Правда“ становится центром притяжения и мобилизации всех активных революционных сил рабочего класса.

Убеждаясь на своем собственном политическом опыте в правильности идей большевистской партии, рабочий класс, беднейшее крестьянство все больше и больше сплачиваются вокруг большевистской партии и ее революционного органа—большевистской „Правды“. Вместе со многими большевиками и целыми провинциальными организациями передовые рабочие называют себя правдистами. „Правда“ и большевистская партия становятся для рабочего класса, для трудящихся масс синонимами.

Это движение пугает контрреволюцию и она принимает все меры к тому, чтобы закрыть „Правду“. Всеми своими силами контрреволюция обрушивается на „Правду“. 18 (5) июня 1917 года она чинит разгром „Правды“.

Характерно, что незадолго до разгрома „Правды“ было принято секретное постановление „Лиги борьбы с большевизмом“, в состав которой входило много деятелей помещичье-капиталистической Государственной Думы. Оно гласило:

„Постановление № 9, 18 июня 1917 года.

Лига борьбы с большевизмом и анархией..., рассмотрев дело о Ленине (Ульянове) (№ 2, 1917 г.) и дело о газете „Правда“ (№ 4, 1917 г.), нашла, что как Ленин, так и газета „Правда“ поставили

[1] „Правда“, № 26, 7. IV (20). 1917 г.

своей целью создание в России анархии и стремятся к тому, чтобы вызвать гражданскую войну. Находя виновность Ленина и газеты „Правды" вполне доказанной,... Лига большинством голосов постановляет:

1. Ульянова, именующего себя Лениным, лишить жизни.
2. Типографию газеты „Правда" взорвать".

Что может быт гнуснее этого черного документа.

Лишить большевистскую партию и рабочий класс их газеты контрреволюции не удалось. Вместо „Правды" начали выходить „Рабочий и солдат", затем „Пролетарий", „Рабочий", „Рабочий путь". Это была все та же большевистская „Правда".

Под новыми названиями она продолжает мобилизацию сил революции, она продолжает об'единять массы вокруг лозунгов партии, подводить их к самому, так сказать, порогу революции, подводить массы к вооруженному восстанию. Она ведет огромную работу по разложению буржуазной армии, без которого нельзя было и думать о серьезной борьбе, о вооруженном восстании. Благодаря этой работе Временное правительство во время Октябрьского переворота почти не имело армии и поэтому не могло оказать серьезного сопротивления революции, огромное большинство армии к Октябрю находилось под влиянием большевистской партии. Ведя колоссальную работу по разложению и завоеванию вооруженных сил Временного правительства, „Правда" помогает партии создавать вооруженные силы пролетариата, легендарную Красную гвардию, героизм и революционные традиции которой сегодня вновь воскресают.

В исторические дни Октября „Правда" вместе с большевистской партией ведет массы в прямую атаку на царизм, на Временное правительство. Никакие попытки Керенского разгромить большевистскую „Правду", выходящую под названием „Рабочий путь", уже не могли увенчаться успехом, несмотря на то, что Керенский посылает броневики к помещению редакции „Рабочего пути" и типографии большевиков.

„... к 10 часам утра, по указанию товарища Сталина красногвардейцы и революционные солдаты оттеснили броневики и установили усиленную охрану у типографии и редакции „Рабочего пути". К 11 часам утра вышел „Рабочий путь" с призывом—*свергнуть* Временное правительство. Одновременно по указанию Партийного центра восстания были срочно подтянуты к Смольному отряды революционных солдат и красногвардейцев[1]".

Восстание, которое тщательно и упорно подготавливалось большевистской партией, за которое боролась „Правда", началось.

[1] Краткий Курс Истории ВКП(б), стр. 198, изд. 1938 г.

*
* *

Осуществилась одна из величайших революций, известных в истории человечества,—революция, уничтожившая реакционный царизм. Совершилась революция, за торжество которой боролась с первых дней своего существования предреволюционная „Правда“.

Прорвав цепь империализма в одной из крупнейших стран, освободив из-под ярма царизма угнетенные народы, рабочий класс и беднейшее крестьянство взяли судьбы страны в свои руки. Они создали власть, которой суждено было построить первое социалистическое государство в мире.

Из гонимой, фактически нелегальной газеты „Правда“ стала могущественной газетой господствующего класса и его партии. Перед ней встали задачи всемирно-исторического значения—защита молодой рабоче-крестьянской державы от внешней и внутренней контрреволюции, борьба за создание и упрочение Советского государства, советских устоев жизни, за построение социализма.

С первых дней своей советской жизни „Правда“ мобилизует массы на выполнение задач Октября. В популярной форме она раз'ясняет народным массам роль и отличительные особенности социалистической революции и рабочего государства. Она помогает рабочему классу и широким трудящимся массам постепенно втягиваться в сложное дело управления государством, создавать свободную, творческую жизнь. Но события помешали этому.

Недолго спустя после Октябрьского переворота началась ожесточенная борьба молодой советской республики со всеми реакционными силами старого мира, пытавшимися задушить социалистическую революцию. Германский империализм, несмотря на смертельную схватку с другими империалистическими державами, набросился на нас. Он „... делал все возможное и невозможное для того, чтобы изолировать, ослабить и погубить Советскую страну“.

В эти критические для судеб революции дни „Правда“ на своем боевом посту. Она мобилизует рабочий класс и широкие массы трудящихся на борьбу за завоевания Октября.

В памятный день 19 февраля 1918 года „Правда“ выходит с передовой под заглавием „Разбойничий поход“.

„... Германия идет сейчас разбойничьим походом, как *международный жандарм*, громящий центр мировой пролетарской революции,—грозно несется со страниц „Правды“.—Германия ставит перед собой задачу уничтожения пролетарского государства, уничтожения свободы освобожденных от царизма советских народов, уничтожения нашей культуры.

„*Разделаться с революцией*—вот основная задача германского империализма и его вассалов,—пишет „Правда“.—Навести буржуазный „порядок“, т. е. возвратить банкирам их банки, возвратить землю помещикам, снова низвести рабочих на положение под'яремных рабов—такова цель капиталистических убийц“.

„Правда" призывает трудящиеся массы встать на защиту своей свободы, на защиту своих прав, на защиту подлинной отчизны, завоеванной кровью народа. Она призывает беспощадно уничтожать палачей пролетарской революции, кто бы они ни были, германские генералы и офицеры или выполняющие их волю германские рабочие и крестьяне.

С волнением читаются звучащие сегодня с особенной силой исторические слова „Правды":

„Всем рабочим, всем солдатам, всем крестьянам России была ясна мирная политика Советской власти. Она должна быть ясна и каждому рабочему Германии и Австрии. Германские генералы и офицеры, германская белая гвардия идет против пролетариев и крестьян и их власти. Тот, кто слушается этих офицеров и генералов, вместо того, чтобы убивать их на месте, тот играет роль палача международной революции" [1].

С огромной революционной страстью „Правда" призывает уничтожать немецких оккупантов, бесчеловечно грабящих и угнетающих наш народ на Украине, в Закавказье, всюду, где ступал подкованный сапог немецкого солдата.

Опасность, нависшая над Советской властью, пробудила к активной контрреволюционной борьбе все силы старого мира. Вместе с германским хищником они стали принимать все меры к тому, чтобы раздавить Советскую власть, реставрировать помещечьи-капиталистические порядки. То там, то здесь стали возникать контрреволюционные правительства, требующие отделения и независимости от революционной России.

В эти тяжелые дни „Правда" печатает исторические статьи товарища Сталина: „Контрреволюционеры Закавказья под маской социализма", „Положение на Кавказе", „О Донщине и Северном Кавказе", разоблачающие грабительский план германского империализма, вскрывающие перед массами подлинное лицо буржуазно-националистических правительств, мобилизующие народ на борьбу против угнетателей.

Германские империалисты стремятся окружить Советскую Республику, отрезать Россию от Донской области и Кавказа, лишить ее хлеба, хлопка, угля, нефти. Они используют буржуазно-националистические марионеточные „правительства" как ширму, как прикрытие для захватов и порабощения новых земель,—пишет „Правда",—Советская власть похоронила бы себя заживо, если бы она не мобилизовала все, без исключения все.... для отпора захватчикам и поработителям" [2],—звучат со страниц „Правды" слова товарища Сталина.

С особым интересом мы, закавказцы, читаем сегодня номера „Правды", анализирующие положение в Закавказье, в рассматриваемые критические для Советской власти дни.

---

[1] „Правда", № 29 (256), 19 (6). II. 1918 г.
[2] „Правда", № 108. 1. VI (19. V). 1918 г.

Еще в начале 1918 года „Правда" статьей товарища Сталина вскрывает контрреволюционное лицо Закавказского „правительства", руководимого меньшевиками Гегечкори и Жордания.

„... В лице Закавказского комиссариата и его „сеймово-национальных" привесок мы имеем дело с самым злостным контрреволюционным блоком, направленным против рабочих и крестьян Закавказья"[1], читаем мы в мартовском номере „Правды". Когда же с помощью немецких „освободителей" сейм об'явил о независимости Закавказья, а на Северном Кавказе из отставных генералов было образовано контрреволюционное правительство, на страницах „Правды" появляется статья товарища Сталина „О положении на Кавказе".

„Вся Армения протестует против узурпаторства самозванного Тифлисского „правительства", требуя ухода сеймовых депутатов, а центр мусульманства—Баку, цитадель Советской власти в Закавказье, сплотив вокруг себя все Восточное Закавказье, от Ленкорани и Кубы до Елисаветполя, с оружием в руках утверждает права народов Закавказья, всеми силами старающихся сохранить связь с Советской Россией. Мы уже не говорим о геройской Абхазии, на побережье Черного моря, единодушно восставшей против черных банд Тифлисского „правительства" и с оружием в руках отстаивающей против них Сухуми....

Ничего и говорить, что.... Советская власть будет всеми силами отстаивать неот'емлемые права трудовых масс Закавказья против захватнических покушений...

... Советской власти придется мобилизовать все силы для защиты народов Северного Кавказа от возможных захватнических покушений,"—заявляет „Правда" устами товарища Сталина.[2]

В напечатанной еще в марте м-це статье „Наши очередные задачи" „Правда" вскрывает перед широкими партийными массами задачи, стоящие перед каждым коммунистом, каждой партийной организацией: „Немедленная и неусыпная подготовка и организация боевых сил народа—первейшая и насущнейшая задача партии. Это должно быть нашим общим кличем по градам и весям, нашим общим несниженным лозунгом,—пишет большевистская „Правда".—Каждый партийный, каждый советский работник без различия оттенка во взглядах может и должен найти себе здесь подходящую работу. Ковать надо не только оружие, но и дух борцов. Надо поднимать, сплачивать ряды. Неустанно, неуклонно надо внедрять в сознание масс мысль, что враг наступает со всех сторон,—беспощадный классовый враг, ищущий не только территориальных завоеваний, но и полного уничтожения рабоче-крестьянской республики со всеми ее приобретениями"[3]. „Правда" призывает сделать все, чтобы массы поняли и глу-

[1] „Правда" № 56, 27 (14). III. 1918 г.
[2] „Правда", № 100, 23 (10) V. 1918 г.
[3] „Правда", № 51, 21 (8) III.1918 г.

боко прочувствовали это, чтобы они сделали все необходимые практические для себя выводы.

Почти в каждом номере „Правда" вскрывает перед народом лицо кровожадного врага. В специальном разделе под заглавием— „В местностях, занятых немцами", „Во власти германского империализма" она вскрывает перед трудящимися массами зверства и насилия германских грабителей. „Правда" помогает понять и глубоко прочувствовать силу опасности, нависшей над жизнью Советской страны, советских людей. В статье „Восстание на Украине" „Правда" пишет: „Подобно табуну, пущенному на подножный корм, австро-германские отряды, по мере того как они с'едают и выкачивают все вокруг себя, автоматически вынуждены итти дальше, вглубь страны на восток, и они идут туда... идут во исполнение разбойного плана главного штаба берлинских империалистов, продвигаясь к донским степям и Северному Кавказу и перерезая все пути, связывающие Москву с Югом.

... Крестьянское и рабочее восстание на Украине,—первые искры загорающегося пожара. Оно в то же время властно диктует нам с удесятеренной энергией готовиться к отпору, чтобы быть на своем посту против смертельного врага революции, который в каждую минуту готов выступить в поход и в каждую минуту мечтает застигнуть врасплох рабочую и крестьянскую революцию"[1].

„Правда" призывает освобожденный Октябрем народ с оружием в руках защищать социализм, землю и свободу от всех врагов.

„Пролетарий на коня"!

„Великая опасность надвинулась на вас, казаки Дона и Кубани. Покажите же делом, что вы не хотите быть рабами угнетателей и захватчиков. К оружию, донцы! К оружию, кубанцы! Смерть врагам народа! Гибель предателям"![2].

„Во имя борьбы за хлеб, за землю, за свободу и социализм, рабочие, крестьяне—под ружье!"[3]—призывает „Правда".

„Правда" помогает партии выпестовывать неустрашимые легионы Красной Армии, укреплять ее дисциплину и боеспособность.

Она проводит огромную работу по перестройке страны на военный лад, по поднятию ее хозяйственной мощи. Она упорно работает над тем, чтобы в наступившие тяжкие дни у всех верных сынов народа не было другой мысли, другой страсти, другой клятвы, кроме спасения истекающей кровью родины. Она неустанно раз'ясняет народу, что перед лицом смертельной опасности есть лишь один путь спасения: путь упорной борьбы, упорного труда и революционной дисциплины.

В самые тяжелые моменты „Правда" вселяет спокойствие и

[1] „Правда", № 84. 30 (17) IV. 1918 г.
[2] „Правда", № 107. 31 (18) V. 1918 г.
[3] „Правда", № 108. 1. VI (19. V). 1918 г.

уверенность в сознание народа и армии, вселяет победный дух в сердце каждого борца.

* * *

Одержав героическую победу над врагом в период интервенции и гражданской войны, страна наша перешла к дальнейшему осуществлению прерванных интервенцией задач переходного от капитализма к социализму периода, упрочению Советского государства, созданию социалистической экономики, ликвидации классов, построению социализма.

Осуществление этих задач социалистической революции в нашей мелкобуржуазной и отсталой стране, особенно после годов империалистической и гражданской войны, было очень сложным. Трудности усугублялись активным враждебным капиталистическим окружением, поддерживаемым как открытыми, так и замаскированными контрреволюционными силами внутри страны, неоднократной попыткой затормозить и сорвать строительство социализма различными антипартийными течениями, полным отсутствием исторического опыта в построении социализма.

Как в пройденный период, так и в эти годы „Правда“ высоко держит знамя большевистской партийности, она ведет беспощадную борьбу против антиленинских течений—против сапроновской антипартийной группы „демократического централизма“, против шляпниковской анархо-меньшевистской „рабочей оппозиции“, против антибольшевистской оппозиции Троцкого в 1921 году, против буферной, по существу той же троцкистской, платформы Бухарина, против ревизии самих основ большевизма в 1923—1924 гг.

Во всей последующей истории большевизма „Правда“ до конца отстаивает линию большевистской партии, борьбу за социализм, громя все антипартийные группы и выступления врагов партии и рабочего класса в борьбе за социалистическую индустриализацию страны, за коллективизацию сельского хозяйства, в борьбе за завершение строительства социалистического общества.

„Правда“ очищает ряды большевистской партии от идейно и социально чуждых элементов. Она помогает большевистской партии в борьбе со всеми врагами революции—неуклонно укреплять диктатуру пролетариата. Под руководством товарища Сталина она наносит сокрушительные удары различным „теориям“ об отмирании социалистического государства. Она вскрывает обострение классовой борьбы с каждым продвижением вперед, к социализму, необходимость все большего упрочения Советского государства как в целях обороны нашей страны от новой интервенции, так и в целях защиты ее от внутренних врагов.

„Правда“ помогает строить советский государственный аппарат, ломать косность и мелкобуржуазные навыки, десятилетиями вырабатывавшиеся у людей. Она проводит беспощадную борьбу с вреди-

тельством, бюрократизмом, волокитой, бездушным формализмом, тунеядством и зажимом самокритики, имевшим место в наших учреждениях, она помогает созданию мощного, оперативного, четкого и гибкого аппарата Советского государства, она очищает почву великой и тяжелой социалистической стройки.

„Правда“ является верным проводником ленинско-сталинской национальной политики. Беспощадно борясь как с великодержавным шовинизмом, так и с проявлением местного национализма, с имевшими место буржуазно-националистическими течениями и вылазками на Украине, в Крыму, в Закавказье и др. республиках, „Правда“ изо дня в день цементирует ленинско-сталинскую дружбу советских народов, эту жизненную основу нашего многонационального государства. „Правда“ помогает большевистской партии камень за камнем создавать фундамент социализма. Трудность этой задачи была исключительной.

Известно, что в результате империалистической и гражданской войны продукция крупной промышленности в нашей стране в 1920 г. была почти в 7 раз меньше довоенной. Большинство фабрик и заводов стояло, транспорт был разрушен. Продукция сельского хозяйства составляла лишь около половины довоенного уровня. Все это осложнялось тем, что сама база промышленности царской России была очень узкой. Нехватало сотен машиностроительных, станкостроительных, автомобильных, металлургических и других заводов, необходимых для осуществления задач социалистического строительства. Задачи обороны страны требовали построения артиллерийских, снарядных, авиационных, танковых, пулеметных заводов. Для социалистического развития сельского хозяйства необходимо было построить тракторные заводы.

Необходимость решить эти задачи лишь на собственные средства нашей небогатой страны, без всякой помощи извне, еще больше осложняла трудности, стоявшие в этом отношении перед партией и правительством.

Большевистская „Правда“ оказывает огромную помощь в разрешении экономических задач нашей революции. Она проводит широкие массовые кампании, способствующие восстановлению разрушенного войной, а затем и реконструкции народного хозяйства. „Правда“ решительно борется за режим экономии—за строжайшую экономию в деле расходования народных средств, рационализацию производства, снижение себестоимости производства, ликвидацию непроизводительных расходов и т. д.

Ломая сопротивление враждебных элементов, сокрушая противодействие троцкистов, бухаринцев и прочих врагов большевизма и народа, партия, руководимая Сталиным, берет курс на индустриализацию и коллективизацию страны, на культурную революцию, на возведение здания социализма.

Большевистская „Правда“ принимает участие в закладке фунда-

ментов и строительстве всех гигантов индустриализации. Со всей своей огромной армией ударных бригад она сама глубоко окунается в дело социалистического строительства. Своей повседневной работой она помогает воздвигать заводские корпуса Магнитстроя, закладывать шахты Кузнецкого бассейна, сооружать величественную плотину Днепрогэса. „Правда" стояла у колыбели наших колхозов. Она неустанно помогала партии и советскому государству выводить миллионы крестьян на широкую дорогу колхозной жизни.

„Правда" всегда была на вахте. Тысячеокая большевистская газета зорко следила за происками врагов. Она своевременно помогала схватить руку вредителя, выбить обрез из рук озверелого кулака. Сколько любителей легкой наживы, дезорганизаторов производства, „честных болтунов" и прочих преступных и негодных элементов были за годы социалистического строительства разоблачены и нейтрализованы „Правдой".

История прессы не знала другой газеты столь влиятельной и действенной, как „Правда". Никогда „Правда" не довольствовалась простой констатацией факта. Вскрыв недостатки на той или иной стройке, разоблачив конкретных носителей зла, наметив пути преодоления ошибок и промахов, „Правда" не считала свою миссию законченной. С ленинско-сталинской методичностью она добивалась успеха.

Исключительно точная осведомленность, практика печатания досконально проверенных материалов, настойчивость в деле исправления вскрытых ошибок снискали „Правде" всенародное уважение и любовь, обусловили самое внимательное отношение к сигналам газеты. Еще к 12-летнему юбилею „Правды" в корреспонденции из Одессы писалось: „В тяжелом положении находился завод бывш. Штакельберга, теперь завод им. „Правды". Стояли цеха, на заводе работало всего 30 человек, директор и технорук были не на месте, вырабатываемые краски не имели сбыта.

И вот в „Правде" появилась корреспонденция: „История с заводом"... Завод имени „Правды" теперь занял второе место в СССР по производству ультрамарина"[1].

Такова была действенность сигналов „Правды".

В годы великой стройки „Правда" была не только действенным органом большевистской критики и самокритики, она не только разоблачала подрывную работу врага, вскрывала ошибки и промахи наших людей, но вместе с тем своевременно и быстро подымала на щит все здоровое, творческое, плодотворное. Свойственное большевистской „Правде" чувство нового дает ей возможность каждый раз в самых различных областях заметить ростки нового, всячески способствовать их развитию, делая достоянием миллионных масс достижения немногих. Ярким примером этого является та исключительная роль, которую сыграла „Правда" в развертывании стахановского дви-

[1] „Правда", № 99, 5. V. 1924 г.

жения. „Правда" помогла партии взлелеять и поднять первые ростки этого небывалого движения и разнести его по всему Советскому Союзу.

Полоса мирного строительства есть полоса подготовки к неизбежному грядущему столкновению с агрессивными империалистическими хищниками,—эту мысль орган большевистской партии неустанно доводил до сознания миллионов строителей социализма. Он всегда напоминал о существовании враждебного нам капиталистического окружения и делал все от него зависящее, чтобы никакая случайность, никакие происки врагов не застали врасплох людей советской земли. „Правда" не скрывала от масс титанические усилия и жертвы, которые потребуются от советского народа, чтобы отстоять цитадель социализма, чтобы отстоять от нашествия злобного и сильного врага государственную независимость, свободу и жизнь народов Советского Союза.

„Надо помнить, что в грядущих военных испытаниях мы будем иметь против себя силу, гораздо более серьезную, чем противники эпохи гражданской войны. Техника Колчака, Деникина, Врангеля, техника белополяков—лишь слабый намек на то, что в будущем выставят против нас наши враги. Этой силе мы должны противопоставить собственную мощь"[1],—говорила „Правда" устами пролетарского полководца М. Фрунзе в феврале 1925 года. „Правда" помогала ковать грозную, истребительную технику советской страны, она помогала обучать советских людей владеть этой техникой со всем необходимым мастерством.

Разоблачая и жестоко борясь против врагов большевизма, „Правда" напоминала членам партии, что одним из главнейших условий обороны и победы нашей страны является единство в рядах самой партии. В статье „Оборона и консолидация сил революции", напечатанной в период острой борьбы с троцкизмом, „Правда" писала: „Опасность империалистической войны против СССР—есть реальная опасность. Прежде всего, более чем когда-либо должна быть сплоченной, единой, дисциплинированной, верной знаменам ленинизма *наша партия*, авангард в авангарде революции. Всякий, кто в этот момент пытается дезорганизовать партию, дезорганизовать авангард революции, *тем самым* ослабляет наши позиции перед лицом наступающего, готовящего войну империализма, ослабляет нашу обороноспособность"[2].

Изо дня в день „Правда" воспитывала чувство беспредельной преданности великому и справедливому делу Ленина—Сталина, делу, во имя которого родилась и боролась сама „Правда"; она воспитывала чувство священного советского патриотизма и любви к родине, чувство клокочущей ненависти к ее врагам. Своим авторитетным словом „Правда", могучий орган большевиков, мобилизовала все

[1] „Правда", № 44, 22. II. 1925 г.
[2] „Правда", № 153, 9. VII. 1927 г.

силы и дарования наших пропагандистов и агитаторов, профессоров и учителей, писателей и поэтов, художников и композиторов, режиссеров и артистов, всех работников идеологического фронта—цементировать морально-политическое единство советского народа, воспитывать нового советского человека—свободного, гордого, всегда готового принести на алтарь родины все свои личные блага и радости, свою кровь, свою жизнь.

* * *

22-го июня прошлого года германский фашизм коварно и вероломно ворвался в пределы Советского Союза. Опьяненные кровью, охваченные страстью разрушения, орды германского империализма грозили растоптать нашу родину, разрушить Советское государство, закабалить народы СССР. Гитлеризм занес свой кровавый топор над страной, которая в течение четверти века оставалась оплотом и надеждой всех людей, порабощенных и униженных капиталистическим ярмом.

В эти решающие дни сказались результаты социалистических побед, которые помогла одержать большевистской партии большевистская „Правда", сказались крепость нашего государства, его обороноспособность, его мощная экономическая база, его крепкий тыл.

В эти грозные дни „Правда" на своем боевом посту. Она—могучее орудие партии, которой суждено историей возглавить Великую отечественную войну советского народа, задушить фашизм и вернуть человечество к мирному труду. Ее устами говорит большевистская партия, ее устами говорит Сталин.

Ни разрывом фугасных бомб, ни артиллерийской канонадой не дано фашистским варварам заглушить голос „Правды". Напрасно беснуется фашистское радио, напрасно усердствует лающая и хвалящаяся фашистская пресса. Всей своей тяжестью „Правда" наступила и раздавила их лживый язык. Им не удалось утаить правду об этой войне, ее виновниках, ее цели.

Прежде чем советские легионы сразят насмерть германский фашизм, „Правда" уже уничтожила его морально.

С первых же дней войны „Правде" удалось разоблачить грабительские цели, преследуемые фашистской кликой, показать весь разбойничий план Гитлера.

В своем выступлении от 3 июля 1941 года товарищ Сталин сказал:

„Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение. Враг жесток и неумолим. Он ставит свой целью захват наших

земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белоруссов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского Государства, о жизни и смерти народов СССР, о том—быть народам Советского Союза свободными, или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, *не знающий пощады врагу*".

Сразу же перестроившись, „Правда" начала работать над осуществлением наказа товарища Сталина. Изо дня в день она работает над тем, чтобы привести в движение миллионные массы Советского Союза, показать им всю глубину пропасти, в которую желает их ввергнуть германский фашизм. Она помогает партии и правительству провести всеобщую мобилизацию духовных и физических сил советского народа для разгрома врага.

В осуществление „молниеносной войны" враг сумасшедшим натиском, потоком беспредельного огня, массовыми налетами, потоками лжи, легендой о своей „непобедимости" стремился с первых же дней войны деморализовать советский народ, терроризировать его, сломить его волю к сопротивлению. Этот прием, успешно применяемый немцами в ряде стран Западной Европы, позорно провалился в борьбе против СССР. В провале этой фашистской „психической атаки" видную роль сыграла „Правда".

Раз'ясняя массам всю опасность, нависшую над страной, „Правда" показала одновременно те громадные силы, которыми обладает советская страна, те неисчерпаемые людские и материальные ресурсы, которые вполне достаточны для уничтожения германского фашизма.

Сотнями умных, правдивых, проникновенных большевистских статей она обосновала девиз нашей борьбы:

„Наше дело правое. Победа будет за нами!"

Руководствуясь сталинскими указаниями, газета сумела разоблачить миф о „непобедимости" германской армии и тем самым укрепить веру советских людей в свою победу.

Ни одна армия не может победить без крепкого тыла. „Правда" развивает огромную работу по укреплению советского тыла, по дальнейшему укреплению политико-морального состояния советского народа, по дальнейшему сплочению народа вокруг партии большевиков, вокруг товарища Сталина.

Газета ведет повседневную борьбу за перестройку всего народного хозяйства на военный лад. Все для фронта, все для разгрома врага!

„Промышленность,—пишет „Правда",—техническая и материальная база фронта. У нас не может быть теперь „мирных предприятий". Каждый завод, каждая фабрика должны работать для удовлетворения военных нужд. Даже высокие темпы мирного времени нас теперь удовлетворить не могут. Выигрыш во времени—самый важный выигрыш во время войны. Заказы фронта должны выполняться скоростными темпами. От скоростного проектирования до скоростного освоения серийной продукции должна итти единая нить высокого волевого напряжения всех усилий партийных и хозяйственных организаций, командиров производства, рабочих и служащих"[1].

Из номера в номер „Правда" конкретно направляет стахановское движение периода отечественной войны, вдохновляет на новые трудовые подвиги рабочих, колхозников, интеллигенцию, обобщает и популяризирует опыт передовиков, ставит перед ними новые задачи, указывает пути их осуществления.

„Правда" дерется за строжайший режим экономии,—каждый рубль должен работать на победу. „В военное время,—пишет газета,—мы обязаны соблюдать строжайшую экономию и бережливость во всем. Не жалеем мы только и не будем жалеть снарядов и бомб для уничтожения подлого врага!"[2].

Враг не останавливается ни перед какой подлостью, чтобы опрокинуть нас, он остервенело пытается сеять панику в наших рядах, пустить в ход шпионаж и провокацию, диверсии и убийства. „Правда" призывает народ к неустанной бдительности и прозорливости.

„Враг,—пишет газета,—коварен и хитер Он опытен в обмане и провокации. Германский фашизм по своей подлости и вероломству превзошел все, что известно истории,... фашисты высаживают парашютистов-диверсантов, их шпионы пытаются и будут пытаться пробираться к нам в тыл. Имеются уже сотни случаев, когда шпионско-диверсантские замыслы врага кончались крахом благодаря бдительности и самоотверженности простых советских людей—горожан, колхозников, железнодорожников... каждый, кто поддается на вражескую провокацию, кто сеет панику, распространяет слухи,—мешает обороне нашей родины, помогает врагу. Дезертирам, паникерам, трусам не будет пощады!" Им не будет пощады,—вторит за „Правдой" вся советская страна, каждый советский человек.

Нет ни одной проблемы, связанной с организацией победы над врагом, которая не была бы освещена на страницах „Правды". Она ставит и добивается реализации ускорения темпов производства боевого оружия: самолетов, танков, минометов, пушек, снарядов; она освещает вопросы военного искусства, она бьется за новый размах в подготовке военных кадров—летчиков, танкистов, минометчиков, пулеметчиков; она зорко приглядывается к боевым занятиям опол-

[1] „Правда", № 189. 10. VII. 1941 г.
[2] Там же.

ченцев и бойцов всевобуча. Она заботится о раненом бойце, о семействах защитников родины. „Правда" посвятила десятки передовиц и сотни статей борьбе за урожай, об условиях нового под'ема животноводства, о работе транспорта. Она не забывала о доблестных сынах народа—партизанах, громящих коммуникации врага, взрывающих вражеские склады, уничтожающих его живую силу; вместе с материнским приветом „Правда" посылает народным мстителям свои мудрые боевые советы.

Каждая передовица „Правды" есть конкретная программа борьбы на том или ином участке фронта или тыла. Каждая из этих передовиц есть еще один удар по врагу.

В дни Великой отечественной войны „Правда" прославляет себя как школа большевистского мужества, отваги и героизма. Она не только рассказывает советскому народу об изумительных делах его сыновей, но своими пламенными идеями и правдивыми словами вдохновляет новые тысячи на бессмертные дела, рождает новые когорты героев. Она сама есть героиня, лишенная страха и колебаний, ибо глубоко верит в победу дела Ленина—Сталина, пламенным глашатаем которого она является.

Достаточно вспомнить тяжкие октябрьские дни прошлого года. Враг вплотную подошел к нашей Москве, к сердцу нашей родины, к штабу борющегося советского народа. Это было время, когда фашистское офицерье хвастало тем, что оно в бинокль разглядывает центральные улицы Москвы. Это было время, когда фашистские трубачи готовились осквернить Красную площадь звуками омерзительного гитлеровского гимна, а фашистские убийцы оттачивали свои клинки для организации грандиозных варфоломеевских ночей и дней в побежденной Москве. Столица приготовилась к баррикадным боям на улицах города. Трудно без глубокого волнения читать октябрьские номера „Правды". Ни тени растерянности, ни тени паники. Голос большевистской „Правды" не дрогнул. Спокойно, мужественно, попрежнему уверенная в торжестве красного знамени, она зовет армию и народ к подвигу. Сквозь гул канонады и рев вражеских бомбардировщиков были слышны набатные призывы „Правды":

„Бойцы Красной Армии, крепче отпор! С вами вся страна, весь советский народ. Деритесь отважно, бейте врага, ройте могилу его кровавым ордам"[1].

„За Москву мы будем драться упорно, ожесточенно, до последней капли крови!"

„Железная стойкость, революционный порядок на фронте и в тылу—это крепости, которых не взять никакому врагу"[2].

В каждом слове этих строк мы чувствовали дыхание великой

[1] „Правда", 17. X. 1941 г.
[2] „ 19. X. 1941 г.

партии, дыхание человека, которого никто и никогда не мог запугать, мы чувствовали дыхание нашего неустрашимого Сталина.

В холодные осенние дни пламенные строки „Правды" согревали сердце нашим 28 бойцам-гвардейцам, которые пали, но не дали врагу прорваться к Москве. Пламенные строки „Правды" согревали миллионы советских людей.

Грозная, непреклонная и мужественная в дни временных неудач и поражений „Правда" оставалась величественно спокойной, лишенной всякого головокружения в дни успеха, в дни побед. Она с порога отвергает всякую самоуспокоенность и зазнайство и думает лишь о закреплении победы, о движении вперед.

Кровью и пожарищами Гитлер хотел деморализовать советских людей. Вместе с большевистской партией „Правда" подняла на смертный бой против коричневых хищников всех свободных людей от мала до велика. Теперь каждый из нас отвечает этому фашистскому дегенерату:

„Ты, серый от пепла сожженных селений,
Над жизнью навесивший тень своих крыл,
Ты, ждавший, что мы поползем на коленях,
Не ужас, но ярость ты в нас пробудил.

Мы будем вас бить все сильней час от часу,
Штыком и снарядом, ножом и дубьем,
Мы будем вас жечь и глушить вас фугасом,
Мы рот вам землею советской забьем".

(Твардовский).

Своими правдивыми рассказами о беспримерных зверствах фашистских банд „Правда" зажгла в душе советских людей такой огонь ненависти, который может быть потушен лишь потоками вражеской крови. Теперь советский человек не успокоится до тех пор, пока не истребит последнего немецкого фашиста, вступившего на нашу землю в качестве оккупанта.

Мы уверены, что еще в этом году прочитаем на страницах „Правды" весть о разгроме кровавой германской военной машины, весть о том, что чудовище, которое угрожало жизни всего человечества, сражено насмерть.

* * *

Во время налетов фашистской авиации на Москву прорвавшиеся к городу немецкие самолеты усиленно искали редакцию „Правды" для того, чтобы разгромить ее. Жалкие фашистские стервятники! Фугасной бомбой они хотели сразить „Правду". Могут ли эти обезумевшие варвары понять, что „Правда" живет в сердце каждого со-

ветского гражданина, в каждом устном и печатном большевистском слове, в каждой советской газете.

„Правду" хотели уничтожить царские жандармы, „Правду" хотели уничтожить погромщики Керенского. И что же, царские жандармы и погромщики Керенского гниют в своих могилах, а „Правда" живет. Она так же бессмертна и живуча, как и идеи, глашатаем которых она выступает вот уже тридцать лет.

Пройдут годы, человечество совершит свой прыжок из царства необходимости в царство свободы, и тогда коммунистические поколения с любовью и благоговением будут перелистывать пожелтевшие от времени страницы нашей „Правды", они воздадут дань искренней благодарности этой замечательной газете большевиков, газете Ленина и Сталина, за ее доблесть и мужество, за ее немеркнущие заслуги перед человечеством.

ՏԵՂԵԿԱԴԻՐ ՍՍՌՄ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱՅԻ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՖԻԼԻԱԼԻ
ИЗВЕСТИЯ АРМЯНСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР
BULLETIN of the ARMENIAN BRANCH of the ACADEMY of SCIENCES of the USSR

№ 5 (19), 1942

Г. Гюликевхян

Борьба „Правды" за социалистическую культуру, философию, науку, искусство

I

В истории революционной печати центральный орган нашей партии—„Правда"—исключительное явление.

Ни одна газета в мире не может быть сопоставлена с ней—по силе и мощи воздействия на многомиллионные трудящиеся массы, по четкости и ясности политической линии, по выдержанности непоколебимой революционной партийности, по славным революционным традициям и заражающему пафосу пламенного слова.

Ни одна газета не вызывала и не вызывает к себе такого беспредельного чувства любви и привязанности со стороны борцов за ниспровержение старого, эксплоататорского строя, за победу социалистического общества. Ни к какому органу печати враги трудящихся, противники революционного движения не питали и не питают такой лютой ненависти и звериной злобы, как к „Правде".

Это все вполне закономерно:—„Правду" организовали и выпестовали гениальные вожди героического рабочего класса России—Ленин и Сталин. Она—одно из сильнейших оружий, выкованных большевистской партией, под руководством которой совершился величайший исторический сдвиг, ознаменовавший собою начало перехода человечества на высшую ступень своего развития.

Велико и неоценимо значение „Правды". 30 лет она стоит на своем славном посту, являясь одним из могучих средств, коими партия наносила и наносит сокрушительные удары по врагам рабочего класса, коими она одерживала блистательные победы на всех фронтах социалистического строительства.

„Правда"—наиболее яркое олицетворение большевистской массовой газеты, она с наибольшей полнотой и законченностью выполняла и выполняет функции, намеченные Владимиром Ильичем в замечательном определении—„Газета—не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор"[1].

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 2, т. IV, стр. 111.

С величайшей настойчивостью и неиссякаемой энергией она раз'ясняла трудящимся великое значение и смысл лозунгов нашей партии, способствовала осуществлению намеченных ею планов и мероприятий. На протяжении 30 лет она активно отражала поступательный ход побед мировоззрения революционного пролетариата, подвергала ожесточенной критике и развеивала носителей учений враждебных рабочему классу социальных сил, просвещала массы животворящими идеями марксизма-ленинизма.

„Правда"—воодушевляющее и правдивое слово величайшей культурной силы—большевистской партии. Будучи одним из сильнейших рычагов партии, она сама—воплощение пролетарской социалистической культуры.

Дать в одном докладе исчерпывающую характеристику роли „Правды" в деле создания социалистической культуры—неосуществимая задача. Цель настоящего доклада—наметить в общих чертах характер и содержание борьбы, которую „Правда" вела за торжество марксистко-ленинской философии, за победу социалистической науки и искусства в основном за годы сталинских пятилеток.

II

Культурное строительство в нашей стране в широком масштабе началось после победоносного окончания гражданской войны. С 1921 г. партия стала проводить новую экономическую политику, давшую возможность развивать производительные силы и создавать условия к дальнейшему наступлению против классового врага. В последние годы своей жизни В. И. Ленин набросал грандиозный план культурной революции, для осуществления которой дал основные принципиальные установки.

Культурная революция—классовая борьба в области идеологии и быта—преследовала цель втягивания многомиллионных масс трудящихся нашей страны в строительство социалистической культуры. Ленинские установки углублялись и еще более конкретизировались товарищем Сталиным. В 1924 году впервые в „Правде" был напечатан труд товарища Сталина „Об основах ленинизма". Эта работа в основном—программа политического и идеологического разгрома всех оппозиционных течений в партии, образовавшихся после смерти Ленина. Она вместе с тем—раз'яснение всех необходимых предпосылок дальнейшего развертывания культурной революции. Знаменитая речь товарища Сталина в 1925 году на собрании студентов КУТВ еще больше конкретизировала задачи национальной политики партии и теоретически подытоживала принципы проведения культурной революции в национальных республиках. Она наносила сокрушительный удар по всем тем концепциям, которые ревизовали теорию культурной революции В. И. Ленина, протаскивая троцкистские и тому подобные взгляды.

Главный проводник политики партии в области печати—„Правда"

освещала на своих страницах политические и экономические задачи партии, вместе с тем уделяя большое внимание и вопросам культурного строительства, науки, литературы и т. д. Она вела пропаганду за принципы ленинской культурной революции, популяризировала идеи марксизма-ленинизма, связывая эти идеи с текущей борьбой на идеологическом фронте. Она способствовала завоеванию господства пролетарской мысли на всех участках науки и искусства, выступала против антисоветских направлений в искусстве и науке, открыто или замаскированно проводивших буржуазные, сменовеховские, капитулянтские взгляды.

Одна из основных задач „Правды" в области идеологической борьбы заключалась в постепенном приобщении к учению Маркса—Ленина всех категорий беспартийных ученых, писателей, художников и т. д., которые не за страх, а за совесть, честно, искренно впрягались в работу на пользу Советской страны. Она печатала статьи видных специалистов по разным отраслям естественных и технических наук, популяризировавших завоевания науки, затрагивавших вопросы применения на практике достижений научных исследований. Она помещала статьи и обзоры, касавшиеся изобретений и технических усовершенствований, пособлявших росту производительных сил и улучшению санитарно-бытового положения населения нашей страны. Она обращала большое внимание на вопросы рационализации труда в советской промышленности и в советских учреждениях.

„Правда" систематически занималась освещением положения политпросветработы в городе и на селе, помещала корреспонденции о деятельности рабочих клубов, самодеятельных театров, читален, библиотек. Она отражала победы нового быта против старых нравов, привычек, обычаев.

Она усердно следила за ходом подготовки новых научных и художественных кадров, критикуя отрицательное и поощряя положительное в этой работе.

Она печатала много статей, касавшихся литературной, художественной политики партии. Помещая на своих страницах, в порядке обсуждения вопроса, статьи представителей разных литературных течений, она проводила принципы, формулированные в известном Постановлении ЦК партии от 25 года о политике партии в области художественной литературы, указывая, что организационно-идеологические установки Вардина, Воронского, Плетнева и других, проводивших взгляды Троцкого, Богданова на пролетарскую культуру, несовместимы с линией партии.

В период борьбы за социалистическую индустриализацию страны создавались условия расширения рамок культурной революции. Вместе с улучшением материального положения рабочих и крестьян, с развитием производительных сил на базе социалистической индустриализации вырастали и усложнялись задачи культурного строительства. Ленинско-сталинская национальная политика давала свои плоды: в со

ветскую культурную жизнь втягивались все национальности нашей необ'ятной страны, заметно развивалась социалистическая по содержанию и национальная по форме культура народов СССР.

Партия под руководством товарища Сталина наносила уничтожающие удары по троцкистско-зиновьевской оппозиции, по правому уклону в партии, по национал-уклонизму.

Сообразно всему этому усложнялись задачи „Правды". Как „один из приводных ремней, соединяющих партию с массой", она сплачивала эту массу вокруг знамени Ленина—Сталина, боролась с врагами социалистической революции, разоблачала их вредительскую, капитулянтско-гнусную роль, раскрывала цель и задачи их контрреволюционных по существу наскоков на партию. Она раз'ясняла великое политическое и теоретическое значение—блещущих гениальной глубиной, классической ясностью и несокрушимой логикой—статей и выступлений товарища Сталина.

Еще усиленнее в этот период „Правда" помогала советским беспартийным ученым—связать свою работу с практикой социалистического строительства. Она пристально следила за дальнейшим ходом подготовки новых кадров, часть которых уже разворачивала свои силы и принимала участие в борьбе против антимарксистских, антиленинских течений в области философии, науки и искусства.

В конце этого периода выявился факт неблагополучия на философском фронте:—редакция „Под знаменем марксизма" не выполняла директив Ленина, все больше скатывалась на позиции меньшествующего идеализма. Борьба с механистами в философии и науке велась непоследовательно, критика буржуазных философских течений была неудовлетворительна.

Под непосредственным руководством товарища Сталина начался планомерный поход—в основном против группы Деборина, а также и против механистов. „Правда" была застрельщиком этой борьбы, она указывала на нетерпимое положение философского фронта и призывала активизировать его работу. Усиливалась также борьба с антипролетарскими литературными и художественными течениями. Происходила сильная диференциация среди писателей и деятелей искусств, более быстрыми темпами кристаллизовались их политическое сознание, их творческие установки.

„Правда" играла большую роль в ускорении этой диференциации. Она боролась со всеми теми, кто задерживал рост советской культуры, стремился вести ее по иному пути, и с похвалой отмечала те произведения, в которых правдиво отражалась советская жизнь, раскрывалась сущность наших завоеваний и побед, показывались герои нашего строительства и борьбы. С большим гневом она обрушивалась на халтурщиков, верхоглядов, авантюристов, подвизавшихся в литературе и искусстве, и поощряла, подбадривала тех, кто старался избавиться от старого груза и смело шел вперед.

III

В период коллективизации, в процессе коренной реорганизации сельского хозяйства, в ходе ожесточенной классовой борьбы ликвидировался последний, самый многочисленный эксплоататорский класс —кулачество. Расширялось и углублялось культурное строительство. В культурную революцию втягивались находившиеся в процессе коллективизирования широчайшие массы бедняцких и середняцких слоев крестьянства.

„Победы на фронте культурной революции являются выражением развития нашего общего социалистического строительства"[1],—писала „Правда" в 1930 году. Эти победы выражались в постепенном преодолении разницы между создававшимся новым бытием и отставшим от него сознанием масс. В процессе развертывания культурной революции перевоспитывались на началах социалистической культуры многомиллионное крестьянство и широкие слои рабочего класса. Это перевоспитание в основном заключалось в вытеснении из сознания и быта советских граждан буржуазных и мелкобуржуазных пережитков. Разрешение этой коренной задачи требовало усиления борьбы на всех участках культурной революции. Нужно было разгромить в боях на фронте философии, науки, искусства и литературы противопоставляющиеся марксизму-ленинизму теории, концепции, направления.

В разрешении этих задач „Правда" на высоте своего положения. Она давала пример другим нашим газетам непримиримостью к врагам, боевым духом, наступательным порывом. Исключительная политическая заостренность, поразительное умение конкретно поставить и освещать вопросы, замечательная способность—каждое частное поднять до общего, последовательная железная логика, убедительность доводов и неопровержимость выводов—отличительные признаки ее и в этот период.

В своем выступлении на конференции аграрников-марксистов в конце 1929 года товарищ Сталин, с классической ясностью и глубиной критикуя некоторые ходячие теории в экономике, указывал на отставание марксистско-ленинского фронта в области экономики от практики социалистического строительства.

Товарищ Сталин призывал аграрников-марксистов равняться по этой практике, преодолеть отставание, пересмотреть проделанную работу и по-новому поставить вопрос „о нэпе, о классах, о колхозах, об экономике переходного периода".

В 1931 году товарищ Сталин пишет свою знаменитую статью— „О некоторых вопросах истории большевизма". Статья товарища Сталина явилась важнейшим стимулом к неуклонному продолжению еще более сильного натиска против всех тех теорий, концепций, которыми классовый враг обосновывал свои политические цели и за-

[1] „Правда", 1930, № 152.

мыслы, протаскивая свой „товар", маскируясь под лойяльного советского научного работника.

„Правда" широко раз'ясняла великое значение указаний товарища Сталина в перестройке работы на идеологическом фронте и сама давала пример последовательной борьбы с открытыми и скрытыми противниками марксизма-ленинизма в философии и науке, литературе и искусстве.

Статьями в „Правде" началось в печати наступление против ревизионистских течений в философии. В статье, озаглавленной—„О воинствующем диалектическом материализме", она писала:—„Важнейшая задача, которая встает перед нами теперь, это усиление теоретической работы, усиление нашего наступления на идеологическом фронте, против антимарксистского ревизионистского фронта мы должны выстроить сплоченный, боевой, воинствующий марксистско-ленинский фронт"[1]. В этой статье констатировалось неутешительное положение на фронте философии и требовался пересмотр всей работы в этой области.

„Правда" принимала активное участие в разоблачении антимарксистского философского течения, возглавлявшегося тогда редакцией „Под знаменем марксизма", упорно не желавшей признавать ленинского этапа, как новой ступени развития философии марксизма. Она одна из первых напечатала статьи, направленные против группы Деборина, и доказывала, что эта группа воскрешала одну из вреднейших традиций и догм второго Интернационала—разрыв между теорией и практикой, скатываясь в ряде важнейших вопросов на позиции меньшевиствующего идеализма" (из Постановления ЦК ВКП(б) от января 1931 года)[2].

„Правда" указывала на необходимость борьбы на два фронта—против меньшевиствующего идеализма, как методологии троцкизма, и против механицизма, как методологии правого уклона в партии. Она выступала против теории равновесия и других методологических установок Бухарина, указывала на необходимость разоблачения механистов во всех областях науки.

Изобличая врагов социалистической революции и в области идеологии, „Правда" ставила себе задачей—способствовать преодолению преград, мешавших работникам идеологического фронта наносить противникам марксизма-ленинизма более сильные удары. С этой целью, проводя принцип самокритики, она раскрывала все отрицательное, тормозившее продвижение в деле последовательной, конкретной борьбы против явных и скрытых врагов партии.

Она бичевала всякое проявление комчванства, самохвальства, зазнайства, либерального отношения к врагу, указывала не недопустимость поверхностного отношения к делу, удовлетворенности до-

[1] „Правда", 1929, № 29.

[2] „Под знаменем марксизма", 1930, № 10—12, стр. 1—2.

стигнутыми результатами, притуплявших желание углубляться в изучение марксизма-ленинизма, приобретать соответствующие знания.

Она привлекала внимание к замечавшемуся часто отсутствию чувства ответственности и серьезного отношения к взятой на себя задаче.

В связи со столетием смерти Гегеля в столичных и провинциальных газетах и журналах появились статьи, посвященные характеристике философа, отношению его творчества к марксизму-ленинизму, к меньшевиствующему идеализму, к буржуазной философии.

„Правда" сочла необходимым подвергнуть общей оценке эти статьи и в порядке самокритики указать на их недостатки.

В статье, озаглавленной „100-летие смерти Гегеля", она между прочим писала:—„Подводя итог рассмотрения статей, посвященных гегелевскому юбилею, следует отметить, что партийная воинственность, непримиримость ко всякого рода враждебным эксплоататорским концепциям, направлениям не всегда проводится последовательно даже в нашей центральной прессе. Допущен ряд ошибок и прямых извращений марксистско-ленинской диалектики. Указание товарища Сталина о борьбе с враждебной идейной контрабандой, о большевистской бдительности в борьбе с гнилым либерализмом должно проводиться последовательно не на словах, а на деле и на философском фронте"[1].

Зорко следя за узловыми вопросами идеологической борьбы, выдвигая и обсуждая таковые, мобилизуя внимание партийной и советской общественности вокруг этих вопросов, „Правда" и за этот период часто затрагивала проблему культурной революции, ее содержания и сущности, подвергая жестокой критике антиленинские концепции, в первую очередь—троцкистского агента Авербаха.

Концепция Авербаха—амальгама взглядов подлейших врагов народа—Троцкого и Бухарина. Вопреки прямым указаниям Ленина и товарища Сталина, он противопоставлял пролетарскую культуру социалистической культуре. Троцкистский ублюдок в более скрытно-мошеннической форме проводил опровергнутую большевистской теорией и практикой контрреволюционную концепцию о невозможности построения социализма в одной стране.

В 1932 году „Правда" берет под обстрел гнилую теорию Авербаха. В статье—„Против извращения ленинского учения о культурной революции" она писала:—„Без правильного понимания ленинской теории пролетарской культуры нельзя сколько-нибудь правильно решать вопросы идейного воспитания масс, вопросы литературы, искусства и т. д. Наиболее характерной ошибкой является здесь противопоставление пролетарской культуры культуре социалистической и отрицание социалистической по существу характера культуры, создаваемой пролетариатом в переходный период"[2].

---

[1] „Правда", 1931, № 341.

[2] „Правда", 1931, № 113.

В 1930—1931 гг. были подвергнуты критике антимарксистские, антиленинские направления—рубинщина и переверзевщина. „Правда" активно отражала на своих страницах борьбу, направленную против фальсификаторов—Рубина и Переверзева, создавших „школы" из вольных и невольных противников марксизма-ленинизма.

В ряде статей, направленных против разоблаченного впоследствии, как члена меньшевистского центра, Рубина, „Правда" выясняла суть теоретических взглядов этого замаскировавшегося контрреволюционера, указывала на их несовместимость с марксизмом-ленинизмом. Рубин разоблачался как идеалист, формалист, как метафизик, жонглировавший пустыми логическими категориями, как апологет капитализма.

Также выступила „Правда" и против бывшего меньшевика, литературоведа Переверзева. Она доказывала, что этот претенциозный профессор ничего общего не имеет с марксизмом. Переверзев разоблачался как экономический материалист, как фаталист, приписывавший писателю роль пассивного орудия, предопределяемого своим классом, как метафизик, превращающий писателя в медиум и подвергающий его пытке вечного дублирования одного и того же типа, остающегося неизменным при всем разнообразии своего проявления.

Она принимала участие и в той борьбе, которая велась со „школкой" Бухарина, проводившей под тлетворным влиянием этого вредителя теорию „организованного капитализма", концепцию отрыва производительных сил от производственных отношений и прочие концепции механистов в экономике, нашедшие свое отражение также в искусствоведении Фриче и его учеников.

„Правда" внимательно следила за борьбой и строительством на фронте науки, нанося удары врагам и в этой области. Она воодушевляла борцов к дальнейшим победам. Она яростно клеймила позором тех, у которых проглядывало стремление удовлетвориться достигнутым. Она призывала продолжать борьбу до победного конца, еще больше вооружившись победоносным оружием марксизма-ленинизма. В статье, озаглавленной „За перестройку научного фронта", она писала: „За последнее время на теоретическом фронте, как указывается в резолюции ЦК, буржуазное влияние сказалось в форме ряда антимарксистских ревизионистских теорий—меньшевистский идеализм рубинщины в экономике, механистическая теория в философии, политэкономии и в других областях, меньшевиствующий идеализм группы Деборина в философии и естествознании, переверзевщина в литературоведении. Было бы большой ошибкой считать, что с разоблачением этих теорий борьба с буржуазными, социал-демократическими влияниями уже закончена. Ни в коем случае. Эти влияния ще существуют, они неизбежно будут еще возникать. И наши науч-

ные работники должны быть во всеоружии марксистской критики для борьбы с этими влияниями"[1].

Много внимания уделяла „Правда" вопросам ведущего советского искусства—литературы. Она раскрыла гнусную антипролетарскую сущность „Перевала" и сходных литературных организаций, преподносивших буржуазную, кулацкую пакость. Она ополчилась против вредной теории Лефа, проповедывавшей фотографирование явлений жизни, ставившей перед писателем обязанность заниматься лишь фактографией. Она продолжала вести усиленную борьбу против эстетов, интуитистов, „гуманистов"—типа Горбова, Полонского. Она изобличала ошибки ретивых теоретиков РАПП, выступавших с лозунгами „психологизма", „гармонического человека" и т. д., и доказывала, что „основные утверждения этих теоретиков идут по линии замазывания классовой борьбы в литературе, по линии пропаганды идеалистических воззрений и проповеди интеллигентского психокопания, душеустройства, гармонического человека"[2] и т. д.

Она развенчивала канонизированный в РАПП ложно понятый, вульгаризированный диалектико-материалистический метод в художественном творчестве. РАПП требовала от писателя в своей литературной работе руководствоваться материалистической диалектикой, применять в процессе творчества ее законы и положения. Только это, по мнению РАПП, могло гарантировать писателю создание идеологически выдержанного произведения. Это доказывало полное отсутствие понимания специфики художественного творчества и сущности диалектического метода со стороны РАПП. Выступая против этой вредной схоластики, „Правда" вместе с тем указывала на действительные обязанности советского писателя, художника.

Советский писатель, художник должен овладеть культурой. „Правильное изображение действительности,—говорила „Правда",—требует от художника понимания исторических перспектив, тенденций, законов общественного развития"[3].

Методология РАПП была тождественна методологии меньшевиствующего идеализма. Она по существу отрывала писателя от действительности, от практики социалистического строительства. „Правда" напоминала писателю о его обязанностях и в отношении практики. Она писала:—„Без тесной и неразрывной связи писателей с широкими трудящимися массами, с народом нашей страны, с его жизнью и борьбой, без помощи новым писателям из народа—нет и не может быть движения литературы вперед"[4].

„Правда" умеет ценить и воздавать должное настоящему социалистическому поэту, увязывая его художественное творчество с политикой рабочего класса.

[1] „Правда", 1931, № 78.
[2] „Правда". 1930, № 293.
[3] „Правда", 1934, № 244.
[4] „Правда", 1934, № 233.

В противовес всяким Авербахам, кричавшим о футуризме, о мелкобуржуазности Владимира Маяковского, она—в связи с его самоубийством—отмечала великое значение его поэзии для революции, оценивала его значение для будущего. „Правда" писала:—„Умер большой революционный поэт, умер мастер писательского цеха, неутомимый каменщик социалистической стройки. Его книги—„Все сто томов моих партийных книжек"—еще послужат пролетариату и коммунистической партии в той борьбе, которую мы ведем". Противопоставляя Маяковского разным проходимцам, желавшим подвизаться и на литературной арене, „Правда" цитировала вдохновенные строки поэта—

„Явившись
в Це Ка Ка
Идущих светлых лет,
над бандой
поэтических
рвачей и выжиг
я подыму,
как большевистский партбилет,
все сто томов
моих
партийных книжек".[1]

В определении ценности художественного произведения „Правда" за основу берет анализ идейного содержания его. Она отмечает в нем воспитывающие в революционном духе, организующие по принципам социализма идеи. Она обрушивается на тех писателей, художников, которые в потуге создать что-нибудь оригинальное исходят из ложных творческих предпосылок и дают вымученные произведения, искажающие реальную действительность.

По рецептам Авербаха Юрий Либединский написал неудачный, по существу вредный роман—„Рождение героя". В специальной статье „Правда" подвергает разбору этот роман и указывает, что путь, избранный Либединским, может погубить его как пролетарского писателя. Она писала—„Полнейший разрыв между „психологическим" и общественным, между „внутренним миром" индивидуальной психологии и внешним миром, абсолютизирование этого внутреннего мира, выгораживание его из всякой связи с внешним, ведущее к замыканию себя и к упадочничеству, составляют главный порок Либединского, обусловливающий собою все остальные. В результате всего этого и получается образ человека-схемы, человека вообще, со своими внутренними противоречиями, стоявшего фактически вне времени и пространства"[2].

[1] „Правда", 1934, № 233.
[1] „Правда", 1932, № 10.

В 1934 г. был созван I С'езд советских писателей. Это было одной из побед на культурном фронте. Передовые писатели всех советских республик собрались в Москве, чтобы совместно разрешить все те вопросы, которые вставали перед каждым из них в ходе своего творчества. Основная задача С'езда заключалась в определении тех принципиальных установок, которыми должен руководствоваться каждый, имеющий честь принадлежать к великой семье писателей самой передовой литературы мира. На С'езде присутствовали многие, разоблаченные впоследствии злейшие враги народа, постаравшиеся вести работу его по другому руслу. Но, несмотря на их подвохи, С'езду удалось под руководством ЦК партии подытожить результаты пройденного пути советской литературы и наметить установки и задачи к дальнейшему ее развертыванию.

„Правда" посвятила этому с'езду несколько передовиц, много статей. Она указывала на великое значение его, как смотра сил советской литературы, как поворотного пункта в деле еще более тесного сплочения, консолидации сил многонациональной советской литературы, пронизанной единым стремлением, единством целей и задач.

В статьях, посвященных „Правдой" этому с'езду, с четкой последовательностью и волнующим пафосом она говорила о долге советского писателя, как борца за великое дело социалистического строительства, как гражданина, заботящегося об интересах своей родины, как трибуна, подымающегося на борьбу за дальнейшие победы. Она заостряла вопрос достижения мастерства, как необходимого условия для создания полноценных художественных произведений. В передовой статье, озаглавленной „I С'езд советских писателей", „Правда" писала:—„...Массы требуют высокохудожественной литературы, насыщенной героической борьбой международного пролетариата, пафосом победы социализма, отражающей великую мудрость и героизм коммунистической партии. Они хотят такой литературы, которая давала бы читателю глубокое художественное наслаждение, рождала бы радостные, счастливые чувства, гордость за наши исторические дела, помогала бы бороться и строить, преодолевать наши недостатки и пережитки капитализма в сознании людей"[1].

С такими же требованиями „Правда" обращалась и к представителям других советских искусств, и представителей советского искусства имела в виду она, когда со следующими вдохновенными словами обращалась к советскому писателю:—„Самая большая и почетная задача советских писателей—воспитание художественным словом героизма в миллионах трудящихся—героизма труда и обороны советского отечества. Писать о нашей великой, единой для всех национальностей родине, сражаться за нее пером, а когда потребуется и винтовкой, и пулеметом, не есть ли большая честь для писателя советской земли"[2].

[1] „Правда", 1934, № 206.
[2] „Правда", 1934, № 230.

IV

В период борьбы за завершение социалистического строительства и проведения новой Конституции радикально изменилось лицо нашей страны. Характеризуя этот период, товарищ Сталин в отчетном докладе на XVIII С'езде партии говорил: „Наиболее важнейшими завоеваниями Советской страны за отчетный период нужно признать окончательную ликвидацию остатков эксплоататорских классов, сплочение рабочих, крестьян и интеллигенции в один общий трудовой фронт, укрепление морально-политического единства советского общества, укрепление дружбы народов нашей страны, создание новой Конституции".[1]

В последовавшие за этим периодом годы мирного строительства создавались условия перехода от социализма к коммунизму. Процесс создания этих условий был прерван вероломным нападением немецкого фашизма на нашу страну.

В связи с большим ростом производительных сил и улучшением материальнсго положения населения нашей страны как в этот период, так и в последовавшие за ним несколько лет значительно повысился культурный уровень Советского Союза.

Социалистическая культура одерживала крупные победы. Вся многомиллионная масса нашей великой родины охватывалась порывом культурного строительства, вытеснение буржуазных и мелкобуржуазных пережитков из сознания и быта людей происходило на еще более расширенной базе.

Бурными темпами развивалась социалистическая культура в национальных республиках. Избавленные от нечисти буржуазных перерожденцев—агентов капитализма, эти республики проделывали громадную работу в создании социалистической по содержанию и национальной по форме культуры.

Ведущая культура великого русского народа все в большей степени оплодотворяла национальные культуры своим живительным, могучим творческим духом, своим великолепнейшим орудием—языком она все больше втягивала в орбиту социалистической культуры все народы нашего великого союза и создавала питательную почву для взращивания национальных по форме культурных ценностей.

Ввиду все более увеличивающегося количества задач, вызванных сильным под'емом нашего строительства во всех областях социальной жизни, ввиду накопления разрушительных сил гниющего капитализма, готовившего нападение на нашу родину, роль „Правды" становилась еще более ответственной, функции ее в еще большей мере усложнялись.

Количество передовиц. специальных статей, заметок и рецензий, посвященных ею всем участкам нашего культурного строительства, сравнительно больше, чем в предыдущие периоды. Нет ни одного

[1] *И. Сталин.* „Вопросы ленинизма", изд. 11, стр. 575.

более или менее заметного явления культурной жизни нашей страны или за рубежом, на которое не откликалась бы она, не давала бы своей оценки, не выявила бы своего отношения, не связала бы с задачами социалистической культуры. Она отражала на своих страницах гигантскую культурную работу, проводимую на нашей родине. Все, что содействует культурному росту масс, тянущихся к свету, к правде, к знанию; все, что сближает народы нашей страны, еще теснее скрепляет узы интернационализма, братства, что являет собою подлинное творчество народных масс, все это находит в „Правде" достойную оценку.

„Печать – единственное орудие, при помощи которого партия ежедневно, ежечасно говорит с рабочим классом, на своем, нужном ей языке. Других средств протянуть духовные нити между, партией и классом, другого такого гибкого аппарата не имеется"[1], — говорит товарищ Сталин. Правильность этого замечательного определения функции большевистской печати ярче всех на практике подтверждает „Правда". Она выработала язык, наиболее соответствующий своим задачам, формам воздействия.

Великолепен этот язык, в особенности в период борьбы за завершение социалистического общества. Нет у нас другого органа печати, который выработал бы до такого совершенства язык обращения к массам. „Правда" брала за образец стиль Ленина и Сталина, лучших журналистов нашей партии, великих пропагандистов и агитаторов социалистической мысли.

Благородные по простоте и доступности формы выражения великих вождей, конкретность и целеустремленность их языка перенимаются „Правдой" и целесообразно приспосабливаются к потребностям ежедневной газеты.

„Правда" пишет сжатым, гибким, образным, бьющим в цель языком, соответствующим ее стремлению — возможно эффективнее будить и направлять мысли читателя, возбуждать благородные страсти и порывы, призывать к совершению подвигов. „Правда" лучше всех протягивает нити от партии к классу, к народу. Она — совершеннейшее орудие для организации масс; все, что является неотъемлемым качеством партии Ленина — Сталина, — ее последовательная героическая партийность, глубочайшая принципиальность, ее изумительная правдивость, все это ежедневно выражается на страницах „Правды", все эти качества она прививает народу, облагораживает ими его мысли и чувства, возбуждая в нем активность к борьбе, к творчеству.

„Правда" не специальный журнал, посвященный освещению вопросов философии, она не преследует цели дать исчерпывающие исследования по какой-нибудь отрасли науки, она не газета, предназначенная к рассматриванию задач искусства, литературы. Она — боевой орган великой большевистской партии, призванный всеми средствами

[1] Большевистская печать. Сборник материалов. Москва. 1940, стр. 259.

способствовать воспитанию масс в коммунистическом духе, организовать борьбу и многогранное творчество их. Она политическая газета партии, под руководством которой построено социалистическое общество и создаются условия перехода к коммунизму. Потому она, будучи большевистской политической газетой, вместе с тем и философская, и научная, и художественно-литературная газета. Она стремится превратить каждого члена нашего общества в сознательного гражданина Советского государства. Она политически воспитывает советского философа, ученого, художника, литератора, связывает их работу с потребностями социалистического общества, намечает их обязанности и указывает руководящие принципы, следуя которым они повышают качество своей продукции.

В 1938 году партийные и непартийные большевики получили в свои руки замечательную „Краткую историю ВКП(б)", открывшую собою новый этап марксистско-ленинской историографии. Рамки этого произведения далеко выходят за пределы исторической науки. Эта энциклопедия „основных знаний в области марксизма-ленинизма" имела громадное влияние на дальнейший ход развития всей научной мысли в СССР. 4-ая глава этой книги „О диалектическом и историческом материализме", написанная специально товарищем Сталиным, дала громадный толчок в деле разработки проблем марксистско-ленинской философии.

Классическая работа товарища Сталина подымает марксистско-ленинскую философию на новую ступень. Она—единство глубокой теоретической мысли и политически заостренного подхода к обсуждаемым вопросам, яркого анализа проблем диамата-истмата на основе исторического опыта в построении социализма и острой критики антимарксистских, антиленинских взглядов, концепций, предельной ясности, четкости изложения и исчерпывающей полноты содержания. Она, могучий толкач в деле углубленного изучения философии, возбуждает вкус к теории, еще резче обостряет требование освещения теоретических, философских проблем в тесной связи с практикой социалистического строительства. Под благотворным влиянием ее изучение материалистической диалектики принимает более углубленный, последовательный характер, сочетаясь со звеньевыми вопросами, вытекающими из практики наступающего по всему фронту социализма, из потребностей борьбы с фашизмом.

В известном постановлении ЦК ВКП(б) от 1938 года „О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском „Краткого курса истории ВКП(б)" в пункте 10 отмечено: „Поднять роль печати в деле пропаганды марксизма-ленинизма. С этой целью обязать редакции „Правды", „Красной Звезды", „Комсомольской Правды", а также республиканских, краевых, областных партийных и комсомольских газет систематически помещать на страницах газет статьи по теоретическим во-

просам марксизма-ленинизма, консультации, лекции лучших пропагандистов, ответы на вопросы читателей"[1].

„Правда" блестяще справлялась с заданием Центрального Комитета.

В ряде статей, отличавшихся четкостью теоретической мысли, политической целеустремленностью,—в связи с работой товарища Сталина „О диалектическом и историческом материализме", с вопросами, затронутыми в отчетном докладе товарища Сталина на XVIII С'езде партии, в связи с коренными задачами социалистического строительства, она широко освещала узловые вопросы диаматаистмата. Она посвящает много статей выяснению исторического пути развития гениального творчества В. И. Ленина и товарища Сталина. В ярких характеристиках важнейших работ вождей партии она выясняла великое политическое и теоретическое значение этих работ, указывая на нерушимое единство между теорией и практикой марксизма-ленинизма, на воинствующий, действенный характер большевистской теории. Вот как характеризовала она решающее значение „Об основах ленинизма" товарища Сталина:—„Без этой теоретической работы невозможно было бы ни столь быстрое и успешное выполнение двух сталинских пятилеток, разработанных под непосредственным руководством товарища Сталина, ни выполнение 10-летнего плана ГОЭЛРО, намеченного еще при жизни Ленина, ни коллективизация сельского хозяйства, ни разгром кулачества. Без этой теоретической работы невозможно было бы ни укрепление военной мощи Советского государства, ни разгром многочисленных врагов большевизма"[2].

Большое внимание уделяла „Правда" также теоретическим работам Маркса и Энгельса. Она печатала много статей, посвященных великому исторически-теоретическому значению главнейших произведений основоположников научного коммунизма. Она выясняла ценность этих работ в деле закладывания и укрепления основ правдивейшего и революционизирующего мировоззрения пролетариата в деле выработки научной методологии, дающей возможность правильно осмысливать, изучать общество и природу. Она выявляла значение этих произведений в дальнейших судьбах борьбы рабочего класса, в большевистской критике буржуазных и мелкобуржуазных теорий и концепций, в идеологической подготовке социалистической революции. Она раскрывала богатство мысли, теоретическую глубину, научную прозорливость, блестящий анализ и величественный синтез, свойственный этим произведениям. Вместе с тем она давала характеристику творчества великих, прогрессивных мыслителей. Декарт, Спиноза, Дидро, Фейербах и многие другие оценивались ею как борцы в области мысли, проложившие путь к дальнейшим достижениям фи-

[1] ВКП(б) в резолюциях и решениях С'ездов, конференций и пленумов ЦК, часть II, изд. 6, 1940, стр. 686.

[2] „Правда", 1939, № 250.

лософии, как мыслители, оказавшие влияние на марксизм, критически использовавший все ценное в их наследии.

В галлерее прославленных философов „Правда" отводила специальное место представителям славной плеяды домарксовой русской мысли—Герцену, Белинскому, Чернышевскому, Добролюбову и Писареву. С чувством любви и уважения к памяти неистового Виссариона и других борцов за свободу народа, давая яркую характеристику их деятельности, „Правда" особо указывала на те нити, которые связывают нас с ними, выясняла, какое они оставили наследство, от которого мы не отказываемся. Устанавливая разницу в исторических эпохах, она отмечала героические черты в характере этих революционеров, делающие их дорогими и для нас, служащие предметом подражания и для людей нашего общества. Вот что писала она о Чернышевском в 1939 году:—„Чернышевский близок нашей социалистической стране, советскому народу. Революционная страстность, любовь к народу, принципиальная непримиримость, преданность социализму—то, что было много лет назад индивидуальной принадлежностью Чернышевского и его немногочисленных друзей, стало теперь общей чертой новой, народной, социалистической интеллигенции в Советской стране. Эти черты воспитывает в рабочем классе, во всем советском народе партия Ленина—Сталина"[1].

Обращаясь к молодежи нашей страны, она в 1936 г. так отзывается о Добролюбове:—„Для советской молодежи Добролюбов—это полный обаяния образ революционера, который в боевой своей натуре соединил суровую непримиримость к врагу, страстную преданность революции, непоколебимую веру в революционную активность народных масс, неутолимую жажду знания и горячую любовь к литературе".[2]

Прославляя великих мыслителей, прокладывавших путь к дальнейшему развитию познающей человеческой мысли, очерчивая деятельность героев прогрессивной науки, боровшихся с тьмой и невежеством, с рассадником мракобесия—религией, „Правда" противопоставляла эти светлые личности звероподобным существам, представляющим идеологию свастики.

После прихода к власти дегенерата Гитлера и его преступной банды, ввиду создавшегося международного положения, „Правда" часто возвращалась к политике германского империализма, готовившего нападение и на нашу родину. Она ознакомляла советского читателя с „духовным оружием" германского фашизма, разоблачала каннибальский характер его установок, подчеркивала полную противоположность между последним словом загнивающего капитализма и проникнутым пролетарским гумманизмом учением Маркса—Ленина. Еще в 1935 году „Правда" писала:—„Диалектическому материализму,

[1] „Правда", 1939, № 299.
[2] „Правда", 1936, № 35.

идеологии коммунистического интернационала—фашизм противопоставляет идеализм, метафизику, теологию. Пессимизмом, дьявольщиной, предчувствием гибели, близкого конца проникнута идеология гибнущего класса"[1]. Каким методом познания орудует фашистская сволочь, кто ее излюбленные герои на поприще „науки"? „Правда" отвечала:—„Фашизм ведет крестовый поход против науки, историю он гонит вспять, в средневековье, к мистике, поповщине, интуиция, иррационализм, антинаучность провозглашаются методом познания мира. Маги, астрологи, спириты свободно господствуют на кафедрах лучших университетов современной Германии, ведя „священную" войну против марксизма, материализма"[2].

Перекликаясь с фашистскими „расоведами", изрыгавшими в звериной злобе человеконенавистническую клевету на русский народ, презренный агент гестапо—Бухарин в 1936 году написал статью, в которой, „рассматривая" прошлое великого русского народа, отличительную черту его находил в обломовщине. Продавшийся фашизму „социолог" фальсифицировал историю великого народа, предал „забвению" его героическую борьбу с угнетателями, его свободолюбивый дух, его гениальное творчество. В ненависти к народу фашистский наемник поганым воображением своим измышлял какое-то фиктивное прошлое, в котором русский народ выступал как олицетворение дикости, лени, косности и т. д. „Правда" выступила против этого гнусного наскока подголоска Гитлера и Розенберга. Отметая с негодованием эту отвратительную клевету, она писала:—„Сознавая всю громадность исторического расстояния, отделяющего современный СССР от дореволюционной России, рабочий класс советской страны и большевистская партия никогда не допускали искажений исторической перспективы и преемственности. Партия всегда боролась против каких бы то ни было проявлений антиленинской идеологии „Иванов, не помнящих родства", пытающейся окрасить все историческое прошлое в какой-то сплошной черный цвет. Глупая и вредная реакционная болтовня о том, будто русский народ в прошлом представлял собой сплошную массу лежебоков и лентяев, был всеобщей обломовщиной, азиатской дикостью и т. д., не раз была решительно осуждена партией"[3].

Советская наука, как один из важнейших фронтов культурного строительства, постоянно находилась в орбите внимания „Правды". Из номера в номер она следила за достижениями, завоеваниями нашей науки, ставила и обсуждала вопросы, касавшиеся ее дальнейшего процветания.

Она неустанно привлекала внимание ученых к тому, что связь теоретической мысли с практическим строительством должна быть более тесной, что наука должна иметь более актуальный, действен-

[1] „Правда", 1935, № 245.
[2] Там же.
[3] „Правда" 1936, № 40.

ный характер. Она напоминала, что необходимо во все возрастающей мере изгнать из обихода научной трактовки ползучий эмпиризм, замыкание в узкие рамки своей специальности, чувства удовлетворенности мелочными достижениями. Вместе с тем она требовала с такой же решимостью бороться с теоретизированием впустую, с отрешенностью от живой действительности, стремлением оперировать мертвыми, пустопорожними схемами. Она указывала, что для преодоления всех подобных недостатков советский ученый в первую очередь должен изучить марксизм-ленинизм, это превратит ученого в сознательного советского гражданина, вникающего в смысл всего происходящего, дающего себе полный отчет в своих обязанностях.

„Правда" напоминала всем научным работникам, что только тот в нашей стране имеет право назвать себя советским ученым, кто на практике, на деле доказывает, что он не только своим мышлением, своей теоретической работой подтверждает и доказывает истинность всепобеждающего учения Маркса—Ленина, кто борется против всего гнилого, антинаучного, вредного, но кто вместе с тем крепит союз науки и труда, о котором мечтали все борцы за счастье и победу угнетенных масс в прошлом.

Она превозносила великого ученого Климентия Тимирязева, чьи последние слова перед смертью были выражением восхищения Лениным; она выставляла напоказ другим ученым Трофима Лысенко за его „живое дело—повышение урожайности социалистических полей", за его теорию, развернувшуюся в годы коллективизации.

В противовес этому „Правда" пригвождала к позорному столбу тех ученых, которые своим поведением абсолютно были чужды советским порядкам и выражали худшие стороны буржуазного ученого мира. Она поместила статью против врага советской науки—вредителя Лузина и требовала бдительности со стороны ученых ко всяким проявлениям, позорящим имя советского ученого. Она писала:—„Лузинщина еще гнездится кое-где в советской научной общественности. В советской науке есть еще непроверенные углы, убежища для людей в масках. От советской научной общественности требуется величайшая бдительность. Это относится не только к той группе ученых, которые занимаются по преимуществу теоретическими вопросами. В еще большей мере бдительность требуется от тех советских ученых, работы которых непосредственно связаны с практикой социалистического строительства"[1].

С чувством удовлетворенности „Правда" отмечала, что у нас выработался новый тип ученого-гражданина, который у себя в лаборатории, институте, за письменным столом озабочен благом своего народа, величием и мощью своей страны. Но этого было еще недостаточно. Она стремилась к тому, чтобы все советские ученые прониклись глубоким смыслом и гуманным чувством, выраженными

[1] „Правда", 1936, № 215.

в той установке, которую формулировал товарищ Сталин, провозгласивший тост—„За процветание науки, той науки, которая не отгораживается от народа, не держит себя вдали от народа, а готова служить народу, готова передать все завоевания науки, которая обслуживает народ не по принуждению, а добровольно".[1]

„Правда" ратовала за выращивание новых кадров ученых, проникнутых облагораживающим учением Маркса—Ленина; она выдвигала на первый план и всячески поощряла новую категорию советских ученых—„людей неизвестных в научном мире, не имеющих ученых степеней"[2] (Сталин), опровергающих на практике нормы, представления и концепции, установленные и выработанные догматиками, консерваторами от науки и техники.

„Правда" выступила против тех ученых, которые в своих концепциях, вольно или невольно, выступали против советской науки, отражая влияние буржуазных ретроградов науки. Она снимала маски с разных жуликов, проходимцев, которые, прикидываясь советским ученым, совершали свои грязные дела, пользуясь подчас поддержкой лиц с притупившейся бдительностью.

В особенности громила она те „теории" и „науки", от которых, прямо или косвенно, пахло смрадным духом фашистских установок. Так, например, она принимала близкое участие в борьбе, развернувшейся с генетиками-метафизиками, придиравшимися к некоторым устарелым положениям теории Дарвина, чтобы подвергнуть коренной ревизии учение великого естествоиспытателя. Она громила этих ученых, считая, что эта борьба тем более необходима, так как антидарвинисты лили воду на фашистскую мельницу.

Яростно выступала она также против лженауки—педологии. „Педологическая наука,—писала она,—ведет прямехонько к фатализму, к закону фаталистической обусловленности судьбы детей биологическими и социальными факторами, влиянием наследственности и какой-то непознанной среды. Что значат эти взгляды, как не повторение классового вранья буржуазной науки об особой одаренности „высших рас" и эксплоататорских классов"[3].

В противопоставление разным дипломированным мракобесам, сеявшим мистические бредни, идеалистическую чепуху, открыто смыкавшимся с поповщиной, „Правда" периодически печатала статьи о мировых ученых во всех областях науки. Она определяла ценность их творчества в деле продвижения научной культуры и доказывала, что настоящая наука принадлежит всему человечеству, что она способствовала и продолжает способствовать преодолению предрассудков и суеверий, использованных и используемых темными силами, поработившими и порабощающими трудящиеся массы.

---

[1] *И. Сталин.* Речь на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 г. 1938. Москва, стр. 3.

[2] Там же, стр. 6.

[3] „Правда", 1936, № 183.

С особенным вниманием „Правда“ занималась показом величия русского гения в области науки. Русский народ, а вместе с ним и другие народы Советского Союза должны знать, что были две России в прошлом—Россия Аракчеевых, Бенкендорфов и Победоносцевых, и Россия—родина благодетелей человечества, носителей света и в области науки. „Правда“ помещала характеристики Ломоносова, Лобочевского, Менделеева, Сеченова, Лебедева, Тимирязева, Павлова, Циолковского, Мичурина и многих других русских ученых с мировым именем, оказавших и оказывающих громадное влияние на мировую науку, предвосхитивших многое из того, что было более подробно обосновано учеными других стран при более благоприятных условиях. Эти ученые порождены великим русским народом, они выявили его национальный гений в области познания природы. Оплот мракобесия—царское правительство подвергало их преследованиям, многие из них прозябали, влачили жалкое существование, их не признавала официальная наука, они задыхались в царской России, не находя себе места. Только победивший народ может оценить величие сотворенного ими дела, только он законный их наследник. Только при Советской власти Павлов, Мичурин, Циолковский и многие десятки талантливых ученых получили полную возможность беспрепятственно развернуть научную работу. Сколько погибло в прошлом могучих научных гениев, не сумевших приобщиться к науке в силу жестоких общественных условий, и какой беспредельный простор перед советским ученым, какие блестящие возможности перед молодыми советскими научными работниками. Так подходила „Правда“ к этому вопросу, попутно опровергая глупую болтовню тупоголового маниака Гитлера и его „профессоров“ о неспособности славянских народов к культурной работе.

В 1934 году т. т. Сталин, Киров и Жданов написали известные замечания по поводу конспекта учебника по Истории СССР. Этими замечаниями начался пересмотр в расширенных рамках всей продукции исторического фронта. В 1936 году ЦК ВКП(б) и СНК СССР вынесли постановление, в котором указывалось, что в некоторой части советских историков, в особенности по истории СССР, укрепились антимарксистские, антиленинские взгляды на историческую науку.

Это постановление в первую очередь касалось так называемой „школы“ Покровского. В обязанность историков-марксистов вменялось—преодоление вульгаризаторских, искажавших действительный ход исторического развития народов СССР концепций Покровского, разоблачение контрреволюционной стряпни опоганивших исторический фронт замаскировавшихся троцкистов.

В искоренении вредных влияний исторических концепций, методологии Покровского, в доказательстве научной несостоятельности писаний его учеников, в разоблачении контрреволюционных махинаций „историков“, проводивших взгляды агента гестапо Троцкого,—„Правда“ сыграла немаловажную роль. Она в первых рядах борцов

за марксистско-ленинскую историографию принимала деятельное участие в очистке советской исторической науки от сорняка.

Своими статьями и рецензиями выявляя ошибки и погрешности в исторических исследованиях и учебниках по истории, она способствовала улучшению их качества, она писала о необходимости создания перелома на советском историческом фронте на основе последовательного применения марксистко-ленинской исторической методологии, указания товарища Сталина и тщательного изучения исторического материала.

С непримиримостью относилась „Правда" к вульгарной социологии в литературоведении и искусствоведении, проводившей антимарксистские, антиленинские взгляды в советской истории литературы и искусстве, в советской литературной, музыкальной, театральной и т. д. критике.

V

По своим методологическим установкам вульгарная социология имела точки соприкосновения с историческими подходами Покровского. И Покровский, и вульгарная социология, кромсая живую душу марксизма-ленинизма, приравнивали исторический материализм к буржуазному экономическому материализму.

Покровский по существу отрицал значение исторического прошлого, модернизируя это прошлое, игнорируя историческую преемственность социально-экономических формаций; вульгарная социология—с другого конца—не признавала этой преемственности, создавая искусственный, метафизический барьер между формациями.

Покровский не считался с многообразием исторического процесса, не постигал сущности движущих сил этого процесса на каждом этапе его развития, превращая торговый капитал в универсальную отмычку, вульгарная социология не обращала внимания на об'ективное содержание художественного произведения, оценивая его в связи с суб'ективными взглядами, с политической идеологией творческого лица.

Покровский недооценивал, принижал значение народных движений, рассматривая их как проявление роли торгового капитала; вульгарная социология страдала непониманием народности в литературе и искусстве и по установленной номенклатуре механически прикрепляла данного писателя, художника к определенным классовым прослойкам.

Поместив на своих страницах статьи против вульгарных социологов и их благодушных покровителей, „Правда" своей литературоведческой и литературно-критической практикой наносила сильнейший удар этим фальсификаторам марксизма. Посвятив несколько передовиц и множество статей Пушкину в связи со 100-летием со дня его смерти, она в одной из передовиц между прочим писала: „Пушкин целиком наш, советский, ибо советская власть унаследовала все, что

есть лучшего в нашем народе, и сама она есть осуществление лучших чаяний народных. Сейчас, в 100 годовщину великого русского поэта нет более актуальной темы, чем Пушкин и современность. В конечном счете творчество Пушкина слилось с Октябрьской социалистической революцией, как река вливается в океан Пушкин был дворянином. Это дало повод глупым вульгаризаторам об'явить дворянским все его творчество. Какая плоская клевета! Пушкин прежде всего глубоко народен и в произведениях своих и в политических взглядах"[1]. Это не в бровь, а в глаз вульгарной социологии.

„Правда" была зачинщиком той развернутой борьбы, которая началась в 1936 году против формализма, натурализма и других чуждых советскому искусству методов и направлений. Социалистический реализм, предполагающий множество художественных стилей, должен быть основным методом нашего искусства. Формализм и натурализм не в состоянии создавать социалистическое искусство, наоборот,—„формализм не только не приемлем для нас идейно и политически, но он безусловно антихудожественен. Образы, созданные формализмом, антихудожественны прежде всего потому, что они с возмутительной безответственностью уродуют природу человека, нашу социалистическую действительность"[2],—так писала „Правда" в одной из этих статей. Такое же отрицательное отношение проявляет она и к натурализму; сравнивая оба эти направления, она замечала—„Несмотря на все различия формализма и натурализма, источник у них общий: равнодушие к живой жизни и идейному содержанию искусства. Вот почему, несмотря на все споры между формализмом и натурализмом, эти направления фактически питали друг друга"[3].

В борьбе против формализма „Правда" имела в виду такие произведения искусства, как опера Дмитрия Шостаковича „Леди Макбет Мценского уезда". В статье, озаглавленной „Сумбур вместо музыки", она писала об этой опере:—„Это левацкий сумбур вместо естественной, человеческой музыки. Способность хорошей музыки захватывать массы приносится в жертву мелкобуржуазным формалистическим потугам, претензиям создать оригинальность приемами дешевого оригинальничания. Это игра в заумные вещи, которая может кончиться очень плохо"[4]. Критика „Правды" и общественное мнение благотворно повлияли на Шостаковича. Он отрекся от формализма и сделался одним из ведущих советских композиторов. В этой борьбе „Правда" имела в виду также фильм „Прометей". В статье об этом фильме она писала:—„Явная неудача фильма „Прометей" состоит в том, что вместо исторической правды, показанной сред-

[1] „Правда, 1937, № 40.
[2] „Правда", 1936, № 65.
[3] „Правда", 1936, № 85.
[4] „Правда", 1936, № 27.

ствами искусства, в нем дана грубая схема, извращающая историю. Этого одного уже достаточно, чтобы испортить, погубить даже самое лучшее намерение режиссера и актеров. Кроме того, фильм „Прометей" сделан плохо. На нем лежит печать формализма и беспредметного трюкачества"[1].

Этой борьбой с антисоветскими течениями в искусстве „Правда" много помогла советским художникам, писателям в пересмотре своих творческих установок и в равнении по линии социалистического реализма.

Ведя непримиримую борьбу с формализмом, натурализмом и другими, враждебными советскому искусству методами, „Правда"—с целью повышения художественно-культурного уровня советского читателя, расширения его эстетических потребностей—систематически помещала статьи о творчестве великих представителей мировой и русской литературы и искусства. Она выясняла сущность идейно-художественной ценности их произведений, значение их наследия для последующих поколений, для нашего социалистического общества. В противовес формализму, натурализму и другим течениям упадочнического, безыдейного искусства, ущемлявшим интересы народа, великое художественное произведение высоко идейно и народно по своему характеру, по своим истокам. Эту основную установку „Правда" проводила во всех своих характеристиках творчества классиков литературы и искусства. В одной из своих статей о русской классической музыке она писала: „Во всех прекрасных созданиях русского музыкального искусства звучит народная песня. Народность искусства была и остается лозунгом русского музыкального творчества"[2].

Великое искусство своими корнями уходит в народную почву, питается ее соками. Что же делает писателя, композитора народным? Этот вопрос „Правда" выясняет следующим положением—„Народность заключается не в том, чтобы описать, изображать, передать жизнь народа, его быт и нравы, она проявляется в впитывании в творчество писателя, художника мудрости народа, его борьбы за освобождение, его благородных стремлений, его понимания справедливости и красоты. Все великие писатели, художники принадлежат народу, они тем велики, что своим творчеством, часто этого не сознавая, помогали народу в его борьбе".

В 1936 году ополчившись против вульгарной социологии, „Правда" писала: „Великие художники прошлого принадлежат трудовому народу, унаследовавшему все культурные ценности предыдущих классов, и не в наших интересах держать эти ценности под спудом, распылять их и превращать в историческую ветошь, как пытаются это сделать вульгарные социологи.

---

[1] „Правда", 1936, № 43.
[2] „Правда", 1937, № 151.

Великие художники живы для нас. Их труды не пропали даром: лучшие их произведения будили умы и помогали народу двигаться вперед и тем самым найти путь к освобождению"[1].

Русская классическая литература, классическая музыка и живопись занимают одно из первых мест в мировой культуре—по глубине идейного содержания, художественным достоинствам, по широкому охвату жизни и гуманности взглядов и чувств.

Советский русский народ, а с ним вместе и другие народы Советского Союза—законный наследник этих ценностей. Эта культура должна стать его полным достоянием, он должен глубоко постигать громадное познавательное и художественное значение наследия, полученного им.

Исходя из этих положений, „Правда" принимала активное участие в деле раз'яснения народу великого смысла, заключенного в этой литературе, в этом искусстве. Она систематически освещала творчество великих представителей русской литературы, произведения которых дышат смертельной ненавистью к гнету и эксплоатации, к бездушию и мракобесию, полны протеста против несправедливости, надругательства над человеческим достоинством и любви к обездоленному народу, к неизбывным силам его, бодрого призыва к борьбе за освобождение.

С особой задушевностью „Правда" писала о великом пролетарском писателе—Максиме Горьком, злодейски умерщвленном подлыми агентами фашизма. Горький, чьи заслуги перед социалистической родиной непомерны, чье творчество создало целую эпоху в русской литературе,—был одним из деятельнейших сотрудников „Правды". Его публицистические и литературно-критические статьи украшали страницы „Правды". Она давала всестороннюю характеристику плодотворной жизни и гениального творчества великого борца-гуманиста. Горький—писатель—человек встает в „Правде" во весь свой гигантский рост.

Под свежим впечатлением понесенной советским народом великой утраты „Правда" писала:—„Угас светильник разума, перестало биться сердце Алексея Максимовича Горького. Оборвалась нить большой и красивой жизни. На грани двух эпох человечества—на закате капитализма и на заре коммунизма—жил и творил, боролся, страдал, горячо любил и страстно ненавидел этот великий сын великого русского народа"[2].

С особой любовью „Правда" обращает свой взор также и к талантливейшему поэту нашей эпохи—Владимиру Маяковскому. Она ставит его в образец советским поэтам, как поэта гражданина, но советует им не подражать его неподражаемому стилю, а использовать его литературное наследие.

---

[1] „Правда", 1936, № 217.

[2] „Правда", 1936, № 167.

В 1940 году по поводу 10-летия со дня смерти поэта „Правда" так определяла отношение современных поэтов к Маяковскому:— „Для современной поэзии Маяковский—непревзойденный образец истинного служения поэтическим словом народу и революции. Долг наших поэтов так же служить пером своему народу, как Маяковский. Не переписывать на свой манер, не копировать, не подражать, а, опираясь на прекрасное наследие Маяковского, итти вперед, строить солнечное здание советской литературы"[1].

„Правда" много занималась систематическим освещением литературной деятельности писателей народов Советского Союза. Исходя из той установки, что культурные ценности каждого народа нашей страны должны стать общим достоянием всех, она помещала много статей о мастерах художественного слова народов нашей необ'ятной родины, выясняла значение социального содержания творчества характеризуемого писателя, определяла его роль в культурной жизни своего народа. Особенно подробно останавливается она на тех писателях, в творчестве которых переплетались мотивы национально-освободительной борьбы с царизмом, борьбы против социального угнетения с мотивами дружбы, братства народов.

Она выдвигала на передний план и всесторонне освещала творчество гениального Шевченко—пламенного поборника национального освобождения украинского народа, ненавистника всякого угнетения и порабощения.

Откликаясь на юбилейные празднества, она ознакомила своих читателей с творчеством великого гуманиста Руставели, воспевавшего высшие доблести человека и благородные порывы его души, с творчеством певца любовной страсти и тоски, экстатического устремления в высь—глубокомысленного Низами, сладкозвучного поэта, вдохновлявшегося человеческими добродетелями, философа и ученого—Навои.

Если великие писатели пили из источника народного творчества, то непосредственным продуктом его является народный эпос. К народному творчеству относится и творение мастеров народного искусства. Сулейман-Стальский, Джамбул, акыни, ашуги—олицетворение самого народа. Их творчество по существу безымянное. Непосредственность, безыскусственность, чарующая красота, глубокая эмоциональность их произведений—все это от народа.

Народное творчество—один из главных источников к созданию величественного эпоса, созвучного нашей эпохе. Народная музыка своим неиссякаемым богатством мелодий питает творчество наших композиторов.

„Правда" возвеличивала народное творчество. Она выражала мысли и чувства всей советской общественности по поводу 1000-летия армянского народного эпоса „Давид Сасунский", горячо отзывалась о ве-

[1] „Правда", 1940, № 104.

ликих достоинствах калмыцкого эпоса „Джангар“ и т. д. Она всемерно способствовала процветанию советского фольклора, с любовью поощряла мастеров народного искусства к дальнейшей плодотворной работе. „Окружая почетом мастеров народного искусства,“—писала она,—советское правительство в согласии с коммунистической партией, придающей народному искусству такое большое значение, возвращает все искусство к естественным источникам его, к творчеству народа. Труд и песня неразрывны в этом творчестве. Гимн победившего труда слышится в нашей жизни музыкальному слуху, и радостный труд весельем и молодостью наполняет наши песни и пляски“[1].

„Правда“ усиленно занималась советским киноискусством, внимательно следила за его успехами, указывала на его недостатки, выясняла причины неудачи провалившихся фильмов и давала подробный анализ общественно-художественной ценности наиболее выдающихся кинокартин. Она принимала самое деятельное участие в обсуждении тематики фильмов, применяемых в них художественных приемов. Она расхваливала такие фильмы, как знаменитый „Чапаев“, рассматривала его как образец, стиль которого должен быть господствующим. „Мы хотим видеть десятки Чапаевых и в прошлых битвах и в сегодняшних боях. В боях этих рождается новое человечество и обновляется человек,“[2]—писала она.

„Правда“ постоянно требовала от наших фильмов, чтобы в них изобразительными средствами киноискусства конкретизировался метод социалистического реализма. Говоря о фильме „Ленин в Октябре“, „Правда“ указывала, что этот фильм не имеет тех недостатков, которые свойственны многим кинокартинам. „Здесь нет,—писала она,—отвлеченной социологической схемы, здесь на экране не требуется восполнить пробел в образах и фактах“[3]. „Правда“ специально подчеркивала некоторые черты художественности этого фильма, черты, которые отсутствовали во многих кинокартинах. Она писала: „С экрана смотрит сама жизнь во всей ее действительности, здесь ничего не навязывается читателю, он убеждается, что дело обстоит именно так, что иначе и не могло быть“[4].

Не менее пристально „Правда“ следила также и за театральным искусством—драматическим и оперным. Она отзывалась на успехи театров, на достоинства и недостатки театральных постановок как в центре, так и в национальных республиках. Она вела борьбу за выпрямление линии определенных театров, обрушивалась на плохие, отстающие театры, отказывавшиеся от принципов социалистического реализма, отражавшие буржуазные влияния, не сумевшие или не пожелавшие перестроить свою работу.

Указывая на то, что советские театры должны иметь свое опре-

[1] „Правда“, 1935, № 326.
[2] „Правда“, 1935, № 12.
[3] „Правда“, 1939, № 342.
[4] Там же.

деленное творческое лицо, свой стиль, „Правда" требовала от них реалистический показ жизни, изгнание элементов формализма, бытовизма, эклектизма, пронизывающую все представление советскую идейность, высокое мастерство в игре актеров. „Правда" отмечала большие заслуги в развитии советского искусства таких ведущих театров, как Художественный театр и Малый театр. Она считала МХАТ лучшим театром нашей страны, указывала на его достоинства, которые должны быть предметом подражания для других театров. Какие достоинства отмечала „Правда"? Она писала: „В чем заключается основная особенность Художественного театра?—Она заключается в неустанной художественной требовательности режиссеров, актеров, всего творческого коллектива театра. Строгое отношение к себе, постоянное творческое устремление к вершинам искусства, высокое чувство ответственности—замечательные качества Художественного театра. Тщательная работа над каждой ролью, высокий уровень актерского мастерства, единое понимание идеи пьесы, единый стиль исполнения—все это органически присуще коллективу МХАТ[1]".

„Правда" особо подчеркивала то обстоятельство, что развитие настоящего театрального искусства возможно только в Советском Союзе, что все предпосылки монументального народного театра у нас имеются налицо. В капиталистических странах театры хиреют, вырождаются, они в большинстве обслуживают пресыщенного, разлагающегося буржуа. У нас театр идет по линии превращения во всенародный театр, он отражает величие нашего строительства, удовлетворяет потребностям находящихся в процессе культурного под'ема многомиллионных трудящихся масс.

„Правда" подробно занималась освещением театральной жизни национальных республик. Она давала отчеты о художественно-театральных достижениях этих театров, посвящала целые страницы, имевшему место в Москве показу театрально-художественных достижений в национальных республиках. Она указывала на особенности художественного стиля, национальной формы опер, песен, плясок, драматических представлений, произведений изобразительных искусств. „Правда" особо указывала на то общее, что об'единяет искусство всех национальностей Советского Союза—народность, социалистическое содержание, реалистический показ жизни, стремление итти вперед. Она гордилась этими достижениями, как признаками возрождения этих национальностей к новой созидательной жизни, указывала на то, что советское искусство—одно из действенных средств к сближению национальностей, к окончательному преодолению узких рамок национального самоограничения, к обогащению национальной культуры достижениями других. К этому самоограничению стремились националисты разных толков и рангов. Имея их в виду, „Правда" в 1936 году писала: „Буржазные националисты пытались,—кое-где и сейчас

[1] „Правда", 1938, № 297.

пытаются—„оберечь" „свою" культуру от соприкосновения с культурными достижениями других национальностей и от взаимного обогащения национальных культур. Между тем только путем широкого общения возможно создание подлинно великих культурных ценностей. Любое крупное культурное завоевание трудящихся, хотя бы и малых народов, в нашей стране получает огромную трибуну всего великого Советского Союза и быстро становится достоянием мировой культуры"[1].

„Правда" уделяла должное внимание и советской живописи. В отношении к представителям этого искусства она также—взыскательный критик. Отмечая успехи советских художников, она выступала против использования в нашей живописи тех художественных методов и направлений, которые враждебны насыщенному идейностью искусству социалистического реализма. Ведя непримиримую борьбу против формализма и натурализма и в советском изобразительном искусстве, она напоминала об обязанностях советского художника—научиться всему тому, что является необходимой предпосылкой к усовершенствованию, к достижению мастерства.

Она и к мастерам советской живописи пред'являла требования—отразить в своем творчестве в высокохудожественной форме существенные стороны нашей многогранной жизни, пафос нашего созидательного труда, героев социалистического строительства, победы над тормозившими наше развитие силами.

Устами рабочих Сталинградского тракторного завода „Правда" обращалась ко всем советским живописцам. Рабочие писали: „Мы ждем от вас больших полотен, мы хотим, чтобы они не были простыми фотографиями. Мы хотим, чтобы они вселяли в нас радость, борьбу и жажду новых побед. Мы хотим, чтобы они открыли новое лицо нашей страны, преображенное тяжелой индустрией.... Мы хотим, чтобы они показали людей нашей страны—героев и рядовых участников в нашей стройке"[2].

„Правда" специально выдвигала задачи нашей батальной живописи. Особенно она обращала внимание работников этого жанра на те условия, соблюдение которых может способствовать художественному осуществлению замысла. Она писала: „Батальная живопись требует изображения бойца в момент напряженного боя, показа ярких, разнообразных характеров, страстей, проявления воли. Батальная живопись требует точного знания рисунка и анатомии. Нужно уметь изображать движение, выражающее страсть, лицо бойцов, полное силы и энергии. В области батальной живописи нельзя работать импрессионистскими методами, случайность впечатления, суб'ективизм—все это мешает созданию произведений батальной живописи"[3].

Много места отводила „Правда" проблемам и задачам советской архитектуры. В связи с реконструкцией наших городов, с воздвиже-

[1] „Правда", 1936, № 6.
[2] „Правда", 1935, № 239.
[3] „Правда", 1940, № 199.

нием пышных монументальных зданий архитектура получает особо важное значение. Нужно выработать советский архитектурный стиль на принципах социалистического реализма, используя народное творчество в области архитектуры. Это—трудная задача, но не непреодолимая. Советские архитекторы на практике должны пересмотреть свои творческие установки, так как подчас сильны еще заметные влияния чуждых советскому искусству буржуазных архитектурных стилей. Необходима борьба против эклектизма, против лоскутного „синтеза". Советская архитектура, как и все советское искусство, должна исходить из потребностей масс и сущности нашего социалистического строительства. В 1937 году „Правда" писала:—„Архитекторы много говорят о разных стилях, затрачивая порой массу времени на совершенно бесполезные схоластические споры, забывая, что подлинный советский архитектурный стиль может быть создан только в результате глубокого и созидательного отношения архитектора к своему делу, к потребностям нашего народа"[1].

VI

Сегодня мы празднуем день славного 30-летия „Правды". За тридцать лет своей плодотворной работы знаменосец великой партии Ленина—Сталина сыграл неоценимую роль в деле подготовки условий победы социалистической культуры, в деле блестящего развития нового по своему качеству советского искусства и науки. „Правда" являлась одним из могучих средств, примененных партией для углубления и распространения величайшей культурной ценности всех времен—учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, под знаменем которого победил советский народ. „Правда" была одним из крупнейших рычагов, которыми партия Ленина—Сталина подымала многомиллионные массы нашей родины к творческой созидательной работе, она приобщала освобожденные из-под ига эксплоататоров народы к сокровищнице мировой культуры, призывала к новой жизни неувядаемые ценности, созданные боровшимися за свои лучшие дни, за торжество справедливости предками народов советской страны.

„Правда" заражающим вдохновением, героическим пафосом призывала советский народ к неустанной борьбе со всеми теми, кто посягал и посягает на его свободу, кто ставил себе целью разрушить ценности, созданные им, уничтожить культуру, воплощающую высшую правду, справедливость и красоту.

Празднование юбилея 30-летия „Правды" происходит в обстановке Великой отечественной войны, которую наш народ ведет против кровавого германского фашизма. Враг жесток и коварен. Смердящий дух поскудного Гитлера и его оскотинившейся клики не признает никакой очеловечивающей культуры. Гитлер и его приспешники оскверняют памятники культуры, школы превращают в публичные дома,

[1] „Правда", 1937, № 175.

истребляют ученых, художников. Они хотят осквернить, уничтожить все памятники нашего искусства, превратить все наши школы и университеты в публичные дома, в хлевы. Они хотят уничтожить всю нашу интеллигенцию, истребить и поработить наш народ.

Бросив свои озверелые орды на нашу страну, берлинские каннибалы думали „молниеносным ударом" прикончить с нею. Просчитались политиканы из пивных, бандитских дел мастера. Отупели острые клыки фашистского зверя, ему не перегрызть нашей советской брони. Скоро будут выбиты эти клыки. Фашизм не в состоянии осуществить свой чудовищный план. Надвигается его неизбежная гибель, героическая Красная Армия нанесет подлым врагам культурного человечества уничтожающий удар. Фашизм будет вырван с корнем!

Отечественная война не ослабила победного шествия социалистической культуры. Не заглохла у нас научная работа. Своей стране, своей армии, не покладая рук, помогает верный сын народа—советский ученый. С еще большей энергией продолжая свои научные изыскания в лабораториях, в институтах, на фабриках и заводах, он способствует повышению оборонной мощи нашей страны.

Советский писатель, художник своими стихотворениями, поэмами, пьесами, очерками, песнями и симфониями, своими картинами, изваяниями, фильмами, игрой на сцене воодушевляют бойцов на дальнейшие героические подвиги, призывают работающий на шахтах, фабриках и заводах, на социалистических полях советский народ к удесятирению своей энергии, своего трудового порыва для создания всего необходимого, обеспечивающего победу над врагом.

Центральный орган нашей великой партии—„Правда" в эти грозные дни, как всегда, на своем славном посту.

Своим огненным словом она громит коварного врага, вдохновляет бойцов на героические подвиги за справедливое дело, за победу страны социализма. Идеи большевизма, воплощенные в художественные образы,—разящее орудие. Художественные образы „Правды" каждодневно уничтожают злейшего врага в проникнутых героическим пафосом, глубоким гуманизмом, заражающей эмоциональностью—рассказах, очерках и военных корреспонденциях, печатаемых на ее страницах. Дышащие благородной страстью мщения и победы передовицы ее, пронизанные клокочущей ненавистью к подлому врагу, беспредельной любовью к родной стране, к ее верным сынам на фронте и в тылу,—мины гигантски взрывчатой силы, подставленные под логово двуногих зверей—фашистов. Недаром так боится ее правдивого слова коварный враг—воплощение лжи и провокации. И в хлестких фельетонах „Правда" выставляет напоказ отвратительную физиономию дегенерата Гитлера и его бандитской шайки, выявляет цели и задачи их людоедской политики, омерзительную сущность их идеологических установок, доказывает необходимость их уничтожения, неизбежность их гибели.

„Правда"—неустанный раз'яснитель выраженных в предельно сжатой форме гениальных идей, заключенных в выступлениях и приказах великого вождя и полководца Советской страны—товарища Сталина.

Ярче всех отражается на ее страницах вдохновение советского ученого, писателя, художника, внушенное высочайшим образцом синтеза, глубокого научного анализа и предвидения, политической заостренности и героического стиля—выступлений и приказов товарища Сталина. „Правда"—воплощение патриотической науки и литературы, пропитанных социалистическим гуманизмом.

За социалистическую культуру борется героический красный воин, работают на шахтах и фабриках, полях и садах наш рабочий и колхозник, эту же социалистическую культуру от имени великой партии Ленина—Сталина, от имени великого нашего народа защищает вдохновенным своим словом „Правда".

„Народы Советского Союза создали сверкающие всеми красками дивные произведения искусства: песни, музыку, театральное искусство, литературу[1]",—писала „Правда" в своей передовице, посвященной сталинским лауреатам этого года.

Когда враг будет окончательно изгнан из нашей страны, когда перед всем миром раскроются новые горизонты, когда наш великий народ вернется к мирному труду,—будет сотворено искусство, которое ярче засияет своими красками, будут созданы научные произведения, сделаны научные открытия и изобретения, которые еще основательнее выразят одухотворяющую силу и глубочайшую правдивость учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

И в этот период нового, высшего расцвета нашей науки и искусства, марксистско-ленинско-сталинской философии наша „Правда" будет еще с большей силой, большим блеском бороться против всего задерживающего, тормозящего, вредного, в еще большей мере способствовать торжеству общечеловеческой культуры.

Да здравствует наша „Правда"!

[1] „Правда", 1942, № 102.

ՏԵՂԵԿԱԳԻՐ ՍՍՌՄ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱՅԻ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՖԻԼԻԱԼԻ
ИЗВЕСТИЯ АРМЯНСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР
BULLETIN of the ARMENIAN BRANCH of the ACADEMY of SCIENCES of the USSR
№ 5 (19), 1942

Х. С. Саркисян

Художественное слово „Правды“ в дни отечественной войны

I.

Всякое слово, запечатляющееся в сознании, кроет в себе элементы художественности. Художественность присуща слову с самого момента его зарождения. Художественность слова зародилась вместе с ним самим. Разве не художественно спокойное повествование летописца, без мудрствования и лукавства, как охарактеризовал его поэт? И разве тот же поэт, великий Пушкин, не перенял этого божественного спокойствия у летописца и не воплотил его в своих творениях? Конечно, перенял, конечно, воплотил. Пример—все страницы его историко-художественной прозы.

В дни народного гнева слово звучит особенно грозно, особенно веско. Разве „Война и Мир“ Толстого на является претворившимся в великое художественное произведение эхом этого гневного народного слова 12-го года, эхом, которое перекатилось через миллионы сердец из поколения в поколение?

В наши дни, в дни Великой отечественной войны значение слова еще грознее, еще ответственнее. Слово, художественное слово—это оружие наряду с другими оружиями. Слово—это граната, пулемет, винтовка. Как зеницу ока, боец бережет свою винтовку,—совершенно так же ревнивы мы в отношении строгости и чистоты художественного слова. Ничто так не воодушевляет бойца в бою, как мощный рев своей батареи,—ничто так не воодушевляет того же бойца, как задушевное слово о красавице своей—отчизне. Слово строчит пулеметом, взрывается гранатой, его огненные брызги, подобно брызгам гранаты, уничтожают врага.

Не надо думать, будто художественное слово является исключительным достоянием поэтов, писателей, очеркистов. Ничуть! Возьмите любую страницу любого номера „Правды“, „Известий“,—вы там найдете десятки примеров художественности, которая принадлежит отнюдь не профессионалам. Тонкая ирония подчас звучит в заявлениях ТАСС,—казалось бы, какое место художественности в официальнейших представлениях советского правительства? Сарказма и мастерства словесного искусства полны выступления т. Лозовского на

пресс-конференциях иностранных корреспондентов. Сколько любви к родине, сколько ненависти к врагу, сколько страсти—переведенной на язык слов—в радиоперекличках городов России, в простых, кратких, непретенциозных военных корреспонденциях, в воззваниях, лозунгах и письмах советских людей, хотя бы в знаменитом письме гарнизона полуострова Ханко москвичам:—„Каждый день мы жадно слушаем по радио родную речь, родной голос любимой Москвы, пробивающийся сквозь визг финских и немецких радиостанций,—пишут ханковцы. —„Говорит Москва!"—доносит до нас эфир, и в холодном окопе нам становится теплее. Светлеет темная ночь над нами. Мы забываем про дождь и непогоду. Родина обогревает нас материнским теплом. Крепче сжимает винтовку рука, еще ярче вспыхивает огонь ненависти к фашизму, огонь решимости победить или умереть"[1]. Стойкость, продуманная уверенность в правоте своего дела, избыток переживаний, безграничное богатство эмоций—вот что пламенеет в этих замечательных документах. Эту художественность слова передовица „Правды" от 11 марта 1942 г. (№ 70) в отношении устной речи назвала „живым словом", словом, которое включает в себе „все богатство народной речи, ее образность, меткость характеристики, сатирическую шутку", которому свойственно искусство „выразительного, красочного языка".

2.

В своем историческом докладе 6-го ноября 1941 года товарищ Сталин говорит:—„Не может быть сомнения, что идея защиты своего отечества, во имя чего и воюют наши люди, должна породить и действительно порождает в нашей Армии героев, цементирующих Красную Армию, тогда как идея захвата и ограбления чужой страны, во имя чего собственно и ведут войну немцы, должна породить и действительно порождает в немецкой армии профессиональных грабителей, лишенных каких-либо моральных устоев и разлагающих немецкую армию"[2].

Эта фраза товарища Сталина, которая уже в момент ее произношения сделалась достоянием миллионов, имеет ли эта фраза какие-либо художественные достоинства, производит ли она художественное впечатление? Несомненно, имеет художественные достоинства, несомненно, производит художественное впечатление. В чем же эти достоинства?

Вся фраза товарища Сталина делится на две части: в первой части характеризуется Красная Армия, во второй части—фашистская армия. Эти части единой фразы в своем поступательном развертыва-

[1] „Героическим защитникам Москвы от защитников полуострова Ханко". „Правда", 2.XI. 1941 г., № 304.

[2] Доклад Председателя Государственного Комитета Обороны товарища И. В. Сталина.—Ереван, 1942 г., стр. 35.

нии выявляют ряд совпадений—синтаксических и даже словесных. Вот эти совпадения:

Первая часть фразы начинается словами: „...идея защиты своего отечества...“

Вторая часть начинается словами: „... идея захвата и ограбления чужой страны...“

Продолжение первой части: „... во имя чего и воюют наши части...“

Продолжение второй части: „... во имя чего собственно и ведут войну немцы...“

Завершение первой части: „... должна породить и действительно порождает в нашей Армии героев, цементирующих Красную Армию...“

Завершение второй части: „... должна породить и действительно порождает в немецкой армии профессиональных грабителей, лишенных каких-либо моральных устоев и разлагающих немецкую армию...“

Совпадая синтаксически и даже словесно, иными словами формально, каково взаимоотношение этих двух частей в отношении содержания? Ответ, конечно, ясен: эти части в отношении содержания взаимно исключают друг друга, они относятся друг к другу, как положительное к отрицательному, положительное в отношении характеристики Красной Армии, каковая характеристика завершается словом „цементирующий“, и отрицательное в отношении характеристики немецкой армии, каковая характеристика завершается словом „разлагающий“. Мы имеем дело с совпадением по форме и с полнейшим расхождением по существу, расхождением, которое доходит до противоположности, ибо понятие „цементирование“ противоположно понятию „разложение“, ибо доблестная Красная Армия идейно и морально абсолютно противоположна гнусной фашистской армии. Вот это синтаксическое, отчасти словесно-структурное тожество частей единого высказывания, с одной стороны, и их идейная противоположность, их противоположность с точки зрения содержания по существу—с другой,—вот этим именно восприятие глубокой мысли товарища Сталина претворяется также в глубокое эстетическое переживание.

Но, может быть, отмеченный факт—случайное, единичное явление в докладе товарища Сталина? Продолжим чтение дальше.

„... Продвигаясь в глубь нашей страны,—говорит товарищ Сталин,—немецкая армия отдаляется от своего немецкого тыла, вынуждена орудовать во враждебной среде, вынуждена создавать новый тыл в чужой стране, разрушаемый к тому же нашими партизанами, что в корне дезорганизует снабжение немецкой армии, заставляет ее бояться своего тыла и убивает в ней веру в прочность своего положения, тогда как наша Армия действует в своей родной среде, пользуется непрерывной поддержкой своего тыла, имеет обеспеченное снабжение людьми, боеприпасами, продовольствием и прочно верит в свой тыл“[1].

[1] Доклад Предс. Гос. Комитета Обороны И. В. Сталина, стр. 35—36.

Совершенно тот же самый прием: те же две части единой фразы, то же синтаксически-словесное тожество этих частей при идейном противопоставлении их, тот же художественный эффект.

Продолжим чтение. „Вот почему,—говорит товарищ Сталин,—наша Армия оказалась сильнее, чем предполагали немцы, а немецкая армия слабее, чем можно было бы предположить, судя по хвастливым рекламам немецких захватчиков"[1].

Еще более разительный, еще более яркий пример тожественности приема и его эффективности.

Но, может быть, все сказанное свойственно лишь данному докладу товарища Сталина, а в других его произведениях ничего подобного не замечаем? Чтобы рассеять и это сомнение, мы приведем лишь один пример, пример из гениального февральского приказа товарища Сталина.

„Ни один немецкий солдат,—говорит товарищ Сталин,—не может сказать, что он ведет справедливую войну, ибо он не может не видеть, что его заставляют воевать за ограбление и угнетение других народов. У немецкого солдата нет возвышенной и благородной цели войны, которая могла бы его вдохновлять и чем он мог бы гордиться. И, наоборот, любой боец Красной Армии может с гордостью сказать, что он ведет войну справедливую, освободительную, войну за свободу и независимость своего отечества. У Красной Армии есть своя благородная и возвышенная цель войны, вдохновляющая ее на подвиги"[2].

Чтобы окончательно выяснить себе сущность художественных достоинств слов товарища Сталина, приведем еще один, последний пример.

„Немецкие захватчики,—говорит товарищ Сталин в том же знаменитом своем докладе от 6-го ноября 1941 года,—хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же, если немцы хотят иметь истребительную войну, они ее получат"[3].

Эти слова товарища Сталина вызвали взрыв аплодисментов. Оно и понятно: максимально сжато, четко и даже—если хотите—скупо, облекая в сгущенно-художественную форму словесного тожества и противопоставления по смыслу, товарищ Сталин в этих словах дает полную программу действий против вторгнувшихся в нашу священную землю фашистских орд. Товарищ Сталин бьет врага его же оружием. Истребительная война, грозящая нам, следовательно со знаком минус, направляется против врага и со знаком плюс обрушивается на него. Так красноармеец, захватив на поле брани вражеское орудие, поворачивает дуло его на 180° и начинает бить им его же хозяина, ненавистного врага.

---

[1] Доклад Предс. Гос. Комитета Обороны И. В. Сталина, стр. 36.

[2] „Правда", 23, II. 1942 г., № 54.

[3] Доклад Предс. Гос. Комитета Обороны И. В. Сталина, стр. 48.

3.

Мысль товарища Сталина ясна, математически точна, геометрически осязательна. Она—как ясное солнечное утро, когда отчетливо виден каждый куст, каждый изгиб горной цепи, когда горизонт виден далеко, далеко, во все четыре стороны. Предельная ясность слов товарища Сталина, их точный распорядок, их гениальная диспозиция, строгость и закономерность их расположения—все это именно и создает эстетическое впечатление. Недаром слово „космос“ по-гречески означает не только мир, но также красоту и порядок.

Мысль товарища Сталина столь ощутительно ясна, столь пластична, что невольно просится на мрамор алгебраической формулы. Возьмем, напр., слова товарища Сталина о влиянии момента внезапности и постоянно действующих факторов на ход войны, на успех немецкой армии и Красной Армии. При нарастании времени катастрофически убывает эффективность момента внезапности и, следовательно, их произведение, произведение времени на внезапность, т. е. успех немецкой армии, также убывает, приближаясь к нулю. И, наоборот, при том же нарастании времени, все более и более эффективными оказываются постоянно действующие факторы и, следовательно, их произведение, произведение времени на констанс постоянно действующих факторов, т. е. успех Красной Армии, начинает выражаться в поступательно увеличивающемся количестве положительных единиц. Такова нисходящая кривая немецкой армии и восходящая кривая Красной Армии. Безупречная ясность мысли товарища Сталина дает возможность выражать ее и алгебраическими символами и геометрическими линиями.

Подобно математической фразе, анализ каждой фразы, каждой мысли товарища Сталина раскрывает целый мир подобий, поразительных соответствий, гармонических соединений. От этих подобий и соответствий именно то ощущение ритма, то ощущение художественности, которое так свойственно всем произведениям товарища Сталина.

Многие великие мыслители и поэты жаловались на то, что им подчас не удается найти слов, эквивалентных их мыслям и переживаниям. И на самом деле: человек создал много произведений, гениальность которых явно ощущается, но в них же нередко ощущается еще какая-то недосказанность. Эта недосказанность абсолютно отсутствует у товарища Сталина. Немощи слова у него нет. У него полнейшая эквивалентность между словом и мыслью. Сущность слова использована им до конца, его магические свойства исчерпаны у него до дна. У товарища Сталина слово покрывает собою мысль, а мысль—вещь. В этом—величайшая реалистичность мышления товарища Сталина.

Таковы художественные достоинства речей и докладов нашего вождя и учителя, именем которого красноармеец идет в штыковую

атаку, а рабочий, работая 24 часа в сутки, кует оружие для смертного боя с ненавистным врагом.

В словах товарища Сталина воплощены твердость советского человека, его непреклонная воля, его господство над веками, над историей. История дала много великих исторических деятелей, начиная от Перикла и кончая Дантоном и Робеспьером. Она дала много примеров гражданской доблести. Но та доблесть, которая присуща советскому человеку,—она не имеет прецедентов в истории народов. Та безграничная широта кругозора, которую проявляют великие советские государственные деятели—Ленин и Сталин, впервые осуществляется в практике человечества. Оно и понятно: Советское государство вооружено великим учением Маркса и Ленина, учением, которое подобно рентгеновым лучам, освещает скрытые пружины общественной жизни и дает возможность господствовать над этой жизнью, над событиями, над историей.

Последний, ярчайший пример этого господства—подготовка в недрах отступления Красной Армии в первые месяцы войны предпосылок для ее решительного наступления зимою, чудесное претворение движения на Восток в свою противоположность—в сокрушительное движение на Запад.

Все полно этого движения на Запад—и жизнь и смерть советского человека.

В очерке Я. Цветова „В атаку"[1] так описывается смерть красноармейца: „не добежав до деревни пятидесяти метров, сраженный, падает в сугроб белокурый и коренастый боец. Он падает с протянутой рукой, зажав автомат, и даже мертвая его фигура выражает стремление", стремление на Запад.

В другом очерке, в замечательном очерке П. Никитина „Атака"[2] описываются последние минуты героя-командира: „Лейтенант Черняцкий истреблял из засады автоматчиков. Разорвалась мина. 12 осколков впились в тело командира. Но у Черняцкого хватило сил задушить бросившегося на него фашиста. —Он придавил врага телом к земле и замер". В таком виде и нашли его сестры—Ольга, Мария и Евдокия, помогавшие бойцам. „Лейтенант открыл глаза и просит: Поверните меня головой на запад. Я хочу смотреть вперед.

Исполнили его предсмертное желание сестры. Они затуманенными от слез глазами вместе с лейтенантом смотрели на гребень высоты, где шел бой. Над ними взвилась красная ракета. Это был сигнал, что высота нашими взята. Улыбнулся лейтенант, попросил расстегнуть шинель и откинулся навзничь. Он вздохнул, закрыл глаза и вытянулся".

Поэт Степан Щипачев, который за время Отечественной войны написал ряд превосходных стихов, говорит в стихотворении „О весне"[3]:

[1] „Правда", 22. III. 1942 г., № 81.
[2] „Известия", 17. III. 1942 г., № 66.
[3] „Правда", 17. II. 1942 г., № 58.

Пусть все сильней фронты гремят, сверкают
Над снежной мартовской голубизной,
Смешно подумать! Нас враги пугают,
Пугают нашей русскою весной.

А нам вдыхать ее простор и запах,
Ловить глазами солнечную нить.
У солнца путь и путь у нас—на Запад,
И этого пути не изменить.

Рассказывают, что в Москве, в Союзе писателей спорили о том, каковым должно быть направление советской литературы наших дней, дней отечественной войны—романтическое ли, реалистическое или еще какое-либо иное, и когда обратились к Илье Эренбургу, он сказал:

—Советская литература эпохи отечественной войны должна иметь одно направление—направление на Запад.

Таков советский человек—воспитанник величайшего из учителей человечества, товарища Сталина.

4.

В своей статье о седьмой симфонии Шостаковича Алексей Толстой пишет: „Красная Армия создала грозную симфонию мировой победы. Шостакович прильнул ухом к сердцу Родины и сыграл песнь торжества“[1].

Слова Толстого о Шостаковиче полностью применимы к нему самому. Толстой также „прильнул ухом к сердцу Родины“, и в его писаниях мы слышим биение ее пульса—то учащенное, то спокойное, но всегда напряженное.

В те дни, когда враг приближался к сердцу нашей родины, к Москве, когда фанфары того гигантского боевого лагеря, который называется СССР,—передовые „Правды“, оповещая о наступлении дня, давали единственный пункт программы этого дня—„Отпор врагу“! „Разгром фашистских полчищ под Москвой!“—когда Москва, красавица Москва, пронесшая „свою бессмертную славу через столетия“, воспевалась в этих передовых[2], а советский воин призывался не отпускать шгурвала, не отрывать рук от пушек и пулеметов[3],—в эти знаменательные октябрьские дни на страницах „Правды“ появилась статья Алексея Толстого—„Москве угрожает враг“[4], начинающаяся теми словами, которыми кончается передовая „Правды“ от 22 ноября:—Ни шагу назад! Ни шагу дальше!

---

[1] „Правда“, 3. XI. 1941 г., передовая „За Москву, за Родину“.

[2] А. Толстой—„На репетиции седьмой симфонии Шостаковича“, „Правда“. 16 II. 1942 г., № 47.

[3] „Правда“, 23. X. 1941 г., передовая—„Сталинские летчики, громите врага в воздухе и на земле!“.

[4] „Правда“, 18. X. 1941 г.

Лютой ненавистью дышит статья Толстого. „Зубами перегрызть хрящ вражеского горла,—только так!"—говорит он, и в этих словах слышен омерзительный хруст ломающихся под тяжестью советского танка суставов гитлеровца. Вот где натурализм оправдывает себя!

Беспредельной любовью к родине полна она вся, статья Толстого, восхищением перед ее подвигом, молитвенной настроенностью при созерцании ее мук: „Родина моя,—говорит Толстой,—тебе выпало трудное испытание, но ты выйдешь из него с победой, потому что ты сильна, ты молода, ты добра, добро и красоту ты несешь в своем сердце. Ты вся в надеждах в светлое будущее, его ты строишь своими большими руками, за него умирают твои лучшие сыны". Как замечательно сказано—ты строишь будущее своими большими руками! Именно большими руками, мужицкими, рабоче-крестьянскими руками, которые создали и создают самую тонкую и человечную культуру, советскую культуру.

Нежная любовь к родине, осознание ее великого значения в истории человечества, с одной стороны, с другой—ярость и гнев в отношении тех, кои грязными своими руками попрали святыни этой родины, ее язык, ее гениев,—исторгли из сердца Толстого слова столь напряженные, сколь напряжено все существо красноармейца, готовящегося к смертельному прыжку на врага. „Черная тень легла на нашу землю,—говорит он.—Вот поняли теперь: что жизнь, на что она мне, когда нет моей родины. По-немецки мне говорить..? Видеть, как Пушкин полетит в костер под циническую ругань белобрысой немецкой сволочи, и пьяный немецкий офицер будет мочиться на гранитный камень, с которого сорван и разбит бронзовый Петр, указавший России просторы беспредельного мира? Нет, лучше смерть! Нет, лучше смерть в бою! Нет, только победа и жизнь!".

Не смерть!—говорит Толстой.—И даже не смерть в бою. А только победа, только жизнь. Ибо смерть в честном бою—это и есть победа, смерть за родину—это и есть жизнь! „Ни шагу назад!—призывает Толстой.—Ураганом бомб, огненным ураганом артиллерии, лезвиями штыков и яростью гнева разгромить германские полчища!"

Это—призыв всего русского народа, устами Толстого говорит его тысячелетняя история.

В то время, как враг был на самом деле разгромлен и отогнан из-под стен Москвы, в это время в осажденном Ленинграде Шостакович написал свою седьмую симфонию.

Имел ли он на это право? Имел ли право Шостакович, в те минуты, когда на расстоянии нескольких километров от него красный воин шел на подвиг и смерть, имел ли он право, оставив в стороне винтовку, окунуться в волшебный мир звуков? Шостакович не только имел право, он был обязан, это был его долг, ибо в отечественной войне, как никогда, раскрывается глубокий смысл человека, его беспредельная красота, величие его духа, и долг каждого—участвовать

в этом священнодействии, в этом полном раскрытии смысла, сущности человека. Шостакович совершил это вдохновенной музыкальной фразой. Честь и хвала ему!

Алексей Толстой был одним из первых, кто откликнулся на симфонию Шостаковича. Легенда рассказывает, что огненный меч Давида Сасунского, рассекая врага, остриём своим дошел до подземных потоков, и не будь крыла ангела подземные воды потопили бы землю. Вот от этих вод, от этих могучих подземных источников и берет свое начало статья Толстого „На репетиции седьмой симфонии Шостаковича“, вышедшая в „Правде“.[1]

Статья Толстого—это сплошная интуиция, откровение, непосредственное чувствование. Толстой как бы осязает симфонию Шостаковича и находит в ней сосредоточенными тысячи духовных сокровищ отечественной войны.

„Седьмая симфония возникла из совести русского народа, принявшего без колебания смертный бой с черными силами“,—говорит Толстой. „Национален в симфонии сам Шостакович,—продолжает он несколько дальше,—национальна его русская рассвирепевшая совесть, обрушившая седьмое небо симфонии на головы разрушителей“.

Итак, на голову врага можно обрушиться не только бомбой, но и „седьмым небом симфонии“. Вот в какую замечательную образную формулировку выливается закон отражения в статье Толстого! Давид Ойстрах говорит то же самое другими словами: „Ничто и никогда в симфонии Шостаковича не говорит о войне простейшими средствами, вполне возможными при разнообразии звучаний современного оркестра; ничто в этой музыке не изображает непосредственно рокот самолета, свист пуль, разрыв снаряда. Но это—война... Это—война, ибо это те чувства, которые переживает душа человека в дни войны“[2]. Итак, отражать войну—это не означает повторять ее, имитировать рокот самолета или свист пуль. Отражать войну,—в частности в музыке,—это означает осмыслить ее, осознать ее сущность средствами звуковой гармонии.

Отражая отечественную войну, Шостакович в седьмой симфонии воплотил,—говорит Толстой,—в первую очередь совесть, чуткую совесть русского народа. Он показал, что как ни торжествовала ослиная кожа, натянутая на барабаны и литавры, это торжество недолговечно, что человеческие голоса фаготов могущественнее их грохота. Он показал, как сердце, простое человеческое сердце, своим отчаянным биением помогает торжеству гармонии в симфонии, а тем самым—торжеству справедливости в том великом борении против темных сил, которое приняли мы на себя. Он показал нам наше огромное, „немыслимое напряжение“, нашу неукротимую волю к победе, голубое будущее, которое видно даже сквозь кровь и огонь сражений.

[1] „Правда“, 16, II, 1942 г., № 47.

[2] Проф. Д. Ойстрах—„Симфония великой борьбы“, „Известия“, 29. III. 1942 г., № 74.

Он показал,—нет, неправильно!—он доказал, неопровержимо доказал, что Гитлер не человек, а некое ничтожество, бездарное и бесплодное, некая новая недотыкомка, некий одетый в железо крысолов... Как это созвучно словам товарища Сталина, что „Гитлер походит на Наполеона не больше, чем котенок на льва".

В седьмой симфонии Шостакович дал сущность, философию отечественной войны. Эту философию Толстой перевел на язык образов и понятий. Вот этот перевод: „на угрозу фашизма обесчеловечить человека"—отечественная война ответила осуществлением „торжества человеческого в человеке".

Прошли недели. Замерли последние аккорды седьмой симфонии в Большом театре СССР в Куйбышеве. Настала весна. Гитлер замышляет новое наступление. И подобно полководцу Алексей Толстой в своей статье „Славяне, к оружью!"[1] производит генеральный смотр всем своим войсковым соединениям, всем резервам, всем гигантским кузницам, производящим смертоносное оружие против врага. Перед его умственным взором проходят „наша кавалерия, в мохнатых бурках, в башлыках, развевающихся за плечами", наша пехота, которая „идет на Запад, жмет, давит, прогрызает немецкую оборону", наши летчики, которых „гонит в бой русская удаль и смелый расчет—всегда нападать, всегда вырывать инициативу у противника". Силою своей страсти Алексей Толстой перевоплощается в красноармейца, который вонзает до самого ствола свой штык в сердце ненавистного врага, перевоплощается в партизана, „у кого сердце от ненависти стало горящим углем". Толстой—поэт, проникновенным своим словом ведущий в бой бойца, мыслитель, мечтающий о будущем, о „голубых городах высшего устроения", полководец, которым руководит холодный расчет и безграничная уверенность в стойкости своих полков. Одним словом—он гражданин СССР.

Ни один русский поэт или писатель не довел своего публицистического слова до тех высот, до которых довел его Максим Горький. В дни отечественной войны огненные слова Алексея Толстого легли на боевой курс слов великого пролетарского писателя.

5.

За десять месяцев Отечественной войны на страницах „Правды" появились десятки, сотни корреспонденций, очерков, новелл, рассказов и стихов, посвященных ей. Напряжение мысли, воли и чувств, характерное для всей нашей необ'ятной родины, показало себя также и в области литературы. Все наши старые писатели творчески переживали войну и отражали ее в своих произведениях. Появился новый кадр корреспондентов, очеркистов, писателей. Основная их тематика—любовь к родине и героизм советского человека, но эта тема

[1] „Правда". 4. IV. 1942 г., № 94.

рассыпается на тысячи подтем, на великое множество мотивов. Одним из бросающихся в глаза мотивов художественного слова Отечественной войны—это фиксация несоответствия между внешним, невзрачным обликом человека и величественностью его души.

Перед нами рассказ Елены Кононенко „Илья Кузин".[1] „Мальчик Илья Кузин любил ловить птиц. Однажды случилась беда: он упал с крыши и повредил ногу. Это оставило в сердце ссадину... Илья Кузин... порой тайком роптал на природу, которая создала его таким маленьким, приземистым, с таким веселым вздернутым носом... Он жаждал подвигов, и, как всем мальчикам, ему казалось, что героем легче всего стать человеку высокого роста, с могучими плечами, с зычным голосом и с красивым орлиным профилем".

Пришла война и „снова разбередила ссадину в его сердце". Два его брата ушли на фронт, а он был освобожден от воинского долга. Илья возненавидел свою ногу, возненавидел врачей, которые признали его негодным.

Но случилось так, что комсомол посылал лучших своих сынов на помощь партизанским отрядам. Илья взмолился—и попал в партизаны.

Вот тут-то началась подлинная жизнь Ильи, жизнь, полная смелости, отваги, героизма.

Он был под Смоленском, под Москвой. „Крепко насолил немецким извергам Илья Кузин на подступах к Москве,—пишет Кононенко. —Одно описание всех его подвигов заняло бы целую газету. Партизаны говорили о Кузине так: „бесстрашный", „неуловимый", „гроза волоколамских лесов", „под ним земля горит". Там, где появлялся Илья, действительно горела земля: взлетали в воздух склады, вспыхивали бочки с бензином, кувырком летели под откос машины". Имя Ильи стало легендарным. О нем говорили все: красноармейцы, партизаны, женщины, дети... „Вот человек, которого можно считать настоящим героем... В нем—дух орла! А на вид такой невзрачный парнишка..."—так высказался о нем комиссар.

Такой же невзрачный вид и у героини новеллы С. Сергеева-Ценского „Хитрая девчонка", Зины. Когда Зина в начале войны просилась на фронт, в военкомате ей ответили: „Ну, вы—такая маленькая,—куда уж вам на фронт!" А когда ей удалось сделаться санитаркой, „она казалась в шинели мальчиком, питомцем роты". Но этот мальчик, питомец роты, эта маленькая девочка оказалась настоящей героиней. Ловкость, проворность, хитрость и смышленность при исполнении своих обязанностей; безграничная смелость при спасении раненого бойца; спокойствие при смертельной опасности—вот те качества, которые выявила Зина в бою. Маленькая девочка с хрупкими плечами оказалась человеком с великой душой.

Особенно поразительно это несоответствие, когда оно исходит

[1] „Правда", 17. II. 1942 г. № 48.

уже не от невзрачной внешности, а от поведения человека. Пришли в деревню немцы,—рассказывает Вадим Кожевников в очерке „Водовоз“,[1]—и старый водовоз колхоза, Кондратьич, стал им возить воду. Совестно Кондратьичу в глаза людям смотреть, но что делать? Откажешься—немцы убьют. Вся деревня перестала раскланиваться с Кондратьичем, жена и та назвала его немецким холуем и прогнала из дому. И задумал тогда Кондратьич великую месть немцам. Немцы к нему привыкли, не обращали на него внимания, считали его своим. Воспользовавшись этим, Кондратьич в один прекрасный день наполнил все дула немецких минометов водой, и, когда красный батальон пошел в атаку, ни один миномет не дал ни одного выстрела. Все они оледенели. Деревня была взята. Так Кондратьич смыл своим подвигом гнездившееся на дне его души темное пятнышко,—и она, душа его, стала светлой и торжественной.

Еще более яркий случай рассказывается в замечательном очерке Б. Полевого „Подвиг Матвея Кузьмина“[2]. „Матвей Матвеевич Кузьмин слыл в деревне нелюдимым,—рассказывает Б. Полевой.—Жил он на отшибе, был угрюм, неразговорчив... Колхозники не то чтобы не любили, а как-то сторонились его... Когда немцы оккупировали деревню, немецкий комендант, которому какой-то предатель рассказал о нелюдимом старике, счел его подходящей фигурой, чтобы назначить сельским старостой“. Матвей Кузьмин отказался от этой должности, но когда ему предложили ночью провести батальон в тыл наших огневых позиций, посулив при этом в награду денег, муки и хорошее охотничье ружье,—старик, после некоторого колебания, согласился. Колхозники видели, как готовится к походу старый Матвей, и многие из них в душе прокляли старого нелюдима, пожалели, что во-время не выгнали его из колхоза.

Но что сделал Матвей Кузьмин? Измотав всю ночь немецкий батальон, к утру он остановил его перед нашими частями, заранее оповещёнными о затее немцев. Пулемет начал беспощадно косить немцев. „Офицер бросился к старику. Матвей Матвеевич стоял на холмике с обнаженной головой... Ветер развевал седые его волосы, а глаза его, сузившиеся, гневные, сверкая из-под дремучих бровей, насмешливо следили за тем, как бежали, утопая в снегу, падали, вскакивали и вновь падали немецкие лыжники“...

Офицер убил старого колхозника, Матвея Кузьмина, но весь вражеский батальон был уничтожен. Угрюмый, нелюдимый человек, казалось, с темной душой изменника, оказался подлинным патриотом, светлым человеком, который „дорого продал свою жизнь—за двести пятьдесят жизней немецких захватчиков“.

---

[1] „Правда“, 13. II. 1942 г.. № 44.
[2] „Правда“, 26. II. 1942 г., № 57.

6.

Искание и открытие человека там, где, казалось, нельзя его найти,—вот пафос приведенных рассказов и новелл. Этого пафоса полно также творчество Николая Тихонова в дни Отечественной войны. В своих—уже знаменитых „Ленинградских рассказах", вышедших на страницах „Правды" под общим заголовком „Черты советского человека",—Тихонов описывает неприглядность замаскированной ленинградской ночи, гнетущий вой снарядов, ад воздушной бомбардировки—и на этом фоне тьмы и хаоса разрушенных кварталов и улиц—человека, советского человека со светлой душой, человека, сотканного из самопожертвования, человека, любящего ближнего до самозабвения, человека, преданного себе подобному без остатка. Тьма ночи не только не исключает, но, наоборот, подчеркивает свет души, а хаос разрушения—гармонию и созидательную мощь сознания.

Зимняя вьюга, тьма, стрельба, пустынная улица, а там, за фонарем, прижавшись спиной к стене дома, у запертых наглухо ворот рожает женщина, рожает на снегу, в черную зимнюю ночь, освещенная вспышками рвущихся снарядов. Надо спасти рождающуюся жизнь, надо ее отнять у холода, мрака и пушек,—подумала Ирина, молодая девушка, сестра, дежурившая по приему рожениц. „Ее ухо больше не слышало выстрелов и разрывов. Она помогала женщине так, будто дело происходило в комнате, так, как это всегда... Она высоко подняла ребенка, как бы показывая его всему лежащему во мраке великому городу. Она несла его, прижав к своей груди, горячий всхлипывающий комок, накрыв его своей шубкой". За нею шли санитар, роженица. „Вьюга бросала им в лицо пригоршни сухого снега. Где-то сыпались дождем стёкла после громового удара. Они шли, как победители ночи, холода, канонады. Если бы нужно, это шествие прошло бы через весь город и пронесло бы маленькую новую жизнь, маленького нового человека, явившегося в наш город в такой удивительный час"...

Новый человек оказался девочкой. В честь ее спасительницы она была названа ее матерью Ириной. Когда последняя узнала об этом, „отвернулась и заплакала, сама не зная—почему". В рассказе „Новый человек" Тихонов показал нам торжество человека в непроглядную ночь, торжество жизни в окружении смерти.

А вот вам другая девушка, героиня рассказа „Девушка"[1], Поля, разведчица противовоздушной обороны. „Никто быстрее ее не обнаруживал очага поражения, никто не умел так самозабвенно работать, так ухаживать за ранеными, так проводить целые ночи среди шатающихся стен, рушащихся балок и людей с перекошенными лицами. Особенно умело она откапывала детей. Сколько она перетаскала раненых, ушибленных, искалеченных, эта хрупкая девушка с большими, слегка удивленными глазами, скольких успокоила, одобрила, даже

[1] „Правда", 12. III. 1942 г., № 71.

рассмешила своими острыми словечками, сказанными кстати!". Число спасенных Полей,—этой девушкой с худенькими плечами,—людей уже доходило до ста.

Вот мать, героиня рассказа „Мать"[1], такая маленькая, усталая женщина, которая прошла целые километры по территории, где наши были почти в окружении, для того, чтобы проверить, что ее сын Боря, студент-доброволец, умеет воевать, в состоянии пойти в бой. „Я проверила. Мой сын сражается, как все. Больше мне ничего не надо",—сказала она и вернулась домой. Она и не помышляет о героизме, она довольствуется тем, что ее сын сражается, как все. Это и есть героизм!

В Ленинградских рассказах Тихонов дал прекрасные портреты стариков. Вот старый военный, герой рассказа „Старый военный"[2]. Он всем сердцем переживал битву, шедшую вокруг Ленинграда. Но его угнетало отступление наших войск. Он слабел, терял свои последние силы. Даже ложку ему трудно было уже держать. Его кормила дочь. Но в один прекрасный день из его комнаты послышалось пение. Когда дочь открыла дверь, „она увидела, что ее древний, больной отец пилит какую-то доску и поет. Да, это пел он. Он пел и глаза его сияли; и хотя на его худых широких плечах было накинуто старое, рваное пальто, он был величественен, как патриарх".

Старик слышал по радио, что немцев разбили под Москвой. В хилом теле затрепетал великий дух любви к родине—и возродилось, восторженно запело оно!

Не менее характерен другой образ старика, героя рассказа „Встреча"[3]. Он старый преподаватель древней истории, у него исхудалое лицо, он еле держится на ногах. Но этот тщедушный, тонкий, почти призрачный старец обладает беспредельной душой. Он верит в свой Ленинград, он убежден в том, что родной его город не только сравнялся с Троей, но и превысил его своим героизмом.

—В нашей Трое никогда не быть троянскому коню!—Эти слова как бы выпрямляют стан старика; он больше не нуждается в чужой поддержке.

Прекрасен рассказ Тихонова „Яблоня"[4] о духовном возрождении художника, которого вот-вот уже преодолело недоедание, бомбежка, тьма. Изумителен рассказ „Люди на плоту"[5] о фотографе, простом, обыкновенном советском фотографе, который, будучи выброшен в пучину волн после бомбежки парохода, погибая, в хаосе смерти и пулеметного огня, погружаясь в воду, находит в себе силу, великую нравственную силу сделать замечание людям на плоту, которые не успокаивали женщину, кричавшую громко и пронзительно, с ис-

[1] „Правда", 18. III. 1942 г.. № 67.
[2] „Правда", 12. III. 1942 г., № 71.
[3] „Правда", 15. III. 1942 г., № 74.
[4] „Правда", 26. III. 1942 г., № 79.
[5] „Правда", 6. III. 1942 г., № 65.

царапанными щеками и растрепанными волосами. Вот вам рыцарство, советское рыцарство, предельно-мыслимое проявление гуманизма!

7.

Жадность к человеку, нахождение человека—вот чем замечательны рассказы Тихонова, вот чем переполнены страницы „Правды“. А разве это не исконная традиция русской литературы? Ведь искал же Толстой в русском крестьянине, в безземельном, сгорбленном от неимоверных тягот жизни крестьянине человека, и нашел же он в нем великую ненависть к эксплоататорскому обществу? Искал же Горький в бывших людях, в заброшенных за борт жизни людях, человека, и нашел же он в них подлинную человечность и искренний порыв? Русская литература безмерно расширила познание богатств человеческой души, художественное слово отечественной войны продолжает углублять это познание, находить в человеке, в его душе все новые и новые горизонты, доселе никому неизвестные.

Отечественная война призвала не только к максимальной эксплоатации недр земли, но и к выявлению безграничных богатств души советского человека. И в то время как волей советского человека земля раскрывает двери своей сокровищницы и выбрасывает оттуда железо и нефть, уголь и платину, советский человек, в свою очередь, также открывает свою душу до глубин, до дна,—и мы видим безграничные залежи любви, подвига, человечности. Отечественная война привела к действию все дремлющие силы души,—и все то, что было под спудом, все это ныне на солнечном свете переливается всеми цветами радуги; все то, что было скрыто под нивеллирующими покрывалами быта, все это вылилось ныне в величайшее напряжение воли и интеллекта, в незнающее границ милосердие, в незнающий прецедента героизм.

Советский героизм—предел, грань человечески-возможного. Отвага суворовского солдата сочетается в нем с бесстрашием и готовностью на мученичество народовольца. Босая, измученная, посиневшая, распухшая, истерзанная гитлеровскими палачами Александра Мартыновна Дрейман крикнула в предсмертный час: „Матери, родные, слышите ли вы меня? Я смерть принимаю из рук зверей; сына своего не пощадила, но правды своей не выдала. Слышите ли меня, матери?“[1]. Комсомолка Таня, Зоя Космодемьянская, когда палач подтянул веревку и петля сдавила ей горло, обеими руками раздвинула петлю, приподнялась на носках и крикнула, напрягая все силы: „Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь! С нами Сталин! Сталин придет!“.. Таня—подлинная внучка Софии Перовской, а палач, задушивший ее,—потомок царского охранника.

Перепившиеся фашисты окружили виселицу Тани, стащили с повешенной одежду и гнусно надругались над ее телом. Они ее тер-

[1] О. Курганов—„Мать“, „Правда“, 7.II. 1942 г., № 38.

зали и после смерти. „Таню похоронили без почестей, за деревней, под плакучей березой, и вьюга завеяла могильный холмик. А вскоре пришли те, для кого Таня в темные декабрьские ночи грудью пробивала дорогу на Запад. Остановившись для привала, бойцы придут сюда, чтобы до земли поклониться ее праху и сказать ей душевное русское спасибо. И отцу с матерью, породившим на свет и вырастившим героиню; и учителям, воспитавшим ее; и товарищам, закалившим ее дух. И немеркнущая слава разнесется о ней по всей советской земле, и миллионы людей будут с любовью думать о далекой заснеженной могилке, а Сталин мысленно придет к надгробью своей верной дочери"[1].

Приведенная выдержка принадлежит П. Лидову. Это—как и описание О. Курганова мученической смерти Дрейман и многие другие очерки других авторов—начало нового жанра в советской литературе, мартиролога, но это и начало эпопеи. Советский мартиролог может быть только эпопеей! Ненавистью измученной души, призывом к мести за причиненные страдания пылает в наши дни творчество Ванды Василевской. Кровь за кровь! Смерть за смерть!—вот тот клич, которым всецело охвачено это творчество.

Советский героизм не только готов на мученичество, не только презирает смерть, но и преодолевает ее. Об этом повествует В. Кетлинская в рассказе „Воля".[2] Летчик Алиев получил семнадцать ранений, из коих три смертельных, и все-таки он прилетел на аэродром, спланировал к тому месту, где надо садиться, и посадил самолет на три точки, как надо. Врач, осмотревший тело летчика, заявил, что он ничего не понимает, что Алиев не мог лететь. И все-таки он прилетел, он летел и в смерти, смерть оказалась слабее воли советского летчика, слабее его понимания долга, обязанности его довести самолет до своего аэродрома, не потерять его. Воля Алиева функционировала и тогда, когда сердце перестало стучать, воля пережила его самого. Это ли не грань человечески-возможного напряжения?

Кто не знает замечательного рассказа Леонида Соболева „Невеста"?[3] Сколько лиризма в этом рассказе, нежности, теплоты, какая бархатная душа у героини рассказа, Фени! Какое высокое понимание жизни, какое величие души, какая жертвенность! Русская женщина, ищущая высоких идеалов жизни и дающая их,—всегда была любимым героем русской литературы. Отечественная война показала, сколь значительна она, сколь громадна ее общественная роль. Леонид Соболев как бы испил из всего того, что дали нам и дают жизнь и литература,—и очертил замечательный образ женщины. Какими словами охарактеризовать поступок Фени? Гуманизм, человеколюбие? Но это же переходит всякие возможные границы гуманизма, человеколюбия!

[1] П. Лидов—„Таня", „Правда", 27, I. 1942 г., № 27.
[2] „Правда", 8. XII. 1941 г., № 340.
[3] „Правда", 7.II. 1942 г., № 32.

Отечественная война вызвала к жизни все творческие силы советского человека. Отечественная война показала, на какие великие дела и подвиги способен советский человек. Художественное слово отразило эти замечательные качества советского человека, оно показало, что чем сильнее презрение к смерти, тем сильнее любовь к жизни, чем глубже ненависть к врагу, тем глубже любовь к человеку. Продолжая великие традиции русской литературы, художественное слово наших дней, дней Отечественной войны, показало, что, осуществляя в огне сражений великий лозунг товарища Сталина: „Смерть немецким оккупантам"!—народы Советского Союза одновременно куют основы нового этапа своей культуры, намечают вехи нового периода развития советской литературы. „Это будет огромный и блистательный период нового советского ренесанса, эпоха высокого гуманизма"[1].

[1] А. Толстой—„Николай Тихонов", „Правда", 21.IV. 1942 г., № 111.

ՏԵՂԵԿԱԳԻՐ ՍՍՌՄ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱՅԻ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՖԻԼԻԱԼԻ
ИЗВЕСТИЯ АРМЯНСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР
BULLETIN of the ARMENIAN BRANCH of the ACADEMY of SCIENCES of the USSR
№ 5 (19), 1942

Ա.ս. Ասատրյան

ՄԻՆՉՀՈԿՏԵՄԲԵՐՅԱՆ „Правда"-Ն ԵՎ ԳՐԱԿԱՆ ԺԱՌԱՆԳՈՒԹՅՈՒՆԸ[1]

Մինչհոկտեմբերյան „Правда"-ի շատ կարճատև գործունեության մեջ ամենանշանակալից ժամենտներից մեկը պետք է համարել գրական ժառանգության հարցի դրումն ու լուծումը մարքս-լենինյան թեորիայի համաձայն։

„Правда"-ի այս առաջին շրջանի գործունեությունը ցույց է տալիս, որ Լենինի-Ստալինի պարտիան նոր կուլտուրայի, նոր գրականության ու արվեստի ստեղծման հարցը միշտ էլ դրել և լուծել է անխզելիորեն կապված անցյալ դարաշրջաններում ստեղծված ողջ ժառանգության քննադատական յուրացման ու օգտագործման հետ։

Լենինի հանճարեղ միտքն այն մասին, որ «պրոլետարական կուլտուրան հանդես չի գալիս մի անհայտ տեղից դուրս պրծնելով», այլ հանգիստնում է բոլոր նախորդ էպոխաներում ստեղծվածի հետագա «օրինաչափ զարգացումը», իր մարմնացումն է գտել նաև մինչհոկտեմբերյան բոլշևիկյան մամուլի և մասնավորապես „Правда"-ի կիրառած գրական քաղաքականության մեջ։

Անցյալի գրական ժառանգության հարցի դրման ու ճիշտ լուծման գործում, հենց „Правда"-ի փորձի հիման վրա ասենք, բոլշևիկների պարտիան սկզբից ևեթ հանդես է գալիս որպես ամենահավատարիմ ժառանգը, ամենահավատարիմ շարունակողն այն ամեն լավագույնի, ինչ ստեղծել է մարդկությունն անցյալներում։ „Правда"-ն նաև մինչհոկտեմբերյան շրջանում հանդիսացել է ռուս ժողովրդի, ուկրաինական և այլ ժողովուրդների ազգային կուլտուրական-գրական ժառանգության լավագույն տրադիցիաների, լավագույն արժեքների ամենահավատարիմ պաշտպանը, ինչպես ցարիզմի, նույնպես և ամեն տեսակ ռեակցիոն հասարակական-քաղաքական հոսանքների դեմ մղված պայքարում։

Ինչպես հայտնի է, ժառանգության հարցը „Правда"-ի շրջանում նոր հարց չէր բոլշևիկյան պարտիայի համար, այն դրվել ու քննվել էր պարտիայի սկզբնավորման առաջին շրջանից սկսած։ Կարելի է այստեղ հիշեցնել պարտիայի հիմնադրի ու առաջնորդի՝ դեռ 90-ական թվականներին առաջադրած հարցն ու դրա լուծումը՝ «Ինչպիսի՞ ժառանգությունից ենք մենք հրաժարվում» (1897—1898) հայտնի հոդվածում։ Այս հոդվածը

---

[1] Հատված՝ Արմֆանի՝ „Правда"-ի 30-ամյակին նվիրված XI գիտական սեսիայի 1942 թ. մայիսի 7-ի նիստին կարդացած զեկուցումից՝ «Մինչհոկտեմբերյան „Правда"-ն և գրականությունը» թեմայով։

կոնկրետ առումով վերաբերում է 40—60-ական թվականների ռուս լուսավորիչների ժառանգությանը։ Բայց լենինյանները—բոլշևիկները չեն սահմանափակվել միայն ռուս լուսավորիչների ժառանգության պաշտպանությամբ։ Թե 90-ական թվականներին և թե մանավանդ հետագայում լենինյանների պարտիան հետևողականորեն կիրառեց ժառանգության պահպանման մարքսիստական սկզբունքը, այն տարածելով անցյալի ողջ կուլտուրական ժառանգության վրա, բոլոր ժողովուրդների ազգային կուլտուրայի ու արվեստի ժառանգության վրա, ըստ որում՝ առաջին հերթին ռուս ժողովրդի ողջ գեղարվեստական ժառանգության վրա։

„Правда"-ն իր գործունեության ընթացքում ղեկավարվում էր Լենինի հիշյալ հոդվածի ոգով, և Լենինն էլ "Правда"-ին տված իր ցուցումներում միշտ հիշեցնում էր այդ միտքը դրական ժառանգության նկատմամբ։

Բոլշևիկյան „Правда"-ի վերաբերմունքը դեպի դրական ժառանգությունը, դեպի «հին», կլասիկ գրողներն ու արվեստագետները գործնական հերքող պատասխան էր ռեակցիոն սև-հարյուրյակային մամուլի, բուրժուական ու մանր-բուրժուական ինտելիգենցիայի այն զրպարտիչ մեղադրանքին, ըստ որի կոմունիստները—բոլշևիկները—բանվորները իբր թե տրհամարհում ու ժխտում են դրականությունն ու արվեստը, դալիս են «տվերելու» մարդկության ստեղծած կուլտուրան, մի վայրահաչ զրպարտություն, որը պակաս տեղ չի գրավում նաև ժամանակակից ռեակցիայի ներկայացուցիչների, մարդկության կուլտուրայի կատաղի թշնամիների՝ երիցս անարդ հիտլերյան ֆաշիստների դեմագոգիայի զինանոցում։

Մինչհոտեմբերյան „Правда"-ն իր գործունեությամբ ցույց է տալիս, որ միայն կոմունիստների—բոլշևիկների բանվորական պարտիան է, որ ըստ արժանվույն գնահատում է ողջ դրական ժառանգության լավագույնը, այն ամենը, ինչ որ նպաստել է մարդկության պրոգրեսին, ինչ կազմում է մարդկության կուլտուրական հարստությունը։

Մարքս-լենինյան ուսուցիոն դիրքերից քննարկելով դրական ժառանգությունը, կլասիկ գրողների կյանքն ու ստեղծագործությունը, բնութագրելով ու որոշելով նրանց տեղը գրականության պատմության մեջ և նրանց նշանակությունը ժողովրդի գեղարվեստական դաստիարակության ու ուսուցիոն ազատագրական պայքարի համար, „Правда"-ն ամրապնդում էր դրականության պատմության մարքս-լենինյան հիմունքները, որոնք իրենց հետագա զարգացումն ստացան հետ-հոկտեմբերյան շրջանի սովետական գրականագիտության մեջ։

Կարևոր է սակայն նկատել, որ այս ուղղությամբ մինչհոկտեմբերյան „Правда"-ն ավելին չէր կարող անել, քան արել է իր կարճատև գոյության ընթացքում, հաշվի առնելով այն հանգամանքը, որ նա գրական թերթ չէր, այլ քաղաքական ամենօրյա լրագիր, որը կոչված էր դառնալու, և դարձավ, ուսուցիոն-քաղաքական շարժման «բանվորական տրիբունը» (Ստալին), կանգնած՝ «մասսայական բանվորական պարտիայի» համար Լենինի ու Ստալինի մղած պայքարի կենտրոնում[1]։

Այդ բնույթի մի լրագրի էջերում, բնական է, որ մանավանդ դրական

[1] Большевистская „Правда". К 25-летию основания „Правды". 1937 г., стр. 14. *И. Сталин.* К десятилетию „Правды".

ժառանգության հարցերին շատ տեղ չմնար։ Եվ այնուամենայնիվ, կարծես, որպես պատասխան ռեակցիոն բուրժուական մամուլի զրպարտիչ մեղադրանքներին, „Правда"-ն աչքի ընկնող տեղ է տվել անցյալի թե ռուսական և թե եվրոպական գրողների ստեղծագործության արժեքի լուսաբանմանը։

Կարևորը ոչ այնքան հոդվածների քանակն է, այլ այն սկզբունքային վերաբերմունքը, գաղափարական այն մոտեցումը, որ հանդես է բերել բոլշևիկյան պարտիական օրգանը գրական ժառանգության նկատմամբ։ Հետաքրքրականը և կարևորն այն է, թե ի՛նչ և ի՛նչպես է գրել բանվոր դասակարգի ազատագրական կռվի և նոր, պրոլետարական-սոցիալիստական կուլտուրայի դրոշակակիրը կլասիկ գրականության մասին։

Իր շատ կարճատև գոյության ընթացքում (երկու տարուց քիչ ավելի— 26,5 ամիս՝ 1912 թ. 22. IV—1914 թ. 8.VII) մինչհոկտեմբերյան „Правда"-ն միայն ռուս կլասիկ գրականության մասին տվել է ավելի քան 30 հոդված, չհաշված Մ. Գորկու և ժամանակակից այլ ռուս գրողների ու պրոլետարական գրականության մասին տպված հոդվածները։

Ի՞նչն է բնութագրականը ռուս կլասիկային նվիրված հոդվածներում։ Այն, որ այդ հոդվածները տոգորված են ջերմ, անկեղծ հայրենասիրությամբ, ազգային հպարտության զգացումով՝ ռուս մեծ ժողովրդի, ռուս հարուստ գեղարվեստական կուլտուրայի հանդեպ։ Այդ հոդվածներում բացահայտված են ռուս մեծ գրականության զարգացման հիմնական ու բնորոշ գծերը, գրականություն, որն իր անմահ ներկայացուցիչներով՝ Ռադիշչևից ու Պուշկինից մինչև Տոլստոյն ու Գորկին և իր լավագույն տրադիցիաներով մրանում է աշխատավոր ժողովրդի ու բանվորական դեմոկրատիայի ազատագրական պայքարի գեղարվեստական զինանոցը։

„Правда"-ի հոդվածներում բացահայտված ու վեր են հանված ռուս կլասիկների համար բնորոշ ազատասիրությունը, հումանիզմն ու դեմոկրատիզմը, անհաշտ ատելությունը ցարական և ամեն տեսակ այլ բռնության ու ճնշման նկատմամբ, անհուն սերը ժողովրդի ու հայրենիքի նկատմամբ։

„Правда"-ի հոդվածներում ռուս կլասիկայի նկատմամբ արտահայտված հայացքների հիմքում դրված է այն հիմնական մոտեցումը, որով Լենինը, դեռ „Правда"-ի հրատարակության նախօրեին (1910 թ. նոյեմբեր), այնքան հանճարեղ ընդհանրացումով ու կոնկրետությամբ գնահատել էր ռուս գրականության հսկաններից մեկի՝ Լ. Տոլստոյի ստեղծագործությունը՝ գրելով, որ «Նրա ժառանգության մեջ կա այն, ինչ անցյալին չի անցել, ինչ պատկանում է ապագային։ Այդ ժառանգությունը վերցնում է և այդ ժառանգության վրա աշխատում է Ռուսաստանի պրոլետարիատը»[1]։

Այս ելակետն ունենալով, բոլշևիկյան „Правда"-ն ռուս կլասիկ գրականության նկատմամբ ցուցաբերել է լենինյան վերաբերմունք՝ սերտորեն կապակցված ռուսական պրոլետարիատի քաղաքական լուսավորության և ազատագրական պայքարի հետ։

Այս ընդհանուրից հետո անցնենք կոնկրետին։ Ահա, թե „Правда"-ում ինչպես է բնութագրված ռուս գրականության զարգացումը XVIII և XIX դ.դ.։

---

[1] Ленин, „Л. Н. Толстой". Соч., т. XIV, стр. 403.

«Ռուս գրականության ամենաբնորոշ գծերից մեկը—դա նրա հարատև ձգտումն է դեպի հասարակական հարցերը։ Ռուս հասարակայնության կարևորագույն հարցը XVIII և XIX դարերում եղել է ճորտատիրական իրավունքի ոչնչացման հարցը։ Բնական է, որ այդ թեման իր արտացոլումը գտներ նաև գրականության մեջ։ Ավելի քան հարյուր տարի ռուս գրականության լավագույն ուժերն իրենց գրիչը, իրենց միտքն ու զգացմունքը նվիրել են այդ անարգ երևույթի դեմ մղված պայքարին։ Սկսած Կանտեմիրից, Նովիկովից, Ռադիշչևից, որն առանձնապես հայտնի է իր „Путешествие из Петербурга в Москву“ աշխատությամբ, և վերջացրած Նեկրասովի, Տուրգենևի, Սալտիկովի, Գերցենի ու Չերնիշևսկու անուններով, բոլորն այստեղ քիչ չեն աշխատել, բոլորի անուններն էլ մտել են «ճորտատիրական կարգերի դեմ մարտնչողների» վառոդապնծ գրքի մեջ։ Իհարկե, ճորտատիրական իրավունքի անկումը կանխորոշված էր Ռուսաստանի զարգացման ընթացքով իսկ, բայց այդ անկումն արագացնելու մեջ ռուս գրականության անձնվեր աշխատանքը չէր կարող իր գերը չխաղալ»[1]։

Այս ընդհանուր բնութագրությունից հետո պրավդիստ հեղինակն անհրաժեշտ է համարում նշել այն էական տարբերությունը, որ ակնհայտ է ճորտատիրական իրավունքի նկատմամբ լիբերալների (Տուրգենև և այլն) ու ռևոլյուցիոն-դեմոկրատների (Չերնիշևսկի և այլն) ունեցած վերաբերմունքի ու հայացքի միջև։

Ավելի ուշագրավն առանձին գրողների մասին գրված հոդվածներն են, որոնցում ռուս անվանի գրողներն ընթերցողի առաջ կանգնում են իրենց հասարակական-իդեական ու ստեղծագործական-գեղարվեստական մեծությամբ, յուրաքանչյուրն իր տեղում և իր ունեցած առանձնահատկությամբ։

Մինչհոկտեմբերյան „Правда“-ի հենց առաջին տարվա սկզբից կարելի է հանդիպել կարևոր ու հետաքրքրական հոդվածների, նվիրված ռուս կլասիկ գրականության առանձին ներկայացուցիչներին։

Ինչ առաջ հիշեցինք Լենինի հայտնի բարձր գնահատականը՝ տրված Լև Տոլստոյի ստեղծագործության։ Այդ գնահատականի ոգով է գրված „Правда“-ի 1912 թվի նոյեմբերի 7-ի №-ում տպված, Ու. Լ. ինիցիալները կրող՝ „Великий уход“ վերնագրով ընդարձակ հոդվածը։

Տոլստոյի լայն ու խորը բնութագրման հետ միաժամանակ, այդ հոդվածում շատ արժեքավոր ընդհանրացումներ են արված նաև ռուս կլասիկ գրականության զարգացման ուղիների ու նրա համաշխարհային նշանակության մասին։ Մի հոդված է գա, որ գրված է պրավդիստ-քննադատին ու հրապարակախոսին հատուկ ջերմությամբ, խորը ղգացումով՝ ի հակադրություն լիբերալ բուրժուական մամուլում տպագրված՝ ոչինչ չասող ընդհանուր սին ֆրազներով ու կեղծավորությամբ լի հոդվածների, որոնց մասին խոսում է Լենինն իր՝ „Л. Н. Толстой“ հոդվածում[2], գրված 1910 թ. նոյեմբերին։ Պրավդիստ հեղինակը հանդամանորեն քննության է առնում «մեծ ծերուկի», «հանճարեղ գրողի» ապրած հոգեկան ծանր ճգնաժամը, որի արդյունքը եղավ նրա «մեծ հեռացումը»։ Լենինյան հոդվածների ոգով

[1] „Путь правды“, № 90, от 18 мая 1914 г. *П. Раб.* „XVIII—XIX века русской литературы“. (В. Евгеньев.—Писатели-борьцы с крепостной неволей. 1914 г.).

[2] Ленин, Соч., т. XIV, стр. 400—403.

ցույց է տրված Տոլստոյի հայացքների խորը հակասականությունն ու միաժամանակ նշված նրա վիթխարիությունը, որպես հանճարեղ գեղարվեստագետի։ Բերենք մեկ-երկու քաղվածք այդ հոդվածից, ավելի կոնկրետ ցույց տալու „Правда"-ի վերաբերմունքը Լ. Տոլստոյի ու նրա թողած մեծ ժառանգության նկատմամբ։

Հոդվածն սկսվում է այսպես.

«Երկու տարի անցավ այն օրվանից, երբ մեռավ Տոլստոյը։ Մեծ ծերունին, մի ոտքն արդեն գերեզմանում, վերահաս մահվան նախազգացումով, թողեց իր հարազատ օջախը, Յասնայա Պոլյանան, և մութ գիշերով, ողջ ընտանիքից գաղտնի, ուղեորվեց դեպի հեռուն, դեպի անհայտություն, որպեսզի իրականացնի իր նվիրական երազանքը—հեռանալու ստության, անարդարության, ճնշման ու կեղծիքի աշխարհից, որին պատկանում էր նա իր ծագումով, և միանալու ժողովրդին, որի մեջ նա տեսնում էր ճշմարտության և բարության մարմնացումը։ Մեծ գրողի 82-ամյա օրդանիզմը, ցնցված այդ ծանր, տանջալի ապրումներից, բեկված, խախտված (надломленный) աշնանային ուղևորության շրջակացությունից (обстановка), այլևս չկարողացավ դիմանալ։ Նոյեմբերի 7-ին նա մեռավ Աստապովո խուլ կայարանում, կայարանապետի աղքատիկ, անշուք բնակարանում։ Մեզնից յուրաքանչյուրի համար անմոռանալի են 1910 թվի այդ աշնանային օրերը»[1]։

Այս պարբերության մեջ արդեն արտահայտված է պրավդիստ հեղինակի հիմնական միտքը մեծ գրողի մասին (ըստ այդ մտքի՝ Տոլստոյը հեռանում է «ստության, անարդարության, ճնշման ու կեղծիքի աշխարհից», «միանալու ժողովրդին, որի մեջ նա տեսնում էր ճշմարտության ու բարության մարմնացումը»)։ Այնուհետև հեղինակն ավելի հանգամանորեն կանգ է առնում այն հարցի վրա, թե՝ «ինչպիսի՞ հոգեկան տրագեդիա ապրեց մեծ գրողն իր վերջին օրերում։ Ո՞ւր և ինչո՞ւ գնաց նա իր հեռացման անմոռանալի օրը»։

Պրավդիստ հեղինակն առանձնապես նշում է հասարակական կյանքում եղած այն անհաշտելի հակադրությունը, որ գիտակցում էր Տոլստոյը, հակադրություն ճնշված-իրավազուրկ ժողովրդի և իշխող դասակարգի, մասնավորապես կալվածատիրության միջև։ Խորապես զգալով այդ՝ «Տոլստոյը չէր կարողանում հանգստանալ»։ «Խռոված հոգին ելք էր փնտրում ստեղծված դրությունից, խիղճը տանջում, կտրատում էր նրան։

Հիշենք հասարակ գյուղացի N-ին ուղղված նրա վերջին նամակը, որի մեջ թափելով իր խարված սրտի ողջ դառնությունը, վիշտը, գրում է, որ չի կարող հաշտվել իր կյանքի հետ, երբ միլիոնավոր աշխատավորներ ապրում են ամենածանր պայմաններում, քաղցի ու ցրտի մեջ։ Եվ այդ նամակը բացահայտում է մեզ պատճառներն այն մեծ դրամայի, որ ապրեց Տոլստոյը մահից առաջ... Իր վեհ կյանքի մայրամուտին նա գնաց դեպի իսկական ռամկացում» (опрощение)։

Այնուհետև նշելով Տոլստոյի աշխարհայացքի կապը նարոդնիկության հետ, ինչպես և այն, որ «Տոլստոյի՝ «չարին չհակադրվելու» քարոզը որպես

[1] *У. Л*—„Великий уход" (К годовщине смерти Л. Н. Толстого). „Правда", № 162, 7 (20). XI. 1912 г.

ծաղր էր հնչում կապիտալիստական շահագործման վայրենի վակխանալիա-յում», պրավդիստ հեղինակը վերջում ասում է.

«...Չհասնելով կյանքի լայն ու հզոր ընթացքի օրինաչափության գաղափարին, օրգանապես չկարողանալով հաղորդակից լինել այն նոր կուլ-տուրային, որ գալիս է կյանքի հատակից, սոցիալական ներքնաշերտերից, որոնք կոփում են ապագա աշխարհի հիմքերը, մեծ քրիստոնյան և մեծ «մուժիկը» („великий христианин и великий мужик") հանգեց այն համոզ-ման, թե ինքն անզոր է բուժելու ռուսական իրականության «ճակատագրա-կան ախտերը», իրականություն, որը վերջին տասնամյակների ընթացքում սրա ծերունական կուրծքը ծածկել էր անբուժելի վերքերով։

...Յասնայա Պոլյանայի իմաստունն իր վերջին հզոր խոյանքով (по-рыв) ցանկացավ իրենից դեն նետել շրջապատող կյանքի ճնշումը և հեռա-ցավ։ Բայց նրա այդ հեռացումը եղավ նրա համար ճակատագրական,— դա եղավ նրա մեծ կյանքի վերջին վսեմ ակկորդը»։

Այս արտահայտություններում չի կարելի չզգալ խորը համակրանք նաև վշտակցություն հանճարեղ գրողի կյանքի ու նրա ապրած մեծագույն ողբերգության նկատմամբ, որպիսին, նույն հեղինակի ճիշտ արտահայտու-թյամբ ասած՝ «հազիվ թե աշխարհի մի որևէ այլ հանճար կրած լինի»։

Ն. Պ. Օգարյովի ծննդյան 100-ամյակին (1813—1913 թ.) նվիրված հոդվածում „Правда"-ն գրում է.

«Օգարյովն ու Գերցենը երկու խոշոր մեծություններ են, որ իրենցով նշանավորում են մի ամբողջ էպոխա 40-ական թվականների հասարակա-կան մտքի շարժման մեջ։ Դեռ պատանի Օգարյովն իր ընկեր Գերցենի հետ միասին երդվեցին Մոսկվայում, Վորոբյովյան կոչված սարերում, իրենց բոլոր ուժերը նվիրաբերելու, իրենց ողջ կյանքը տալու անարգված, վիրա-վորված և վշտացած մարդկանց պայքարին, խորտակելու ճորտատիրական կարգերը, ազատագրելու ժողովրդին Ռուսաստանը»[1]։ Ապա նշված է ռուսական ուղղությունն գեմոկրատիայի տյս երկվորյակների տարբերու-թյունը.

«Իր մտքի ուղղությամբ Օգարյովը նշանակելի չափով անցավ Գերցե-նից։ Նա հավատում էր սոցիալիզմի հաղթանակին։ Նրա մեջ էր տես-նում մարդկության փրկությունը։ Ճորտատիրական ռեակցիայի խավար էպոխայում նա ազատագրում է իր գյուղացիներին՝ հող է տալիս նրանց.—դա մի բացարձակ դեմոնստրացիա էր, որի համար և նա հատուցեց։

Ժողովրդի ազատագրության մասին մտածելով, նա այն համոզումն ուներ, որ դա կլա ոչ թե վերևից, այլ ներքևից», ասում է հոդվածագիրը և ապա իր այդ միտքը հաստատելու համար մեջ է բերում մի քառյակ Օգարյովի „Юмор" պոեմի 3-րդ մասից և նշում, որ Օգարյովը պաշտպա-նում է գյուղացիական ուղղության գաղափարը, խորը հավատ ունենալով գյուղացիության ուղղությունն ուժի նկատմամբ։

Այդ հոդվածում Օգարյովը գնահատված է նաև որպես տաղանդավոր բանաստեղծ, նշված են նրա պոեզիայի արժանիքները՝ կատարելով համա-պատասխան մեջբերումներ նրա բանաստեղծություններից։

[1] *С. З—р.*—Н. П. Огарев (К 100-летию со дня рождения). „За правду", № 46, от 28. XI, 1913 г.

«Օգարյովի մուսան մեղմ է, սրտագին, հասարակականը միահյուսվում է լիրիկականի հետ, բայց միշտ էլ առաջնային դերը խաղում է առաջինը» (իմա՝ հասարակականը)։

Եվ ապա՝ «Օգարյովն արժեքավոր է որպես պոետ, որի մոտ թախծալի լիրիկայի հետ միաժամանակ այնքան արիության կոչ և հավատ կա անկասկած գալիք վառ, աղատ, երջանիկ կյանքի նկատմամբ բոլոր մարդկանց համար»[1]։

Նույն հոդվածում „Правда“-ն անդրադառնում է երկու ռուս մեծ քննադատի։

Վիսսարիոն Բելինսկին բնութագրված է որպես «ռեալիստական քննադատության հիմնադիր, իր դործունեության երկրորդ շրջանում»։ Միաժամանակ նշված է մարքսիստական քննադատության կապը ինչպես Դոբրոլյուբովի, նույնպես և Բելինսկու հետ.

«Մարքսիստական քննադատությունն իր ծագումը կարող է հաշվել և՛ Դոբրոլյուբովից, և՛ ավելի վաղ՝ Բելինսկուց»[2]։

Մի այլ հոդվածում նշված է, որ ռուս հասարակական մտքի ու գրականության զարգացման համար 60-ական թվականները մի առանձին էպոխա են ներկայացնում, մի նոր էպոխա՝ իր «նոր մարդկանցով»։ «Այդ էպոխայի առաջադրած նոր մարդկանց շարքում մենք հանդիպում ենք Չերնիշևսկուն, Դոբրոլյուբովին, Պիսարևին, Նեկրասովին, Միխայլովին և շատ ուրիշներին։ Ահա այդ փառավոր պլեեադային է պատկանում նաև Նիկոլայ Գերասիմովիչ Պոմյալովսկին» — ասված է վերջինիս մահվան 50-ամյակին (1863 թ. 5. X—1913) նվիրված հոդվածում (П. Рябовский ստորագրությամբ)։ Այնուհետև նշելով Չերնիշևսկու բարերար ազդեցությունը Պոմյալովսկու վրա նրանց ծանոթությունից հետո, որ տեղի է ունեցել „Современник“-ում, Պոմյալովսկու „Мещанское счастье“ վիպակի տպագրության առիթով (1861 թվի սկզբին), վերջում հոդվածագիրը նրան համեմատում է Դոբրոլյուբովի հետ՝ ցույց տալով նրանց կյանքի ու գործունեության նմանությունը և ապա Ն. Գ. Պոմյալովսկուն բնութագրում որպես «ռուսական դեմոկրատիայի վաղեկ մրրկահավի („раннего буревестника русской демократии“), որի հզոր թևերն այնպես անժամանակ խուզեցին մութ ուժերն ու բռնությունը»[3], այսինքն՝ ցարիզմը։

Ն. Ա. Դոբրոլյուբովի մասին „Правда“-ն, տարբեր առիթներով, տպագրել է երկու հոդված, մեկում ներկայացնելով «տաղանդավոր ռուս մեծ քննադատ Դոբրոլյուբովին» (1914 թ. հունիսի 23, „Рабочий“, № 8), իսկ մյուսում՝ Դոբրոլյուբով-պոետին (1924 թ. ապրիլի 13, „Путь правды“)։

Ն. Գ. Չերնիշևսկու մասին „Правда“-ում առանձին հոդված է տպագրվում նրա աքսորի շրջանի նամակագրության երեք հատորների հրատարակության առիթով («Чернышевский в Сибири. Переписка с родным“, т. т. I, II, III, изд. „Огни“, 1912)։ Թեև հոդվածի վերնագիրը („Письма Чернышевского“)[4] շատ բան չի խոստանում, բայց շատ բան է

---

[1] Նույն տեղ։

[2] Նույն տեղ։

[3] *П. Рябовский*—П. В. Помяловский. (К 50-летию со дня его смерти.) „За правду“, № 4, 5. IX, 1913 г.

[4] „Рабочая правда“. № 17, I. VIII, 1913 г.

ասված մեծ ռևոլուցիոների, մտածողի և հրապարակախոսի կյանքի ու գործունեության մասին։ Նշված է Չերնիշևսկու կյանքի թե՛ ողբերգականությունը, դաժան աքսորի շրջանում, և թե հերոսականությունը։ Հիացմունք է արտահայտված նրա մտքի հզորության ու վիճախարիության նկատմամբ։

«Մեր առաջ իր ամբողջ հասակով կանգնում է մտքի այդ դյուցազնի կերպարը (образ), կենդանի թաղված սիբիրյան ձնակույտերում։ Ինչի՞ մասին միայն նա չի խոսում։ Նա կրկին հայտնադործում է բազմազիմի (всевозможные) մաթեմատիկական թեորեմաները, նա բանավիճում է Դարվինի հետ, ջախջախում է Օգյուստ Կոնտին ու նրա փիլիսոփայությունը, նա ջախջախում է Հզվիտների նշանակությունը պապականության պատմության մեջ, և այլն, և այլն։ Ակամա միտք է հղանում, որ եթե նա աքսորված չլիներ, ինչպիսի՛ վիճախարի գիտնական ու մտածող կտար Ռուսաստանը աշխարհին»—ասում է հոդվածագիրը և ապա ընդգծում մեծ ռևոլուցիոների կրքոտ հայրենասիրությունը և անձնազոհ նվիրվածությունն ու սերը իր մայր Ծողովրդի ու նրա կուլտուրայի նկատմամբ։

«Հազարավոր կիլոմետրներով հեռու Ռուսաստանի մտավոր կյանքի կենտրոնից, Չերնիշևսկին չէր դադարում հետաքրքրվելու հայրենի դրականության կյանքով և եթե չէր ուրախանում նրա ուրախությամբ,—որպիսին չկար,—ապա ցավում էր նրա վշտերով»։

Այս առթիվ հիշատակված ու մեջ է բերված Չերնիշևսկու՝ 1877 թ. օգոստ. 14-ին՝ Ա. Ն. Պրպինին ուղղված հայտնի նամակը՝ այն ժամանակ արդեն մահամերձ Նեկրասովի մասին, սրտի հրով ու արյունով գրված, խոբապես հուզիչ մի նամակ[1], որը ցույց է տալիս, «թե ինչպիսի՛ ջերմությամբ էր սիրում ու բարձր գնահատում Չերնիշևսկին Նեկրասովին»։ Հոդվածի վերջին մասում նշված է Չերնիշևսկու հակայական ազդեցությունն իր էպոխայի հասարակական մտքի և մասնավորապես երիտասարդության վրա՝ հակառակ Չերնիշևսկու երկերի ու գաղափարների տարածման դեմ ցարական ոստիկանական ռեժիմի հարուցած կատաղի հետապնդումներին։

«Նրա հռչակը տարածվեց Ռուսիայի բոլոր անկյունները։ Հակառակ արգելքներին, Չերնիշևսկու մտքերն ավելի ու ավելի էին տպավորվում ու մխվում երիտասարդ Ռուսիայի սրտում, ավելի էր պայծառանում նրա պատկերը, նահատակի պատկերը։ Նրա անունը դարձավ այն ժամանակվա ազատագրական շարժման սիմվոլը»։

---

[1] Այդ նամակից հոդվածում բերված է հետևյալ հայտնի հուզիչ կտորը ու նրանից հետո Նեկրասովի երկտող պատասխանը Չերնիշևսկուն։

«Ճորապես վշտանում եմ, կարդալով, որ մահն արդեն անխուսափելի է եղել և մոտ, երբ դու գրել ես քո երկրորդ նամակը,—եթե, իմ այս նամակը ստանալիս, Նեկրասովը դեռ կշարունակի շնչել, ասա նրան, որ ես ջերմորեն սիրել եմ նրան որպես մարդու, որ շնորհակալ եմ նրանից իմ նկատմամբ ունեցած բարեհաճ տրամադրության համար, որ ես համբուրում եմ նրան, համոզված եմ, որ նրա փառքն անմահ կլինի, որ հավերժական է Ռուսաստանի սերը նրա նկատմամբ, բոլոր ռուս պոետներից ամենահանճարեղի ու ամենաազնիվի նկատմամբ»։

Լսելով Չերնիշևսկու այս նամակի մասին, դեռ կենդանի, բայց արդեն մահամերձ Նեկրասովն իր երախտագիտական զգացմունքն է արտահայտել, ասելով՝ «Ասացեք Նիկոլայ Գավրիլովիչին, որ ես շատ շնորհակալ եմ նրանից, ես այժմ մխիթարված եմ, նրա խոսքերը քանդ են ինձ համար, ավելի քան որևէ մեկի խոսքերը»։

Ն. Ա. Նեկրասովի կյանքի ու ստեղծագործության նկատմամբ բոլշևիկյան „Правда“-ի ցույց տված առանձին ջերմ վերաբերմունքի մեջ արտահայտված է Չերնիշևսկու մարդարեական մտքի արդարացումը։ Արհամարհելով ցարական ժանդարմական խստությունները, լենինյան-ստալինյան „Правда“-ն Չերնիշևսկու սրտագին խոսքերով արտահայտված միտքն էր պաշտպանում ռուսական գյուղացիական դեմոկրատիայի վշտի ու ցասման երգչի մասին, այն մասին, որ՝ «նրա փառքն անմահ կլինի, որ հավիտենական էի Ռուսիայի սերը նրա նկատմամբ, բոլոր ռուս պոետներից ամենահանճարեղի ու ամենաազնիվի նկատմամբ»։

„Правда“-ն Նեկրասովին նվիրել է վեց հոդված, դրան ավելացնենք և այն, որ մի շարք այլ հոդվածներում՝ ինչպես քննադատական, նույնպես և հրապարակախոսական՝ հիշատակված ու դրվատված է նրա պայծառ անունը և գործը։ Բոլշևիկյան „Правда“-ի հոդվածներում տրված է Նեկրասովի հասարակական ու պոետական կերպարը, որպես ճշմարիտ քաղաքացիական պոեզիայի ներկայացուցչի, վեր է հանված նրա ստեղծագործության խորը ժողովրդայնությունն ու դեմոկրատիզմը, նրա կրքոտ ազատասիրությունն ու հումանիզմը և այդ ամենը հակադրված XX դարի սկզբում (900—910-ական թ.թ.) տիրապետող գրական անկումայնության, այլասերմանը, դեկադենտական գրականության անտիդեմոկրատիզմին։

„Правда“-ի հրատարակության առաջին ամիսները ղուգադիպում են Նեկրասովի ողբերգական մահվան 35-ամյակին։ Եվ ահա այդ նշանակալից տարեթվի նախօրեին „Правда“-ն ձեռնարկում է լայն աշխատանք, նպատակ ունենալով Նեկրասովի մահվան 35-ամյակը դարձնելու ռուս. ռևոլյուցիոն դեմոկրատիայի գրականության լավագույն տրադիցիաների վերակենդանացման հանդես, քաղաքացիական վշտի ու ցասման մեծ երգչի ժառանգության ժողովրդականացման հանդես։

Այդ ոգով ահա, „Правда“-ի 1912 թ. նոյեմբերի 29-ի համարում (№ 180) П. Ф. ինիցիալներով տպվում է մի դիմում՝ „Письмо ко всем культурно-просветительным обществам“.

«Այս տարվա դեկտեմբերի 27-ին լրանում է մեր սիրելի պոետ-քաղաքացու՝ Նեկրասովի մահվան 35 տարին»—ասված է նամակի սկզբում և ապա հարց է առաջադրված, թե ինչպես պետք է նշվի այդ օրը։ Հեղինակն անհրաժեշտ է համարում, որ «յուրաքանչյուր կուլտուր-լուսավորական ընկերություն պետք է իր տեղում կազմակերպի գրական երեկո՝ սեփական ուժերով, այսինքն՝ ընթերցողների և արտասանողների մասնակցությամբ՝ հենց բանվորներից։

Իր բանաստեղծություններից մեկում Նեկրասովը գրել է.

И песнь моя бесплодно пролетала
И до народа не дошла она.

Բայց այժմ ժողովուրդը ճանաչում է Նեկրասովին ու պիրում նրան։ Նեկրասովը դարձել է մեր ժողովրդական պոետը։

Ցույց տանք ուրեմն այդ՝ մեր գիտակցական վերաբերմունքով դեկտեմբերի 27-ի օրվա նկատմամբ»։

Այդ նամակից 14 օր հետո՝ դեկտեմբերի 13-ին՝ „Правда“-ն տպագրում է մի նոր նամակ՝ հրահանգչական-գիրեկտիվ՝ նույն П. Ф. ինիցիալներով և այսպիսի վերնագրով.

„К Некрасовскому дню.

Письмо культурно-просветительным обществам“ (*см.* № *180 „Правды“*).

Այս նամակը մի կոնկրետ թեմատիկ պլան է, որով „Правда“-ն առաջարկում է անցկացնել դեմոկրատ պոետի մահվան 35-ամյակը «գրական երեկոների կազմակերպումով, նվիրված նրա պոեզիային»։ Այդ պլանում նշված են կոնկրետ թեմաներ՝ դեկուցումների («ռեֆերատների») համար՝ Նեկրասովի համապատասխան ստեղծագործությունների և աղբյուրների հիշատակումով ըստ թեմաների։ Այստեղ բերենք միայն թեմաները.

I. Краткая биография Некрасова в связи с эпохой.

II. Народ в поэзии Некрасова.

III. Некрасов как сатирик.

IV. Отношение Некрасова к освобождению крестьян.

V. Некрасов и русская женщина.

VI. Некрасов—поэт-гражданин и его взгляд на свое творчество.

Սրանից հետո, 12 օր անց, դեկտ. 25-ին՝ 35-ամյա տարեդարձից 2 օր առաջ, „Правда“-ն տպագրում է Евг. Краев ստորագրությամբ հոդվածը՝ „*Н. А. Некрасов* (*К 35-летию со дня смерти*)“ վերնագրով։

Այստեղ տրված է ռուս մեծ դեմոկրատ պոետի հիանալի ճիշտ բնութագիրը։—«Նեկրասովը մեծ պոետ է, և եթե նրան դեռևս չի կարելի [լիակատար] իմաստով անվանել ժողովրդական պոետ, ապա միայն այն պատճառով, որ մեր ժողովուրդը տակավին խավար տգիտության մեջ է գտնվում.—դժվար է պոետի իմաստուն՝մարգարեական խոսքը հասցնել ժողովրդական մասսաներին, երբ շատերն անծանոթ ու խորթ են տպագիր գրքին։

Նեկրասովը մեծ է ոչ այն պատճառով, որ նրա ստեղծագործությունն օժտված է մարդկային սիրտը կախարդող ռուսական հրաշագեղ խոսքի հմայիչ գեղեցկությամբ, ոչ այն պատճառով, որ նա զգայուն, խորը, դյուրազգաց նկարիչն է ռուսական բնության ու կյանքի, կարողանալով նկատել նրանում նոր, մինչ այդ չարտահայտված գեղեցկություն, խոսել նրանց մասին ներդաշնակ, քաղցրահնչյուն և խորը-թախծալի լեզվով, ինչպես ռուսական երգերն են։ Նրանից առաջ էլ եղել են բնության և մարդկային հոգու գաղտնիքները պատկերող խորաթափանց մեծություններ, ինչպես Պուշկինը և Լերմոնտովը, նրանից (Նեկրասովից) ավելի նուրբ, նրանից ավելի թախծալի-քաղցրահնչյուն։ Ո՛չ, նա մեծ է այն պատճառով, որ նրա բանաստեղծական խոհն անբաժան է եղել ժողովրդական խոհից, որ նրա վիշտն անբաժանելի է եղել ժողովրդական մեծ վշտից, որով տոգորված է ռուսական հողը, որ նա հավատում էր ժողովրդական դեռ խավար մասսաների մեջ թաքնված մեծ ուժերին, հավատում և միայն ժողովրդի արթնացումից էր սպասում շրջադարձը դեպի նոր, լավագույն վիճակ»։

Այս քաղվածքում այնքան խորը ու լայն ընդհանրացում կա, որ դժվար է նոր ԽաԿաՑ մոմենտ ավելացնել Նեկրասովին տրված այդ բնութագրությանը, որի մեջ նշված է նաև նրա առանձին տեղը ռուսական կլասիկ պոեզիայի զարգացման շղթայում՝ Պուշկինից ու Լերմոնտովից հետո։

Նեկրասովի մահվան 35-ամյակի նշումից հետո „Правда“-ն շարունակում է այլ և այլ առիթներով հիշել ազնիվ դեմոկրատին։ 1913 թվի ըն-

թացքում „Правда"-ում տպվում են մի քանի նոր հոդվածներ Նեկրասովի մասին.

1913 թ. փետրվ. 17-ի № 40-ում՝ կանանց միջազգային ռեվոլյուցիոն օրվա առթիվ տպվում է՝ „Доля женщины-крестьянки" հոդվածը, ուր ռուս գեղջկուհու դառն ու անամոք վիճակի պատկերները բերված են նախ Նեկրասովի և ապա, ինչպես ասված է՝ «գյուղացիական կյանքի մի այլ երգիչ, վշտի հորձանքն անձայր ճաշակած—Նիկիտինի» ստեղծագործություններից։

Նույն թվի օգոստոսի 1-ի №-ում անվանափոխված „Правда"-ն („Северная правда") տպագրում է մի փոքրիկ հաղորդում՝ Նեկրասովի մերձմահվան օրերին գրած վերջին բանաստեղծություններից մեկի („Путешественник") մեջբերումով։ Հաղորդումը կրում է՝ „Н. А. Некрасов и деревня" վերնագիրը։ Իսկ դրանից երկու ամիս անց՝ նորից անվանափոխված „Правда„-ի („За правду") 1913 թ. հոկտ. 1-ի №-ում տպվում է „Некрасов в деревне" վերնագրով անստորագիր հոդվածը, ուր մեջ են բերված ռուս գյուղացիների սրտառուչ, հուզումնալի կարծիքներն իրենց սոցիալական ու ազգային վշտի մեծ երգչի մասին։

Հայտնի է, որ պրոլետարիատի ազատագրական պայքարի հանճարեղ առաջնորդի՝ Լենինի երկերում Նեկրասովի հետ հաճախ միաժամանակ, կողք-կողքի հանդես է գալիս ռուս կլասիկ գրականության մի այլ հսկա՝ Սալտիկով-Շչեդրինը՝ իր հզոր սատիրայի մահացու մտրակով՝ ընդդեմ ամեն դույնի ռեակցիոներների։ Իր ռեվոլյուցիոն քաղաքական-հրապարակախոսական պայքարում Լենինը հաճախ է դիմում թե՛ Նեկրասովին, թե՛ Շչեդրինին, բարձր գնահատելով նրանց անկեղծ հայրենասիրությունն ու դեմոկրատիզմը և անհաշտ, մահացու ատելությունը ճորտատիրական-ցարական ռեժիմի, ինչպես և ստրաքարշ լիբերալիզմի նկատմամբ։

«... Դեռևս Նեկրասովն ու Սալտիկովը խրատ էին տալիս ռուս հասարակությանը՝ կրթված ճորտատեր կալվածատիրոջ կոկված և օծված արտաքինի տակ տարբերել նրա գիշատիչ շահերը, սովորեցնում էին ատել նման տիպերի կեղծավորությունն ու անգթությունը[1]...»—գրել է Լենինը 1907 թվին։ Բոլշևիկյան „Правда"-ի էջերում Նեկրասովի մեծարումը Լենինի՝ „Правда"-ի անմիջական իդեական ղեկավարի՝ ռուս մեծ դեմոկրատ-պոետի նկատմամբ ունեցած հայացքի արտահայտությունն էր։ Եվ ճիշտ այնպես, ինչպես Լենինի գաղափարական-հրապարակախոսական պայքարում Նեկրասովի հետ միաժամանակ իբրև զինակից հանդես է գալիս Շչեդրինը, որին Լենինի երկերում կարելի է հանդիպել սկսած 90-ական թվականների սկզբից («Ովքե՞ր են «ժողովրդի բարեկամները»...) մինչև 1922 թիվը («Մարտնչող մատերիալիզմի նշանակության մասին»), այդպես էլ մինչհոկտեմբերյան „Правда"-ում, Նեկրասովի հետ միասին, ռուս գրականության մյուս կորիֆեյների շարքում հանդես է գալիս նաև Շչեդրինը, որին շատ ավելի մեծ տեղ է տրված, քան որևէ այլ գրողի։

Այդ տեսակետից կարևոր դոկումենտ է Լենինի՝ „Правда"-ի խմբագրությանը Կրակովից գրած այն նամակը (1912 թ. սեպտ. 8), ուր Լենինը կոնկրետ ցուցում է տալիս ժամանակ առ ժամանակ հիշելու, ցիտելու և մեկնաբանելու „Правда"-ում Շչեդրինին և «հին» նարոդնիկական դեմո-

[1] *Ленин*, „Памяти графа Гейдена. (Соч., т. XII, стр. 9.)

կրատիայի մյուս գրողներին», «տեղին ու հետաքրքրական» համարելով այդ՝ «բանվորական դեմոկրատիայի հարցերը այլ կողմերից, այլ ձայնով լուսաբանելու» տեսակետից։ Լենինի այդ նամակը գրված է Ա. Վիտիմսկու (Մ. Օլմինսկու) „Культурные люди и нечистая совесть" մարտաշունչ հրապարախոսական հոդվածի առթիվ, որն այնքան դուր էր եկել Լենինին. և այդ այն պատճառով, որ պրավդիստ հրապարակախոսը շատ հմուտ ու տաղանդավոր կերպով օգտագործել է հանճարեղ սատիրիկի մահացու խարազանը լիբերալ բուրժուական ինտելիգենցիայի կեղծ, անամեջ «կուլտուրականության» դեմ։ Լենինն այդ նամակում գրել է.

«Օգտվում եմ առիթից, որպեսզի շնորհավորեմ ընկ. Վիտիմսկուն (հույս ունեմ ձեզ համար դժվար չի լինի հանձնելու այս նամակը նրան), իմ այսօր ստացած „Правда"-ում (№ 98) տպված շատ հաջող հոդվածի[1] առթիվ։ Արտակարգ տեղին է վերցված թեման և մշակված է հակիրճ, բայց պարզ ձևով գերազանցորեն։ Լավ կլիներ ընդհանրապես ժամանակ առ ժամանակ հիշելու, ցիտելու ու մեկնարանելու Շչեգրինին և «հին» նարոդնիկական դեմոկրատիայի մյուս գրողներին։ „Правда"-ի ընթերցողի համար—25.000-ի համար—այդ կլիներ տեղին, հետաքրքրական, այլև բանվորական դեմոկրատիայի ներկայիս հարցերը նոր լուսաբանություն կստանային»[2]։

Լենինի այս ցուցումը հետևողականորեն կիրառվել է „Правда"-ի էջերում, ուր ընթերցողը հաճախ է հանդիպում Շչեգրինին ու «հին» նարոդնիկական դեմոկրատիայի մյուս գրողներին։ Օլմինսկու այդ հոդվածից հետո, Լենինի հիշյալ ցուցման համաձայն, „Правда"-ն հենց ճիշտ այնպես, ինչպես դրել է Լենինը՝ «ժամանակ առ ժամանակ» հիշում ու անդրադառնում է մեծ սատիրիկին, որի գրական ժառանգությունն ու պատմական տեղը ռուս գեղարվեստական մաքի պատմության մեջ ըստ արժանվույն նշված ու բնութագրված է։ Ամբողջովին Սալտիկովին են նվիրված հետևյալ հոդվածները.

Волков, „Неунывающие либералы" („Правда", № 82, 3. VIII. 1912 г.

А. Витимский, „19-е февраля и крепостное право" („Правда", № 41, 19. II. 1913 г.).

А. Витимский, „Децентрализация („Правда", № 60, 13. III. 1913 г.).

Մեկ տարի հետո՝ մեծ սատիրիկի մահվան 25-ամյակի առնչությամբ տպագրվել են մի շարք նոր հոդվածներ ևս։ Դրանցից ուշագրավ են առանձնապես դարձյալ Ա. Վիտիմսկու (Մ. Օլմինսկու) հոդվածը՝ „Салтыков-Щедрин" վերնագրով („Путь правды", 1914 թ. ապրիլի 13, № 69 և ապրիլի 27, № 72)։ Շչեգրինի մահվան առթիվ 1914 թ. ապրիլի 27-ի №-ում, Ա. Վիտիմսկու (Օլմինսկու) երկրորդ (եթե նախորդ տարվանն էլ հաշվի առնենք՝ չորրորդ) հոդվածից բացի, տպված է նաև Շչեգրինի „За рубежом" գրքից նրա մի սատիրական պատմվածքը՝ „Торжествующая свинья или разговор свиньи с правдою" վերնագրով՝ խմբագրական ծանուցումով ու փոքր նախաբանով։ Թե հիշյալ հոդվածներն իրենց սուր, կրքոտ, ճշմարտացի

[1] Լենինը նկատի ունի Ա. Վիտիմսկու (Մ. Օլմինսկու) „Культурные люди и нечистая совесть" հոդվածը „Правда"-ի 1912 թ. օգոստոսի 23-ի № 98-ում։

[2] *Ленин*, Соч., т. XXIX, стр. 74—75.

բնույթով և թե Շչեդրինից առանձին հատվածների արտատպությունը ցույց են տալիս, որ „Правда"-ն հետևողականորեն կիրառում էր Լենինի ցուցումը հանճարեղ սատիրիկի գրական ժառանգությունը ցարիզմի ու կապիտալիզմի դեմ, ժողովրդի բոլոր թշնամիների դեմ մղվող պայքարում օգտագործելու մասին։

«Շչեդրինը պրոլետարական գրող չէր։ Նա մնում է 1883 թ., երբ գիտակից պրոլետարիատի շարժումը հազիվ նոր ծնվում էր։ Բայց ոչ-պրոլետարական գրողներից Շչեդրինը պատկանում է այն քչերի թվին, որոնց հիշատակը պետք է թանգ ու սրբազան լինի բոլոր դիտակից բանվորների համար, ինչպես թանգ է նրանց համար Բելինսկու, Դոբրոլյուբովի, Նեկրասովի, Գլեբ Ուսպենսկու հիշատակը»—գրում է Ա. Վիտիմսկին իր հիշյալ հոդվածներից մեկում[1]։ Այդ քննության առնելով նրա ստեղծագործական դեմքը, Վիտիմսկին նշում է Շչեդրինի առանձնահատկությունը.

«Շչեդրինն ամենից ավելի հայտնի է որպես դրող-սատիրիկ.—նա խուսնավոր, չար և անխնա ծաղրել է կալվածատեր-ճորտատերերին ու չինովնիկներին և այն ժամանակ դեռ նորածին բուրժուազիային։ Բայց իրոք, Շչեդրինն արժեքավոր է ոչ միայն իր ծաղրով, այլև բնակչության բոլոր շերտերի կյանքի խորը-ճշմարտացի, լուրջ նկարագրությամբ, ճորտատիրական իրավունքի ժամանակներից սկսած ու վերջացրած անցյալ դարի 80-ական թվականներով»։ Եվ այնուհետև Վիտիմսկին հանգամանորեն քննում է Շչեդրինի մեծությունը, նրա արժեքը թե որպես սատիրիկ գրողի և թե որպես հրապարակախոսի՝ հատուկ ուշադրության առնելով նրա անշեղ սկզբունքայնությունը, գաղափարականությունը և անկաշառ նվիրվածությունը հասարակական այն վեհ նպատակին—իդեալին, որին տվել է նա իր կյանքն ու մարտաշունչ ստեղծագործությունն սկզբից մինչև վերջը։

«Շչեդրինը մեծ արվեստագետ էր։ Նրա ուժը սատիրական ու բելետրիստիկական տաղանդի մեջ է։ Բայց այդ ուժը տասնապատիկ մեծանում է նրա համոզվածությամբ, նրանով, որ նա գրում էր ոչ դրած լինելու համար, այլ մարտնչում էր հանուն ապագայի, նվիրելով իր տաղանդն ի սպաս իդեալին»։

Մենք այստեղ հնարավորություն չունենք հանգամանորեն կանգ առնելու և ցույց տալու, թե՝ բացի վերոհիշյալ գրողներից, „Правда"-ն ինչ է գրել, ինչ կողմերից է գնահատել ու բնութագրել ռուս կլասիկ գրականության բազմաթիվ այլ անվանի ներկայացուցիչներին, որոնց անուններին հաճախ կհանդիպի ընթերցողը մինչհոկտեմբերյան „Правда"-ի պայծառ էջերը թերթելիս,—Գոգոլի, Ի. Տուրգենևի, Գոնչարովի, Լ. Տոլստոյի, Մամին—Սիբիրյակի, Գլեբ Ուսպենսկու, Զլատովրատսկու, Գարշինի, Կորոլենկոյի, Չեխովի և ուրիշների մասին։ Մենք չենք կարող նաև կանգ առնել այն քննադատական հոդվածների վրա, որոնք նվիրված են արդյականության գրականության մի շարք ներկայացուցիչներին։

Բայց մենք կարևոր ու անհրաժեշտ ենք համարում կանգ առնել և առանձնապես նշել այն, ինչ դրել է մինչհոկտեմբերյան բոլշևիկյան „Правда"-ն ուկրաինական հերոսական ժողովրդի՝ ազատասիրությամբ ու բոցաշունչ հայրենասիրությամբ տոգորված գրականության ամենամեծ ներկա-

[1] *В. Витимский*, „Салтыков-Щедрин" („Путь правды", № 69, 13. IV. 1914).

յացուցչի՝ Տարաս Շևչենկոյի մասին։ Ուկրաինական մեծ կորզարի մասին մինչհոկտեմբերյան „Правда“-ում եղած հոդվածներն ու հաղորդումներն արտահայտում են լենինյան-ստալինյան պարտիայի անհուն սերն ու սրբատադին համակրանքը Շևչենկոյի մայր ժողովրդի ու հայրենիքի ազատագրական գործի նկատմամբ, և անհաշտ ատելությունը՝ այն նողկալի ռեժիմի նկատմամբ, որի ճիրաններում տառապում էր Ուկրաինան, «այն ռեակցիոն ռեժիմի, որի պատճենն է հանդիսանում հիտլերյան ռեժիմն իր էությանն»[1]—ինչպես ասում է ընկեր Ստալինը։ Ուշագրավ է, որ „Правда“-ն Շևչենկոյի մասին սկսում է գրել իր գոյության հենց սկզբից՝ 1912 թվի մայիսից և առաջին հերթին՝ ցարական ժանդարմական ռեժիմի կողմից Շևչենկոյի ստեղծագործության տարածման դեմ հարուցված վանդալական արգելքների առիթով։

1912 թ. № 26-ում „Правда“-ն տպում է, „Литературное дело“ վերնագրով, հետևյալ հաղորդումը.

«Եբեկ, Ս. Պետերբուրգի դատաստանական պալատում լսեց Շևչենկոյի „Кобзарь„ անունով բանաստեղծությունների ժողովածվի ոչնչացման մասին գործի քննությունը։ Այդ աշխատությունը երկու հրատարակություն է ունեցել, իսկ չորրորդում (?) մամուլի գործերի կոմիտեն նկատել է զանազան հանցանքների նշաններ և գրքի վրա կալանք է դրվել։

Դատաստանական պալատը որոշեց թույլ տալ բրոշյուրը շրջանառության համար, հանելով նրանից 20-ից ավելի բանաստեղծություններ»։

Այս հաղորդումից հետո բավական երկար ժամանակ „Правда“-ն, ցենզուրայի խստության պատճառով, հնարավորություն չի ունենում որևէ բան գրելու Շևչենկոյի մասին, իսկ վերջին տարում՝ 1914 թ. սկզբին (փետրվար և մարտ ամիսներին) անվանափոխված „Правда“-ն („Путь правды“) տպում է մի ընդարձակ հաղորդում (իհարկե ցենզուրական կրճատումներով) Պետական Դումայի 1914 թ. փետրվարի 26-ի և 28-ի նիստերում՝ սոցիալ-դեմոկրատ դեպուտատ (Ղրիմի կողմից) մետալիստ-բանվոր Ա. Ֆ. Բուրյանովի արտասանած ճառի մասին, նվիրված Շևչենկոյի ծննդյան 110-ամյակի հոբելյանի արգելման և նրա երկերի ու անվան դեմ ցենզուրայի հարուցած արգելքների հարցին[2]։ Այդ հարցի դեմ է ուղղված նաև „Крепостники и Шевченко“ անստորագիր հոդվածը, ուր խստորեն դատապարտված է Պուրիշկևիչների սև-հարյուրյակային բանդան, որը խեղդում էր ուկրաինական ազգային կուլտուրան, հալածում էր ուկրաինական ժողովրդի կյանքի ու գրականության ամեն մի ազատագրական արտահայտություն։ Այն, ինչ սրանից մոտ 30 տարի առաջ մինչհոկտեմբերյան „Правда“-ում Շևչենկոյի երկերի ու անվան դեմ եղած արգելքների առնչությամբ գրված է ցարական սև-հարյուրյակայիններին մասին, նույնը լիովին վերաբերում է վիլհելմյան իմպերիալիզմի գիշատիչ հետնորդներին՝ հիտլերյան բռնադատիչներին, որոնց գաղանային ատելությունը Շևչենկոյի ու նրա մայր ժողովրդի կուլտուրայի նկատմամբ նույն «հիմքերն» ունի և նույն «արդարացումը»։ Իհարկե, հիտլերյան «կուլտուրտրեգերներին» վանդալիզմին չի հաս-

[1] Ի. Վ. Ստալին—Հոկտեմբերյան Սոցիալիստական հեղափոխության XXIV տարեդարձը, էջ 18։

[2] „Путь правды“, №№ 25 и 26 от 1, 2. III. 1914 г. „Государственная Дума (Заседание 26-го февраля). Речь с.-д. Бурьянова по запросу о чествовании Шевченко“.

նում անցյալներում որևէ ռեակցիոն ռեժիմի, նույնը և ցարիզմի սատրապների կողմից ցույց տրված հալածանքը ուկրաինական ազատասեր ժողովրդի կուլտուրայի ու նրա ազգային փառքն ու պատիվը մարմնացնող Շևչենկոյի նկատմամբ, բայց նմանությունն ակնհարև է։ Դերժանա-ֆաշիստական դավթիչների կողմից Շևչենկոյի հիշատակի նկատմամբ գործադրված բռնություններին տեղյակ մեր սերունդը կարդալով մինչհոկտեմբերյան „Правда"-ի նյութերը՝ կտեսնի, թե ում սև, ռեակցիոն տրադիցիաներն են շարունակում այդ կատաղած գաղանները, Շևչենկոյի ու նրա ժողովրդի—հայրենիքի ազատության անարդ թշնամիները։

Ռուսաստանի հարավի (Ղրիմից) ս.-դ. դեպուտատ Բուրյանովի ճառը վկայում է այն անհաշտ ատելության ու թշնամանքի մասին, որ արտահայտում էր ցարական պետականությունն ուկրաինական ժողովրդի ազգային փառքի՝ Շևչենկոյի նկատմամբ, ու, դրան հակառակ, ՌՍԴԲԿ-ի մեծ սերն ու համակրանքն այդ ժողովրդի և նրա ազգային զգացմունքների ու պատվի արտահայտչի նկատմամբ։ Ահա, թե ինչ է ասված դեպուտատ Բուրյանովի՝ „Правда"-ում տպված այդ ճառում։ Նա սկսում է բուն հարցից, այսպես՝ «Ես ուղղակի չեմ կարող պատկերացնել, թե ինչքան ծանր կլիներ, եթե մենք մի բոպե ընկնելով Գերմանիայի, Ֆրանսիայի ազդեցության տակ, հանկարծ այդ պետությունները... արգելեին մեզ պատվելու Պուշկինի, Լերմոնտովի և ուրիշ [ռուս.] կլասիկի հիշատակը,—ինչպիսի՞ զայրույթով մենք կվերաբերվեինք այդ կառավարությանը, որը մեզ վրա ձեռք կբարձրացներ նրա համար, որ մենք ուզում ենք պատվել մեր հանճարներին։—Եվ եթե այդ պատահելու լիներ, հասկանալի է, որ այստեղ կմիանար ողջ ռուս հասարակությունը[1]։ Եվ ուրեմն ի՞նչ իրավունք ունեն այժմ մինիստրության (խոսքը լուսավորության մինիստրության մասին է. Ա. Ա.) ներկայացուցիչները, նացիոնալիստները, ալ կազմակերպությունները արգելել, վերացնել՝ իր սեփական գրողին պատվելու ժողովրդի իրավունքը։ Ես բոլորովին չեմ կարողանում հասկանալ։ Ուկրաինական ժողովուրդը, իսկապես, այժմ դժվարանում է հասկանալ, թե ինչումն է բանը»։

Այնուհետև Բուրյանովը հիշեցնում է, թե ինչպես դրանից 8 տարի առաջ, ռուս. առաջին ռևոլուցիայի փոթորկից սարսափահար, ցարական մինիստրությունն ստիպված է եղել պաշտոնապես թույլ տալու ուկրաիներեն լեզվով գրականության տարածումը, իսկ կենտրոնական իշխանությունը թույլ է տվել տպագրելու Շևչենկոյի մինչև 1905 թիվն արգելված երկերը, բայց հենց որ անցել է փոթորիկը, սկսվել է ստոլիպինյան ռեակցիան, «դրանից 3—4 տարի անց՝ բռնագրավել են "Кобзарь"-ը և պատասխանատվության կանչել նույնիսկ հրատարակչին...»—նշում է Բուրյանովը և ապա անդրադառնում ցարական մինիստրության հարուցած հալածանքներին, որով արգելվել է Շևչենկոյի ծննդյան 110-ամյակի կատարումը Ուկրաինայի ամենագլխավոր քաղաքներում՝ Կիևում, Խարկովում, Պոլտավայում և այլուր։ Դատապարտելով այդ ռեակցիոն վերաբերմունքը, ս.-գ. դեպուտատն այն հույսն է հայտնում, թե միայն ապագա ազատ Ռուսաստանում

[1] «... որը կցանկանար պատվել այդ կլասիկների հիշատակը,—և կստացվեր այն անալոգիան, որն այժմ տեղ ունի ուկրաինական նահանգներում։ Իհարկե, այս ամենն աբստրակտ մտածողություն է, կասեք դուք, բայց խոշոր անալոգիան Բուրյանովի ճառի այս մասը ցենզուրան հանել է թերթից։

ուկրաինական ժողովուրդը ձեռք կբերի իրավունք «ազատորեն պատվելու իր նախնիներին», ուրեմն և տոնելու իր ազգային մեծ երգչի հոբելյանը[1]։

Ուշագրավ է „Правда"-ի (այն ժամանակ՝ „Путь правды" փոխանունով) 1914 թ. փետրվարի 18-ի № 15-ում տպված „Крепостники и Шевченко" անստորագիր խմբագրական հոդվածը, որ սկսվում է հարազատ սրտի ապրած վիշտն ու ցասումն արտահայտող այս, առերևույթ հանգիստ խոսքերով՝ „Не везло Тарасу Григорьевичу Шевченко при жизни, не везет и после смерти...", և այնուհետև անհայտ հեղինակը նշում է ուկրաինական մեծ երգչի վառքի ուղին, որ անցել է անլուր հալածանքների միջով։

Երբ 1840 թ. ճորտական վիճակից նոր (1838 թ., 24 տարեկան հասակում) ազատված մեծատաղանդ երիտասարդ (26 տ.) «Շևչենկոն հրատարակեց իր բանաստեղծությունների ժողովածուն՝ „Кобзарь"-ը, նա միանգամից մտավ մեծագույն ազգային պոետների շարքը»—դրում է պրավդիստ հեղինակը և շարունակում.

«Եվ հենց անմիջապես սկսվում է հալածանքը Շևչենկոյի դեմ։ Չէ՞ որ նա միանգամից երկու հանցանք ուներ—թունավոր իրոնիայով նկատում է պրավդիստ հեղինակը.—նախ, որ նա ժողովրդից էր դուրս եկել, ճորտ գյուղացիներից, և երկրորդ՝ նա հանդես եկավ ոչ որպես սովորական պոետ, այլ որպես պոետ-դեմոկրատ, ճնշված ժողովրդական մասսաների երգիչ»։

Ապա հիշատակված է Շևչենկոյի բանտարկությունն ու աքսորը և ծանր հալածանքները մինչև իր տխուր մահը։ Այնուհետև պրավդիստը ցասումով շարունակում է. «իսկ ինչո՞ւ են այժմ էլ շարունակվում հալածանքները Շևչենկոյի դեմ։—Հենց նույն բանի համար։ Ճորտատերերի հետնորդները գյուղացիներից դուրս եկած ժողովրդական պոետին վերաբերվում են նույնպիսի չար ատելությամբ, ինչ նրանց հավերժահիշատակ հայրերը»։

Ապա պրավդիստ հեղինակը նշում է նաև լիբերալների ստորաքարշ, ստրկական վերաբերմունքը պուբլիցիստիկայի սև-հարյուրյակային նացիոնալիզմի նկատմամբ. «մեր լիբերալներն էլ բողոքում են դրա դեմ», բայց միայն արտաքին քաղաքական նկատառումներով՝ «չչարացնելու ուկրաինացիներին» և չօգնելու Ավստրիային, որն իր քաղաքականությունը նվազում է «սեպարատիստական» լարերի վրա։ Բայց ի հակադրություն նաև լիբերալների, հայտարարում է պրավդիստ հեղինակը՝

«Դրա համար չի, սակայն, որ դեմոկրատիան, բանվոր դասակարգը բողոքում է Շևչենկոյին հալածողների դեմ։ Բանվորները բողոքում են այն պատճառով, որ Շևչենկոյին հալածողների վարքի մեջ տեսնում են ճորտատիրական բարբարոսության մնացորդներ, միտրոֆանուշկաների ամենազորությունը»[2]։

Այս (անստորագիր) հոդվածից մի քանի օր հետո „Правда"-ն տպագրում է մի ավելի ընդարձակ հոդված՝ „Памяти Т. Г. Шевченко" վերնագրով ու В. М. ինիցիալներով։

Հոդվածը ջերմ զգացմունքով ներկայացնում է «մոլոդուսական մեծ

---

[1] Ճառի այս մասը ցենզուրան արգելել է Քերթում ապագրել։

[2] „Путь правды", № 15, от 18/II 1914 г. „Крепостники и Шевченко". Այս հոդվածն անստորագիր է, բայց շատ հավանական է, որ պատկանում է նույն Վ. Իոխելսոնին (Մ. Օլմինսկուն)։

պոետին» կյանքի ու ստեղծագործության հիանալի բնութագիրը, որի համար իբրև բնորոշ, արտահայտիչ էպիգրաֆ, բերված են անմահ կորզարի հետևյալ սրտագին հայրենասիրական խոսքերը.

„... Я так люблю
Мою Украйну убогу
За неї душу погублю".

Ի խորոց սրտի խոսքեր, որ ասել է նա Օրսկի բերդում։

«Եվ Ուկրաինան պահպանում է իր սիրելի պոետի և իր ժողովրդի երջանկության համար կռվող մարտիկի հիշատակը»—ասում է պրավդիստը—և նորից ու նորից դատապարտում այն բարբարոսական արգելքը, որով ուկրաինական ժողովուրդը զրկվել է հարգելու իր ազգային վշտի և ազատագրական պայքարի ու երազանքների երգչի հիշատակը տոնելու իրավունքից։

Քաղվածքներ բերելով Շևչենկոյի ստեղծագործություններից և գծելով նրա գեղարվեստական իդեական դեմքը, պրավդիստ-հեղինակը ցույց է տալիս, որ ցարական ոստիկանական ռեժիմի թշնամական վերաբերմունքն ուղղված է ուկրաինական ժողովրդական պոետի ազատասիրության ու հայրենասիրության դեմ, այն բանի դեմ, որ նա ուկրաինական ճնշված ժողովրդի մեծատաղանդ պոետն է, որն ակտիվորեն մասնակցում էր Ուկրաինայի ազգային ազատագրական պայքարին՝ հանդիսանալով անվեգալ ազգային ռևոլյուցիոն կազմակերպության անդամ։

Եվ երբ դավաճանորեն հայտնաբերվեց այդ կազմակերպությունը, բանտարկվեց ու աքսորվեց նաև Շևչենկոն։

«Շևչենկոն ճանաչվեց որպես ամենակարևոր հանցավորներից մեկը, այն հիման վրա, որ նա «գրել է բանաստեղծություններ մալոռուսական լեզվով՝ ամենավրդովեցուցիչ բովանդակությամբ»։ Եվ քանի որ նա վայելում էր նշանավոր պոետի հռչակ, հենց այդ պատճառով նրա բանաստեղծությունները «կրկնակի վնասակար են ու վտանգավոր»։

Ալա նկարագրված է Շևչենկոյի ծանր աքսորն ու ազատազրկումը, որի ընթացքում տանջված, բայց միշտ ազատատենչ պոետը սրտատրոփ սպասում էր, թե երբ կվերանա անիծյալ ճորտատիրությունը, երբ կբացվի ռուսական և ուկրաինական ժողովրդի ազատագրության արշալույսը։ Բայց նա մեռնում է մեծ ազատության վառ տենչը սրտում։

Ուշագրավ է մեջբերումը ուկրաինական անվանի գրող, քննադատ և հասարակական գործիչ Պանտելեյմոն Կուլիշի (1818—1897 թ.թ.) այն սրտառուչ ճառի, որ ասել է նա Շևչենկոյի մարմինը հայրենիք բերելիս, նրա թաղման հուղարկավորության մոմենտին։

«Ի՞նչ արած, այդ դու ես, батьку Тарасс, վերադառնում ես Ուկրաինա без червонной кытайки-заслуги казацкой.

Ո՛չ մի ազատասեր նախորդը գերեզման չի իջնում առանց այդ վերջին վաստակի։ Ծածկեցեք, պարոններ, տխուր սև դագաղը փառահեղ կարմիր ծաղիկներով»...։

Այնուհետև նշված է «Ցարաս Շևչենկոյի՝ այդ բազմակողմանի հզոր տաղանդի» մի բնորոշ գիծը՝ նրա անհուն օպտիմիզմը, աննասան հավատը

լուսավոր ու ազատ դալիքի և անսահման սերը իր ճնշված ժողովրդի նկատմամբ։ Իսկ դա, եզրակացնում է պրավդիստը՝

«Մալոռուսական մեծ պոետին էլ ավելի մեծ իրավունք է տալիս, հավիտենական փառքի ու անաղարտ-անբիծ հիշատակի իրավունք՝ ապրելու հետնորդների սրտում, որոնց բարորութեյան ու երջանկութեյան համար նա մարտնչել է իր ողջ կյանքում»[1]։

Պրավդիստ-գրականագետի այս խոսքերում և մյուս հոդվածներում՝ երեսուն փոթորկալից տարիներից հետո էլ զգացվում է բոլշևիկյան պարտիայի մարտական տրիբունի արտահայտած անհուն սերը, հիացմունքը և հարգանքը ազատասեր ուկրաինական հերոսական մեծ ժողովրդի ազգային կուլտուրայի ու փառքի նկատմամբ, ինչպես և անզուսպ ցասումն ու ատելութեյունն այն նողկալի ռեժիմի նկատմամբ, որի մագիլներում վաղաժամ թառամեց անմահացած կոբզարը, ռեժիմ, որպիսին այժմ վայրագ կատաղութեյամբ փորձում են վերահաստատել մեծ ճանապարհի հիտլերյան ավազակները, բոլոր ժողովուրդների, առանձնապես ուկրաինական ժողովրդի ներկայիս տյդ դահիճները, որոնք, ինչպես հայտնի է ողջ աշխարհին, իրենց արյունոտ մագիլներով գիշատում են Ուկրաինայի սիրտը, խորտակում են նրա հրաշագեղ ազգային կուլտուրան, ըստ որում առանձին վայրագութեյամբ անպատվել են անմահ կոբզարի պայծառ հիշատակը։

Բայց նողկալի հիտլերականներն անզոր են ժողովրդից խլելու՝ „Правда“-ի բառերով ասած՝ «մալոռուսական մեծ պոետի հավիտենական փառքի ու պայծառ հիշատակի իրավունքը», որն իր 30-ամյա պայքարով պաշտպանել ու պաշտպանում է բոլշևիզմի ճշմարտութեյան դրոշակակիրը՝ լենինյան-ստալինյան „Правда“-ն՝ տարածելով այդ անկապտելի իրավունքը բոլոր ժողովուրդների գեղարվեստական մտքի լավագույն ներկայացուցիչների վրա։

---

[1] В. М.—Памяти Т. Г. Шевченко („Путь Правды“, № 21, от 25. II. 1914 г.).

ԲՈՎԱՆԴԱԿՈՒԹՅՈՒՆ

	էջ
Բոլշևիկյան մամուլը՝ ճշմարտության զենք („Правда"-ի 1942 թ. մայիսի 5-ի առաջնորդողը)	*5*
Մարիա Պետրոսյան—„Правда"-ի երեսնամյա ուղին	*9*
Հ. Գյուլբենկյան—„Правда"-ի պայքարը սոցիալիստական կուլտուրայի, փիլիսոփայության, գիտության, գեղարվեստի համար	*35*
Խ. Ս. Սարգսյան—„Правда"-ի գեղարվեստական խոսքը Հայրենական պատերազմի օրերին	*67*
Աս. Ասատրյան—Մինչհոկտեմբերյան „Правда"-ն և գրական ժառանգությունը	*85*

Содержание

	Стр.
Большевистская печать—орудие правды (Передовая „Правды" от 5 мая 1942 г.)	5
Мария Петросян—Тридцатилетний путь „Правды"	9
Г. Гюликевхян—Борьба „Правды" за социалистическую культуру, философию, науку, искусство	35
Х. *С. Саркисян*—Художественное слово „Правды" в дни Отечественной войны	67
Ас. Асатрян—Дооктябрьская „Правда" и литературное наследство	85

Contents

	Page
The Bolshevik press—the weapon of truth. (The editorial of "Pravda" from the 5 of May, 1942)	5
Maria Petrossian—The tricennial path of "Pravda"	9
G. Gulykevkhian—The struggle of "Pravda" for the socialistic culture, philosophy, science, art	35
Kh. S. *Sarkissian*—"Pravda"'s artistic style in the days of the fatherland war	67
As. Assatrian—The preoctober "Pravda" and the literary inheritance	85